

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2018 Том 18 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2018 Volume 18 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Включен в международную базу данных Скопус, в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socjournalrudn@rudn.university.

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus (abstract and citation database of peer-reviewed literature), Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socjournalrudn@rudn.university.

Подписано в печать 06.02.2018. Выход в свет 14.02.2018. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 21,86. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.
Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3
Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., Университет Вены, Австрия. E-mail: c.w.haerper@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., РУДН, Россия. E-mail: narbut_np@rudn.university

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., РУДН, Россия. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В.Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Куропятник А.И., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ

Маркович Д., доктор философских наук, профессор Белградского университета (Сербия)

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socjournalrudn@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., University of Vienna, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut_np@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Dean of Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus of Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of School of Political Sciences and Sociology of Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Kurojzatnik A.I., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology Chair of Saint Petersburg State University

Marković D., D.Sc (Philosophy), Professor of Belgrade State University (Serbia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center of National Research University "Higher School of Economics" (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor of Sociology Chair of RUDN University Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory of RUDN University Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research of Belorussian State University (Belorussia)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor of Chair of Sociology of Education and Youth of Institute of Sociology of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair of Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD in Sociology, Professor, Head of Historical Sociology Chair of Faculty of Humanities of Charles University (Czech Republic)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socjournalrudn@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Мысливец Н.Л., Романов О.А.** Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции 9
- Радкевич К.В., Шаблага А.В.** Оппозиция «Запад–Незапад» в социальной мысли: pro et contra 20
- Крамар А.А.** А.В. Чаянов на пути к созданию теории некапиталистических форм хозяйства 33

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Горшков М.К., Тюрина И.О.** Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности 44
- Беляева Л.А.** Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России 58
- ДиФрейн Дж.** Американская семья сегодня: парадокс трансформации семьи на фоне сохранения прежних семейных ценностей (на англ. яз.) 73
- Мерль Ш.** Основные черты аграрных трансформаций в бывшей ГДР (на англ. яз.) 88
- Ключарев Г.А., Неверов А.В.** Проект «5—100»: некоторые промежуточные итоги 100
- Андропова И.В., Белова И.Н., Ганеева М.В., Мосейкин Ю.Н.** Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов 117

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Нарбут Н.П., Троцук И.В.** Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) 131
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Захарова С.В.** Рекомендации интервьюерам при проведении социологических опросов: практическое использование теории психотипов и анализа невербальных реакций респондентов (на англ. яз.) 156

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Науменко Т.В.** Специфика маркетинговой деятельности благотворительных фондов 166

РЕЦЕНЗИИ

Сербский постсоциалистический транзит: заметки включенного наблюдателя: Рецензия на книгу: Шувакович У. Сербия в эпоху перемен. Москва: Изд-во РУДН, 2016. 162 с.

178

НАШИ АВТОРЫ

184

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Myslivets N.L., Romanov O.A.** Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction 9
- Radkevich K.V., Shabaga A.V.** The opposition ‘West/Non-West’ in the social thought: Pro et contra 20
- Kramar A.A.** A.V. Chayanov on the way to the theory of non-capitalist economy 33

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Gorshkov M.K., Tyurina I.O.** Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity 44
- Belyaeva L.A.** Social distances as a feature of the contemporary Russian social space 58
- DeFrain J.** The state of the American family: The paradox of how families and family values are changing while staying the same 73
- Merl S.** Key features of the agrarian transformations in the former GDR 88
- Kliucharev G.A., Neverov A.V.** Project “5—100”: Some interim results 100
- Andronova I.V., Belova I.N., Ganeeva M.V., Moseykin Yu.N.** Scientific-technical cooperation within the EAEU as a key factor of the loyalty of the participating countries’ population to the integration and of its attractiveness for new members 117

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Narbut N.P., Trotsuk I.V.** The social well-being of the post-socialist countries’ youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1) 131
- Puzanova Zh.V., Larina T.I., Zakharova S.V.** Recommendations for interviewers conducting sociological surveys: The use of the psychotypes theory and analysis of respondents’ nonverbal reactions 156

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Naumenko T.V.** Features of the marketing activities of charity organizations 166

REVIEWS

Serbian post-socialist transition: Notes of the participant observer: Review of the book: Šuvaković U. (2016) Serbia under the Transition. Moscow: Izd-vo RUDN. 162 p.

178

AUTHORS

184

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Н.Л. Мысливец, О.А. Романов

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
ул. Ожешко, 22, Гродно, Республика Беларусь, 230023
(e-mail: n.myslivets@gmail.com; oromanov@inbox.ru)

Статья посвящена осмыслению генезиса, сущности и перспектив социологического изучения исторической памяти. Цель статьи — выявление принципов организации и развития исторической памяти, определение методологических оснований ее изучения. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: раскрыть сущность исторической памяти как важнейшего компонента общественного сознания; эксплицировать предпосылки формирования и выявить детерминанты развития исторической памяти в условиях современности; определить теоретико-методологические основания социологического исследования исторической памяти. Источниковедческой базой исследования являются работы отечественных и зарубежных авторов по проблеме исторической памяти. Были использованы идеи, разработанные западными теоретиками (Я. Ассман, Й. Рюзен). Значительную роль в формировании авторской концепции сыграли работы российских авторов — Ж.Т. Тощенко, Л.П. Репиной, В.Э. Бойкова. В статье показано, что современные процессы глобализации, сопряженные с возрастанием степени мультикультурности большинства регионов мира, требуют надежных оснований сохранения и развития культурной идентичности народов и отдельных личностей. Одним из таких оснований является историческая память как закрепленный в индивидуальном и общественном сознании опыт исторического прошлого, определяющий основные паттерны социальной динамики. Выявлены источники формирования и содержательной трансформации исторической памяти. Показано, что если в XIX — начале XX в. был неоспорим авторитет таких каналов памяти, как наука и образование, то со второй половины XX в. стремительно возрастает значение фактора медиатехнологий и массовой культуры, что приводит к усложнению структуры исторической памяти, росту вариативности, способствует разрушению ее целостной картины и формированию множества альтернативных вариантов. В статье обоснован принципиальный тезис, согласно которому историческая память является необходимым условием сохранения и развития государственного и культурного суверенитета. Историческая память рассматривается как основа формирования зрелых качеств гражданственности и патриотизма. Обоснован тезис о необходимости проведения междисциплинарных исследований, интегрирующих методологический инструментарий и теоретические результаты, представленные в различных отраслях современного социогуманитарного знания.

Ключевые слова: историческая память; прошлое; источники памяти; социальные механизмы памяти; образы прошлого; информационные войны; культурная идентичность

* © Мысливец Н.Л., Романов О.А., 2017.

Экспликацию и концептуальное оформление феномена исторической памяти уместно начать с методологической преамбулы, с определения теоретических оснований ее социологической реконструкции. К числу основных жизненных аксиом принадлежит утверждение: история каждого нового поколения начинается не с «чистого листа», а с того наследства, плохого или хорошего, которое ему оставили предки. С изучением такого наследства связано понятие исторической памяти как одного из важнейших социокультурных феноменов бытия человека и общества и как фактора, определяющего не только их настоящее, но и ближайшее и даже отдаленное будущее. Социально-историческое развитие есть органический процесс, имеющий имманентную логику, закрепленную в матрицах культуры. Одним из следствий приведенного тезиса является тот факт, что игнорирование данной логики мстит «прорабам перестроек», не пожелавшим с ней считаться.

Будущее народов обусловлено, прежде всего, накопленным ранее опытом, социально-историческими основаниями их бытия, наиболее радикальными пережитыми ими метаморфозами и их современным положением в мире, системой ценностных ориентаций, исповедуемых людьми. Невозможно перечеркнуть прошлое, каким бы «темным» оно ни казалось. Мы можем лишь мобилизовать его потенциал, используя, в частности, заложенные в нем конструктивные культурные ресурсы. Проблема состоит в том, что они растворены в суете повседневности. Тем не менее до чуткого слуха пророков, поэтов и философов, а также крупных общественных и политических деятелей доносится эхо будущего, направляющего, наподобие компаса, их творчество. При этом, несмотря на перерывы постепенности в развитии общества, а также бесцельность исторических флуктуаций, история страны, история народа протекают в едином историческом времени, которое, как отмечал Н.А. Бердяев, отнюдь не совпадает с историзмом, ибо «историческое время — ноуменально» [2. С. 15].

Подход к ноуменально «историческому» возможен через конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. «Для того, чтобы проникнуть в эту тайну „исторического“, я должен, прежде всего, постигнуть это историческое и историю, как до глубины мое, как до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу» [2. С. 15]. И только в связи времен, осуществляемой в преемственности поколений, живо государство, жив народ. В случае забвения прошлого это будет уже другое государство и другой народ или их просто не будет. Тем более опыт прошлого в его концентрированном виде должен быть ведом тем, кто наделен властью и способностью оказывать влияние на их деятельность. Историческая память и историческое мышление — неперемненные качества любого политического деятеля, претендующего на влияние на исторический ход развития страны и мира.

Историческая память представляет собой весьма сложное и неоднородное явление как в содержательном отношении, так и с точки зрения его дальнейшего социологического исследования. В настоящее время сосуществуют различные подходы к определению данного понятия. Ж.Т. Тощенко пишет о том, что историческая память «по сути является выражением процесса организации, сохранения

и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [3. С. 5]. Немецкий ученый Й. Рюзен определяет историческую память «...с одной стороны, как ментальную способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания... С другой — как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта...» [11. С. 9]. Российский исследователь Л.П. Репина рассматривает историческую память в целом «как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [9. С. 42]. По мнению В.Э. Бойкова, «историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего „Я“ в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего „Мы“ в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [3. С. 85]. В.В. Кулиш характеризует историческую память «как системообразующий, коллективно выраженный элемент общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры, обеспечивающий актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающий направление инноваций во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и всего общества» [6. С. 14].

Причиной существующего многообразия подходов к определению данного феномена является как его собственная непроясненность в качестве объекта социологического исследования, так и сложность эмпирической верификации. С точки зрения реализации поставленных в настоящем исследовании задач представляется необходимым определить историческую память как один из важнейших социокультурных феноменов, обеспечивающих регуляцию поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом, результат отношения к совокупности социальных процессов прошлого.

Будучи одним из важнейших системообразующих элементов общественного сознания, историческая память представляет собой сублимированное выражение отношения индивидов и общества в целом к отдельным эпизодам и событиям прошлого, явно или латентно отражая интересы различных социальных групп и слоев. Ее содержание составляет совокупность транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, верований и обычаев, традиций, норм и правил поведения, которые образуют ядро этнической и культурной самоидентификации индивидов и оказывают, таким образом, существенное влияние на регуляцию их поведения и определяют настоящее и будущее как отдельных социальных групп и общностей, так и этносов и общества в целом. Хранящиеся в памяти представления о прошлом выступают в качестве ценностных ориентиров, которые обеспечивают регулирующее воздействие на поведение людей, их мировосприятие, способствуют формированию национальной и культурной идентичности.

Наряду с этим историческая память аккумулирует и негативные представления, сохраняет память о событиях, которые повлекли за собой значительные нравственные, человеческие и материальные утраты. Данные феномены выступают в качестве своего рода антиценностей, которые человечество извлекает из уроков истории, а их регулирующее значение состоит в том, что они предостерегают население, политические элиты и других социальных субъектов от повторения прежних ошибок.

Историческая память многомерна и полисубъектна: ее носителями являются как отдельные индивиды, так и определенные социальные группы, общности, общество в целом. Опыт ее социологического исследования свидетельствует о сложности получения общей среднестатистической картины, которая бы описывала состояние исторической памяти всего населения страны: выборочные опросы отдельных групп не позволяют получить такую картину. Вместе с тем подобного рода исследования позволяют увидеть расхождения во мнениях различных категорий населения, выявить вероятностные тенденции в развитии их отношения к различным аспектам культурной проблематики и определить степень их устойчивости. Многомерность феномена исторической памяти подразумевает разницу ценностных систем, социальных нормативов и поведенческих установок отдельных ее носителей, что обуславливает необходимость выявления и анализа механизмов ее трансляции и способов воздействия на современные социальные практики.

Историческая память как непрерывно развивающийся социально-культурный феномен отражает сложный и противоречивый характер общественного прогресса, его преемственность и оказывает тем самым существенное воздействие на процессы культурного развития в целом. Ей присущи особые механизмы запечатления, хранения и воспроизводства социокультурной информации, что в конечном итоге обеспечивает актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и определяет возможности и направленность их дальнейшего развития. Вместе с тем ее влияние происходит по-разному и проявляется в разной степени в каждой отдельно взятой ситуации: в некоторых случаях она выступает в качестве основной детерминанты культуuroобразования, в других же ее роль является весьма относительной.

Историческая память имеет персонифицированный характер, а ее сущность выражается в осознании индивидом своего «Я» и группового/коллективного «Мы», в семейной и сословной родословной, в конфессиональной среде, в культурной общности родного края, страны, а также всей человеческой цивилизации. Формируясь в непосредственной связи с существующей социальной ситуацией, историческая память определяет отношение ныне живущих к историческому прошлому народа, страны и государства, выражает их оценки прошлого и является основой для формирования отношения к будущему.

Историческая память не ограничивается представлением общества о прошлом, хотя ее ретроспективная направленность остается неизменным фактом: это и память о прошлом, и сам опыт. Она не пассивна и не статична, с ее помощью, путем переосмысления прошлого в современных интерпретациях, налаживается

система связей настоящего с прошлым и будущим. Вместе с тем созданные предыдущими поколениями материальные и духовные ценности не остаются в неизменном виде. Всеми последующими поколениями они воспринимаются уже в преобразованном виде, что обусловлено, прежде всего, ускоряющимися темпами перемен, в результате которых достижения прошлого достаточно быстро устаревают и сохранившегося наследия уже недостаточно тем, кто живет в новых условиях.

Изучение содержания, особенностей сохранения и воспроизводства памяти о прошлом на протяжении значительного периода времени продолжает оставаться одной из наиболее актуальных исследовательских задач, приковывающих к себе пристальное внимание представителей различных отраслей знания: историков, философов, культурологов, психологов, социологов. В последние годы острота данной проблемы существенно возросла, что, на наш взгляд, обуславливается следующими обстоятельствами.

В формирующихся социальных реалиях начала XXI века особую практическую значимость приобрела задача сохранения целостности и обеспечения преемственности накопленного народами социально-культурного опыта. Обращение к такому опыту и его активное использование становится важнейшим условием выработки устойчивого иммунитета против угрозы разрушения их социальной и этнокультурной идентичности. Данная задача существенно актуализирует проблему глубокого комплексного исследования исторической памяти. Социологический анализ ее механизмов, особенностей формирования и эволюции, путей и способов воздействия на общество в целом и на сознание отдельных индивидов и социальных групп позволяет глубже понять многомерную социальную реальность и обеспечить возможность эффективного социального управления, планирования и прогнозирования.

Значимость обращения к проблеме исторической памяти многократно возрастает в ситуации масштабных информационных войн, которые в последние годы ведутся с максимальной интенсивностью и ожесточением. Мы вполне солидарны с мнением известного российского специалиста по проблеме информационных войн И.Н. Панарина в том, что они «есть основное средство современной мировой политики, доминирующий способ достижения духовной, политической и экономической власти» [8. С. 17]. Информационная война направлена на уничтожение либо, что еще более опасно, переформатирование исторической памяти народа, наполнение его общественного сознания чуждыми и деструктивными для него ценностями, образами, мифами. Очевидно, что ближайшим следствием поражения в информационной войне становится распад всех духовных и одновременно организационно-управленческих структур проигравшего общества, а в перспективе — утрата суверенитета.

В данном контексте резко возрастает значение целенаправленной, теоретически фундированной работы по изучению исторической памяти молодежи как наиболее уязвимой к информационным атакам социальной группы, и формирования на этой основе зрелых качеств гражданственности и патриотизма. Учащающиеся попытки переписать, переинтерпретировать в своих собственных интересах,

а иногда и прямо оклеветать историю России и Беларуси должны стать предметом самого пристального внимания и противодействия как на государственном, так и общественно-гражданском уровне. При этом мы должны отдавать отчет, что это задача на годы и десятилетия вперед. И.А. Ильин в работе «О сущности правосознания» глубоко осмыслил данную проблему. Он показал, что зрелое историческое сознание и национальное самоуважение воспитывается в народе медленно и тяжело. Этот процесс требует времени, сил и жизненной мудрости: «Каждый народ должен выстрадать великий опыт индивидуального и коллективного самоутверждения и осознать этот опыт» [5. С. 112]. Только на основе такого страдания и осознания возможно, по Ильину, возвышение России, расцвет ее государственной жизни.

Начало XXI века характеризуется существенным расширением географии и объемов миграционных потоков. Прибывающие в страну иностранные граждане приносят с собой не только свою культуру, ценности, образ жизни, но и свою память о прошлом. Увеличение числа мигрантов приводит к размыванию национальных, территориальных, временных границ исторической памяти. Происходит столкновение традиционных образов прошлого с новыми, формирующимися именно в настоящее время, подвергаются трансформации места памяти, коммеморативные практики, деформируются или даже полностью разрушаются складывавшиеся на протяжении длительного периода времени стереотипы, представления о ценностях, о традиционном образе жизни.

С конца XX — начала XXI века в мире активно разворачивается процесс виртуализации исторической памяти, обусловленный возникновением и стремительным распространением новых способов коммеморации прошлого. Следствием такого поворота является существенная трансформация традиционных средств хранения и воспроизводства исторической памяти, появление огромного количества электронных ресурсов, цель которых — актуализировать и ретранслировать знания о прошлом. Изучение недостатков и преимуществ, особенностей и последствий формирования исторической памяти в режиме онлайн представляет особое практически значимое направление социологических исследований.

Значительный научно-практический интерес представляет национальное измерение исторической памяти жителей Беларуси и России, социологический анализ ее социально-демографических и региональных особенностей и национальных моделей. Позитивный образ прошлого способен оказать значительное стимулирующее воздействие на формирование жизненных стратегий различных социальных групп, стать ведущей движущей силой общественного развития.

К числу основных и наиболее влиятельных институтов, которые участвуют в формировании исторической памяти человека и общества, относятся национальная культура, система образования, средства массовой информации, господствующая идеология. Важнейшими источниками памяти о прошлом являются историческая наука, литература, кинематограф, а также личный опыт, в том числе документированный (мемуары, воспоминания, письма и пр.). Их роль обусловлена задачами фиксации и преобразования исторической информации в об-

разы (литература, искусство) или логические структуры (наука). На протяжении длительного периода времени за формирование исторической памяти отвечал устный канал информации, опиравшийся на личный опыт и устный способ передачи сведений о прошлом от очевидцев своим детям, внукам, друзьям, соседям и т.д. Исторические представления очевидцев имели форму устного нарратива (предания, сказания, легенды) и закреплялись в сознании поколений. Сохраняемые образы были локальными, неполными, с существенными пространственно-временными и событийными искажениями. Основными регуляторами исторической памяти в традиционном обществе выступали религия и церковь.

В XIX — начале XX века был неоспорим авторитет таких каналов памяти, как наука и образование. Степень их влияния на сознание индивида определяется в первую очередь особенностями информационного потока. Так, наука воздействует на рациональный уровень сознания. Система образования обеспечивает закрепление структурированного и логически непротиворечивого набора знаний и представлений о прошлом, формируя тем самым каркас образа прошлого. Со второй половины XX века стремительно возрастает значение таких факторов, как медиатехнологии и массовая культура, что приводит к усложнению структуры исторической памяти, росту ее вариативности, способствует разрушению ее целостной картины и формированию множества альтернативных вариантов.

Высокой степенью эмоционального воздействия на сознание людей обладают литературные произведения, кинофильмы, художественные полотна. Они придают представлениям о прошлом жизненную силу и правдоподобие, в результате чего те перестают быть сухими научными фактами и обретают «плоть и кровь». Исторические события, воплощаясь в судьбы героев произведений, их мысли и поступки, приобретают энергетику индивидуального опыта, а исторические факты, таким образом, трансформируются в образы прошлого.

Образ прошлого выступает в качестве центрального компонента исторической памяти. Это наиболее сложный для реконструкции уровень, формирующий ее мировоззренческое ядро. Выполняя функции объяснения прошлого, исторический образ способен отражать как научную, так и ненаучную информацию, а его важнейшими свойствами являются метафоричность, эмоциональность и узнаваемость, что обеспечивает выполнение его коммуникативных функций, а также способность отражать некоторые универсальные ценности.

Немецкий философ О. Шпенглер писал: «Природа есть образ, в котором человек высокой культуры придает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств. История — это образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углубленную действительность. Способен ли он справиться с этими образами и который из них больше властен над его бодрствующим сознанием — вот в чем основной вопрос всякого человеческого существования» [14. С. 41].

В соответствии с типологией Я. Ассмана, историческая память бывает двух видов: коммуникативная и культурная [1]. Коммуникативная память представляет

собой «память поколений», стихийно складывающуюся и передающуюся посредством речевых сообщений. Как правило, ее содержанием является индивидуальный опыт индивидов и малых групп (семей, соседских общин, небольших трудовых коллективов). Данный опыт не предполагает сложных способов кодирования и передачи и потому открыт каждому. Культурная же память всегда связана с какой-либо авторитетной фигурой: почитаемого старца в традиционном обществе или ученого-эксперта — в современном. Культурная память имеет свою специфику сохранения и передачи, например, посредством признанных текстов (учебники, справочники и т.п.), и закрепляется в институциональных формах. Тем самым культурная память представляет собой «особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп» [1. С. 156].

Все вышеназванные уровни и виды исторической памяти тесно взаимосвязаны, но изучение каждого из них может быть эффективным лишь при условии использования соответствующего методологического инструментария. Для изучения культурной памяти наиболее приемлемым является использование дискурс-анализа и контент-анализа. Социальные представления о прошлом могут исследоваться при помощи опросов общественного мнения. Наиболее же адекватным способом изучения коммуникативной памяти является методология устной истории. Как пишет Г. Джилардони, «среди многих возможных вариантов интеграции в качестве одного из наиболее перспективных зарекомендовал себя тот, что осуществляется между социологией и историей. Он открывает новые горизонты исследования со многообещающими эвристическими возможностями. Бесспорно, за каждой из этих двух дисциплин признается наличие сформировавшихся эпистемологических оснований, а следовательно, четко очерченного своего собственного предметного поля исследования. Тем не менее, их интеграция на уровне гносеологии и методологии может служить, так сказать, делу создания „прибавочной стоимости“, способствуя лучшему пониманию одного и того же предмета исследования. Действительно, с того момента, как между настоящим и прошлым выявлена неразрывная связь, с точки зрения социологического исследования очень трудно, не зная прошлого, понять настоящее и предсказать будущее» [4. С. 117].

За прошедший период категория исторической памяти прочно вошла в научный оборот, а затем и в повседневный обиход. В западной и российской социологии появились работы по различным аспектам сохранения памяти о прошлом, появились и попытки целостных и многомерных ее интерпретаций и описаний результатов многочисленных эмпирических исследований. По оценкам И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, «спектр работ по „исторической памяти“ сегодня очень широк: от мифотворческих опусов и разнообразных вариантов идеологизированной истории до научно-теоретических трактатов» [12. С. 170]. Вместе с тем, как считают Е.А. Ростовцев и Д.А. Сосницкий, такие исследования «не всегда вполне успешно решают задачу систематизации источниковой базы и разработки методологического инструментария. Исследования памяти ... это сотни камерных работ, посвященных отдельным аспектам и объектам исторической памяти, авторы ко-

торых, как правило, мало интересуются текстами и темами друг друга, используют мало согласуемые методологические подходы и терминологию. Особенно очевидна такая рассогласованность, если обратиться к трудам представителей различных дисциплин. Так, историки и социологи — основные игроки на поле *memory studies* — не сумели пока, несмотря на декларируемую обеими сторонами междисциплинарность, найти общий язык относительно инструментария и задач работы» [10. С. 117]. По-прежнему острой остается задача описания реального состояния исторической памяти, комплексного исследования ее содержания и функций, особенностей эволюции, роли государственной политики и учреждений образования и культуры в ее формировании и развитии.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости усиления координации в исследовательской работе представителей различных отраслей современного социогуманитарного знания с целью продолжения изучения проблематики исторической памяти. Эффективным средством получения объективной и разносторонней информации о современном состоянии исторической памяти населения и тенденциях ее развития может служить социологический мониторинг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [2] *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Канон+, 2017.
- [3] *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8.
- [4] *Джиллардони Г.* Размышления о пользе интеграции социологии и истории // Социологические исследования. 2012. № 11.
- [5] *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.: ТОО «Парог», 1993.
- [6] *Кулиш В.В.* Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России (по материалам социологических исследований в Алтайском крае): Автореф. дисс. к.с.н. Барнаул, 2011.
- [7] *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». 2013. № 3.
- [8] *Панарин И.Н.* Информационная война и третий Рим. М.: Баярд, 2003.
- [9] *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 3.
- [10] *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 2. Вып. 2.
- [11] *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7.
- [12] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
- [13] *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
- [14] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль. 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19

HISTORICAL MEMORY AS A SOCIAL-CULTURAL PHENOMENON: AN ATTEMPT OF SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION*

N.L. Myslivets, O.A. Romanov

Yanka Kupala State University of Grodno
Ozheshko St., 22, Grodno, Belarus, 230023
(e-mail: n.myslivets@gmail.com; oromanov@inbox.ru)

Abstract. The article considers the genesis, essence and perspectives of the sociological study of historical memory. The authors aim to reveal the principles of organization and development of historical memory and to define the methodological grounds for its study. To achieve this aim the article solves the following interrelated tasks: to reveal the essence of historical memory as the main component of social consciousness; to explicate the prerequisites for formation of historical memory, and to identify factors of its today's development; to define theoretical and methodological bases of the sociological study of historical memory. The article is based on the works of the researchers of historical memory: on the ideas of famous western scholars (J. Assmann, J. Rusen) and Russian researchers (Zh.T. Toschenko, L.P. Repina, V.E. Boykov). The article shows that the contemporary processes of globalization that determine the development of multiculturalism in the majority of the regions of the world require reliable grounds for preservation and development of peoples' and individuals' cultural identity. One of such grounds is historical memory as the historical experience reflected in individual and social consciousness, which determined the key features of social dynamics. The authors identify the sources of formation and substantial transformation of historical memory: while in the 19 — early 20th centuries science and education were the main sources of historical memory, in the second half of the 20th century the influence of media technologies and mass culture has significantly grown, which leads to the complexity of historical memory structure and growth of its variability, contributes to the destruction of its integrity and to the development of its various alternatives. The article claims that historical memory is an essential condition for preservation and development of state and cultural sovereignty, a basis for the mature civil consciousness and patriotism. The authors point to the necessity of interdisciplinary studies that integrate methodological principles and theoretical findings of different social sciences and humanities.

Key words: historical memory; the past; sources of memory; social mechanisms of memory; images of the past; information wars; cultural identity

REFERENCES

- [1] Assmann J. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures]. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury; 2004 (In Russ.).
- [2] Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Moscow: Kanon+; 2017 (In Russ.).
- [3] Boykov V.E. Sostoyaniye i problemy formirovaniya istoricheskoi pamyati [The state and formation of historical memory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002: 8 (In Russ.).
- [4] Gilardoni G. Razmyshleniya o polze integratsii sotsiologii i istorii [Thoughts on the advantages of integration of sociology and history]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012: 11 (In Russ.).
- [5] Il'in I.A. *O sushnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Legal Consciousness]. Moscow: TOO "Rarog"; 1993 (In Russ.).

* © N.L. Myslivets, O.A. Romanov, 2017.

- [6] Kulish V.V. Funktsionirovanie istoricheskoi pamyati v zhiznennom samoopredelenii vypusknikov shkol sovremennoi Rossii (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Altaiskom krae) [Functions of Historical Memory in the Self-Determination of Today's Russian School Graduates (based on the sociological study in the Altai Region)]: Avtoref. diss. k.s.n. Barnaul; 2011 (In Russ.).
- [7] Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamyati [The image of the past: The formation of historical memory]. *Izvestiia Uralskogo Federalnogo Universiteta. Seriya 2 "Gumanitarnye nauki"*. 2013: 3 (In Russ.).
- [8] Panarin I.N. *Informatsionnaya voyna i tretii Rim* [Information War and the Third Rome]. Moscow: Bayard; 2003 (In Russ.).
- [9] Repina L.P. Istoricheskaya pamyat i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and contemporary historiography]. *Novaya i Noveishaya Istorii*. 2004: 3 (In Russ.).
- [10] Rostovtsev E.A., Sosnitsky D.A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii [Tendencies in the study of historical memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2014: 2 (In Russ.).
- [11] Rusen J. Utrachivaya posledovatelnost istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) [Loosing the historical sequence (some aspects of historical science at the crossroads of modernization, postmodernism and discussions about memory)]. *Dialog so Vremenem. Almanakh Intellektualnoy Istorii*. 2001: 7 (In Russ.).
- [12] Savelieva I.M., Poletaev A.V. "Istoricheskaya pamyat": k voprosu o granitsakh ponyatiya ["Historical memory": On the limits of the notion]. *Fenomen Proshlogo / Red. I.M. Savelieva, A.V. Poletaev*. Moscow: HSE; 2005 (In Russ.).
- [13] Toschenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the contemporary situation]. *Novaya i Noveishaya Istorii*. 2000: 4 (In Russ.).
- [14] Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Geshtalt i deistvitelnost* [The Decline of the West: Outlines of a Morphology of World History. 1. Gestalt and Reality]. Moscow: Mysl; 1993 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32

ОППОЗИЦИЯ «ЗАПАД—НЕЗАПАД» В СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ: PRO ET CONTRA*

К.В. Радкевич, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

В статье исследуется феномен противопоставления социального знания в форме оппозиции «Запад—Незапад» и его социально-политические и идентификационные последствия. Изучается история вопроса и рассматриваются пути преодоления порожденного им научного и социального противостояния. В этом аспекте рассматривается природа концептуальной оппозиции социальных доктрин Запада и Востока и возможности их конвергенции. Необходимость конвергенции западного и восточного социального знания существует давно, но особую остроту она приобрела в ходе распада колониальной системы, когда возникшие на ее обломках страны Латинской Америки, Азии и Африки стремились утвердить свою национальную и государственную идентичность не только в политической, но и в научной сфере. Такая последовательность (от политики — к науке) объясняет попытки объявить социальные и социально-политические доктрины, декларируемые или реализуемые в бывших колониальных странах, явлением уникальным и не имеющим надежных аналогов в западном научном знании. В силу этого установление методологической значимости концепции «незападных» теорий представляется весьма актуальным. Для решения этой задачи особенности социально-политического знания стран Азии, Африки и Латинской Америки сравниваются с социальными ценностями стран Западной Европы, Китая и других стран. В частности, сравнивается аксиологическая триада Т. Хойса (демократия, римское право, христианская этика) и китайская диада (воля народа (*minxin suoxiang*) — три устоя (*sāngāng*)). В контексте оппозиции «Запад—Незапад» рассматриваются западноевропейские, китайские, японские, индийские, африканские, латиноамериканские социально-политические конструкты. Анализируется продуктивность некоторых категориальных оппозиций и контаминаций, принятых в сфере социального знания. Показывается теоретическая несостоятельность концепции мультикультурализма. Исследуются проблемы евроцентризма и западноевропейского мессианизма на примерах соотнесения с китаецентризмом, концепциями африканского и латиноамериканского национализма. В рамках этих сопоставлений категории «Запад» и «Незапад» описываются как пример метатеоретического инструментария (и в силу этого они могут быть легко объяснены в парадигме социального конструирования реальности). В результате исследования делается вывод, что понятия Запада и Незапада не имеют подлинно научного статуса. Они выступают как своеобразные маркеры социальных ценностей, претендующие на особое идентификационное значение, т.е. имеющие прямое отношение к самопредставлению. Это — своеобразные политические декларации, а не свидетельство эпистемологических различий основ социального знания в разных частях земного шара.

Ключевые слова: Запад; Незапад; незападные теории; ориентализм; идентичность; проблемы социального знания; мультикультурализм; политические доктрины

В последнее время ряд ученых, работающих в сфере социального знания, стали обращаться к категории «Незапада». Сама по себе попытка объяснить социальные различия с помощью географического критерия насчитывает не одну тысячу

* © Радкевич К.В., Шабага А.В., 2017.

лет. Поэтому всплеск интереса к успешному давно состариться методическому приему требует объяснений, хотя даже при первом рассмотрении легко прийти к выводу, что мы имеем дело с неким социальным конструктом, призванным через противопоставление себя «Западу» замаскировать феномен навязывания своего понимания идентичности странам, находящимся за пределами Западной Европы.

Этот феномен интересен не тем, что является результатом процесса отстаивания своей идентичности, а тем, что он исходит от западноевропейских стран, где декларации о приверженности гражданскому обществу встречаются особенно часто. Такое положение дел может свидетельствовать о том, что гражданское общество не в состоянии контролировать всплесков национальной идентичности. Вероятно, в этом заключается одна из причин несостоятельности попытки введения мультикультурализма на европейском Западе. Оценивая провал этой попытки, следует указать на методологические огрехи этой концепции, согласно которой следует не искать общие основы для совместного социального бытия, а исходить из необходимости параллельного существования обществ, принципиально несводимых к ценностному единству. И в этом смысле оппозиция «Запад—Незапад», будучи продуктом радикального противопоставления западноевропейской и остальных культур по «странному» географическому критерию, играет вполне определенную роль.

Для того, чтобы лучше уяснить методологическую ценность и социальное значение концепции «Незапада», обратимся сначала к вопросу классификации теорий, который не является беспроблемным. Существуют, например, такие причудливые контаминации, что не всегда понятно, к какому принятому классу следует отнести ту или иную концепцию. Природа этого явления может быть двойкой. В одном случае можно говорить о «продвижении» познания вперед — на стык с другой наукой. В другом случае может идти речь о том, что одна парадигма поглощает другую, растворяя ее в себе и, тем самым, устраняет «конкурента». Однако подобные метаморфозы не всегда продуктивны. Порой такие процессы приводят к конструктивной избыточности, чреватой ненужным нагромождением смыслов. В результате изначальная эпистемологическая привлекательность уступает место эклектизму, который описывается, как призыв к развитию ради развития. С такой ситуацией можно встретиться во всех науках, в особенности в социальных и идеологически ориентированных, то есть таких, что имеют практическое приложение и обслуживают интересы определенных групп. Возможно, это становится неким непреложным правилом, своего рода должным компонентом научного знания.

Возьмем, скажем, современный американский неоконсерватизм, состоящий как из элементов либерализма и неолиберализма, так и собственно консерватизма. До 1980-х годов считалось, что консерватизм и либерализм основаны на разных, чуть ли не взаимоисключающих ценностях (традиции и свободе соответственно). Наиболее показательны в этом отношении научные искания признанного основоположника современного неоконсерватизма Л. Штрауса. Он утверждал, что истинная демократия является уделом аристократов. Под ними он понимал людей, воспитанных в среде классического (традиционного) образования, являющейся,

с его точки зрения, единственным противоядием от разлагающего действия массовой культуры. В своей теории Л. Штраус объединил либеральную идею естественного права (в духе Гроция и Локка) с консервативной концепцией «сокровенности знания», по которой не следует сообщать социальное знание неподготовленным людям: «знаешь правду — молчи». Согласно его концепции, следует негласно делать так, чтобы «цель благородных превратилась в цель неблагородных» [15. С. 328]. Вероятно, именно в следовании такой методологически противоречивой теории нужно искать объяснение расхождению между провозглашаемой руководством США приверженности либеральным ценностям и абсолютно силовой социальной практикой, эти ценности постоянно попирающей. В этом смысле классификации, претендующие на методологическую отчетливость, безоговорочно разводящие научные направления по разные стороны принципов исследования, внешне выглядят намного понятнее и потому приемлемее.

В советский период все социальные теории, включая международные, обычно делились на две части: марксистско-ленинские и западные (т.е. буржуазные). Первые считались верными по определению, а другие ошибочными (в крайнем случае — сомнительными) или носили частный характер. Не отставали в этом отношении и западноевропейцы с американцами, которые тоже, пытаясь отстоять свои идеологические принципы, не особенно беспокоились о точности определений. В силу этого наука там по преимуществу тоже подразделялась на западную и коммунистическую (советскую). Таким образом, и Запад, и Восток (коммунистический Восток) фактически отказывали другим народам и странам в возможности теоретического осмысления социальных явлений. Их конструкты исследования социального мира воспринимались как концепции неясной морфологии.

Из этого следовало, что они были принципиально несовместимы с признанными теориями и им, в духе оппозиций «познанное—непознанное», «классическое—неклассическое», присваивали региональный — а, по сути маргинальный — статус. При этом в странах западноевропейской цивилизации возобладали подход, заключавшийся в возведении оппозиции «мы—они» в своеобразный принцип научной классификации. На этом основании — «все, кто не мы — они» возникло странно-географическое подразделение социального знания.

Поскольку Югу на первых порах вообще было отказано в возможностях научного познания, вначале противопоставлялись Запад и Восток. И общественное мнение Западной Европы, подготовленное к началу XX века более чем двухсотлетним политическим подчинением ряда латиноамериканских, азиатских и африканских стран, легко восприняло мысль о том, что социального знания, соответствующего критериям научности европейских ученых, там нет и в ближайшее время не предвидится. И оно, в полном согласии с чеканной максимой Р. Киплинга, что «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet» [19. P. 54], легко приняло идею о принципиальном противостоянии западного и восточного социального и политического знания. Это обстоятельство придало новые аргументы псевдотеоретическим утверждениям и «научно» обосновало имевшееся социально-политическое противостояние.

Следует сказать, что «западные» конструкты, требующие упорядоченности, внутренней непротиворечивости и некоей алгоритмичности, со временем обычно закостеневают. И придать им прежнюю гибкость может воздействие на них других понятий, вплоть до проникновения в них, подчас приводящее к замещению одних понятий другими. В этом отношении «восточное» знание может представлять собой тот оселок, на котором «Запад» может проверить свою продуктивность и даже состоятельность. Ибо «восточное знание» на понятийном и терминологическом уровне нередко выходит за пределы традиционного описания социальных феноменов и процессов, принятых в «западном» проблемном поле. Бытует мнение, что Восток не столь научен, академичен и строен, как это принято на Западе, что он расплывчат, иррационален (иногда до бессвязности), но, вместе с тем, объемлет более широкое смысловое пространство [17. Р. 8].

В этом отношении нам представляется уместным рассмотреть природу концептуального противостояния социальных доктрин Запада и Востока и возможности их конвергенции. Необходимость конвергенции западного и восточного социального знания существовала давно, но особую остроту она приобрела в ходе распада колониальной системы. Возникшие на ее обломках страны Латинской Америки, Азии и Африки стремились утвердить свою национальную и государственную идентичность не только в политической, но и в научной сфере. Такая последовательность: от политики — к науке, объясняет попытки объявить социальные и социально-политические доктрины, декларируемые или реализуемые в бывших колониальных странах, явлением совершенно уникальным и не имеющим надежных аналогов в западном научном знании.

Увеличение политического значения вновь возникших стран привело к интересу к их социально-политической мысли, что, в свою очередь, дало повод целому ряду исследователей — пусть даже иногда в порядке дискурса — вновь концептуально противопоставить Запад и Незапад [14. С. 182—191; 6. С. 8—23; 10; 20]. Причем под последним понимали решительно все страны, где западноевропейская культура не являлась базовой. То есть Запад противопоставлялся не только Востоку, но и, в какой-то степени, Северу с Югом. В этой связи любопытно, что можно также противопоставлять внешнеполитические теории Севера и Юга и все другие производные комбинации. Правда, на наш взгляд, продуктивность таких классификаций тоже будет весьма сомнительной.

В попытке найти истоки разделения научной мысли по странам света, то есть по не свойственному ей критерию, обратимся к истории вопроса.

В «западной» традиции первые проявления оппозиции нашли свое выражение в описании социально-политического соперничества Европы и Азии, которые спустя два с половиной тысячелетия трансформировались в политическое противостояние Запада и Востока. Первым противопоставил Европу и Азию «отец истории» Геродот. Опираясь на финикийское деление тогдашнего Средиземноморья, согласно которому анатолийское побережье именовалось Азией, а земли захода солнца Европой, он сделал это в виде наброска будущей социально-политической концепции. Согласно Геродоту мировая история была подвержена маятниковым колебаниям. Люди из Азии нападали на страны Европы, что порождало месть ев-

ропейцев, которая, в свою очередь, побуждала к ответным действиям азиатов и т.д. [4. С. 11—12]. В этой парадигме рассматривались греко-персидские войны, поход Александра и борьба его преемников (диadoхов). В дальнейшем азиатское направление для социально-политической активности было усвоено римлянами, которые стремились контролировать весь Ближний Восток, навязывая этому региону свои социальные нормы.

Конечно, сейчас можно подвергать сомнению безусловную веру в сообщения Геродота и его маятниковую концепцию, но очевидно другое. С Геродота, введшего в научный дискурс терминологию Европы и Азии в контексте противостояния, берет начало оппозиция европейского Запада и азиатского Востока, завершившаяся впоследствии противопоставлением Западу всеобщего Незапада, куда вошли все страны, отличные от западноевропейцев в социально-культурном отношении (Азии, Африки, Латинской Америки и даже регионов Восточной Европы). В этом смысле любопытно, что сам Геродот, являясь греком, был уроженцем Азии, поскольку происходил из Галикарнаса. Да и Греция, считающаяся колыбелью западной цивилизации и политической науки, не всегда признавалась и признается сегодня соответствующей современным западноевропейским нормам и ценностям. Одной из причин такого странного на первый взгляд отношения к Греции является то, что она — православная страна. А Западная Европа в лице римского папы противопоставила себя Греции и христианскому миру Востока в далеком 1054 г., когда римский посланник объявил отлучение всему константинопольскому священству.

В результате произошло отделение западноевропейской части церкви из общехристианского пространства. В дальнейшем оно приобрело явно выраженное социально-политическое измерение и дало дополнительное обоснование противостоянию Запада и Востока, в том числе и на европейском континенте. С тех пор борьба с Востоком, походы на Восток, аккультурация Востока стали общим местом для большого числа политиков европейского Запада, пытавшихся представить борьбу за военно-политический и финансово-экономический контроль над территориями Востока в качестве культурно-исторической миссии западной цивилизации.

Разумеется, эти попытки следовало обосновать с научной точки зрения, и ученые стремились дать ответ на этот своеобразный социальный заказ.

Формирование теории существования «незападных» внешнеполитических теорий происходило в течение многих веков. Первоначально концепция строилась на утверждениях Полибия и Ж. Бодена [2. С. 104—116] о том, что месторасположение того или иного народа определяет его психотип, который влияет на специфику его организации и проводимую им политику. На этой основе к XVIII веку была сформулирована весьма радикальная точка зрения. Принадлежала она Ш. Монтескье. В своей книге «О духе законов» он попытался установить прямую зависимость между географическо-климатическими особенностями и предрасположенностью к тому или иному типу внешнеполитического взаимодействия. Связь между географическими особенностями и политическими предпочтениями Ш. Мон-

теские увидел в том, что в климатических условиях Азии полноценно существовать могут только страны большого размера. А величина этих государств, в свою очередь, вела к деспотическому режиму управления. В результате автор делал вывод о принципиальном различии между народами Азии и Европы, которое заключается в том, что первые принуждаемы самой природой к слабости и рабству, в то время как вторым свойственно стремление к силе и свободе [9. С. 248—253]. Отметим, что, несмотря на очевидный радикализм вывода, он получил широкое распространение на Западе. Видимых причин для этого было, по крайней мере, две: он был прост и комплементарен по отношению к западному обывателю.

Следы влияния Ш. Монтескье, принципиально противопоставлявшего Запад и Восток, были видны у К. Маркса, разрабатывавшего одно время концепцию азиатской формации, как особого типа развития человечества [7. С. 7], а также у сторонников цивилизационных теорий — Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона. Согласно их взглядам, каждой цивилизации отводилось четко определенное место — географическое, политическое, историческое, культурное. В пределе это вело их к утверждению, что уникальное положение каждой цивилизации делало ее герметически замкнутой для всех остальных, из чего легко делался вывод о том, что Запад и Восток не только совершенно разные во всех своих проявлениях, но и абсолютно не способны к пониманию друг друга и, как следствие, к взаимодействию. На это накладывалась как недостаточная осведомленность западных ученых о социально-политических учениях восточных стран, так и нежелание включать в общепринятый на Западе круг научного знания даже то, что было известно. Причина подобного явления во многом объяснялась трудностями перевода ценностей из одной системы в другую. В результате исследованиями восточных работ занимались лишь узкие специалисты, и в науке Запада бытовало мнение, что восточное знание в социальной сфере либо вообще отсутствует, либо не соответствует научным критериям.

С критикой подобного подхода, не только тенденциозного, но, как это ни странно, еще и претендующего на универсальность, выступили П. Бергер и Т. Лукман. В рамках своей концепции социального конструирования реальности ученые на сравнении тибетского монаха и американского бизнесмена показали, что те проживают в разных социальных пространствах, основанных на разных способах коммуникативного взаимодействия [1. С. 12].

В то же время Бергер и Лукман не всегда учитывали влияние на социальную реальность политических потрясений и общественных коллизий. Когда «построенное» и даже «выстроенное» внезапно теряет актуальность, возникает необходимость возврата к уже во многом утраченному прежнему «Я», сохраняющемуся как остаток прежней социализации. Этот феномен интересно исследуется в ряде фильмов Р. Фасбиндера, где показано, как тщательно формируемая в течение десятилетий идентичность немцев после крушения нацизма подвергается резкой деформации, спасение от которой люди ищут в ценностях предшествующего социального пространства. В контексте нашей проблемы особый интерес представляет то, как нарастающая в Германии с начала 1930-х годов и достигшая апо-

гея к концу Второй мировой войны критика концепций разложившегося демократического Запада и коммунистического Востока в силу военной, а затем социальной катастрофы приводит к резкой смене общественных ценностей, разделивших страну на западную и восточную части. На примере разделенной после войны Германии особенно ярко видна острота социальных противоречий, интерпретируемых, как это было принято в то время, в категориях теоретического противостояния Запада и остального мира.

Любопытно, что понятие «Незапада» как некоего социального конструкта в то время не существовало, поскольку Запад был в принципе склонен отказывать всем остальным в способности к теоретическим изысканиям. И в этом смысле характерно, что понятие «Незапад» стало проникать в западную научную мысль к концу XX века, когда стал очевиден глобальный масштаб социальных изменений, снижающих год от года мировое значение Запада.

Однако нельзя сказать, что неприятие чужого свойственно только ученым Запада. На Востоке тоже было настороженное отношение к западным социальным теориям. Во многом это объяснялось неприятием западных социально-политических практик, от которых восточные государства сильно претерпели в XVII—XX веках. Но были и другие, не менее веские причины: авторы социально-политических трактатов Востока вообще скептически относились — в явной или неявной форме — к чужеземному знанию. Подобно западноевропейцам, они полагали истинными только свои, опробованные вековой практикой учения. Такое положение дел объяснялось тем, что каждый считал свою страну или регион средоточием человечества. Например, мессианизм и китаецентризм главной конфуцианской книги «Лунъюя» (усвоенный впоследствии также Кореей и Японией) входил в противоречие с западноевропейским мессианизмом и европоцентризмом. Политические взаимоотношения с Западом признавались вредными, из чего следовало, что в случае настоящей необходимости могли реализовываться только силовым путем.

Категории, которые использовали восточные ученые, также внешне отличались от западных. В индийском эпосе «Махабхарата» есть много рассуждений о том, как надо проводить социальную политику. Но если попытаться из описаний многочисленных практик вычленить теоретическую основу социального действия, то мы установим, что она заключается в гармоничном сочетании закона, пользы и любви [8. С. 6—7]. Для западноевропейцев такое совмещение выглядело довольно необычно. Во всяком случае, если сравнить этот набор понятий с трактатами Нового времени (когда зарождалась концепция Незапада), то можно найти лишь один похожий, да и тот был составлен под сильным влиянием русского царя. Мы имеем в виду документ, провозгласивший создание Священного союза (1815), в преамбуле которого провозглашалось: «предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей святой веры, заповедями любви, правды и мира» [3. С. 518].

В целом же следует признать, что сложившиеся к XIX—XX векам практики социального взаимодействия западных и восточных стран существенно различались. Различия объяснялись вполне очевидными особенностями политического, исторического и культурного опыта. Но из этого — как на Западе, так и на Востоке — был сделан, по меньшей мере, странный вывод, что различие практик должно свидетельствовать о концептуальном различии теоретических подходов. Хотя, на наш взгляд, если здесь и присутствуют концептуальные отличия, то они легко объяснимы из различия ценностных основ социальной политики в том и другом регионе. Но более интересным является вопрос о том, насколько тот или иной основополагающий принцип «оправдывает» и подтверждает свершившееся.

Разберем это подробнее. С аксиологической точки зрения западная идентичность, сформировавшаяся к XIX веку, помимо западной версии христианства, основывалась на сплаве римских ценностей с германскими. И в этом отношении она противостояла как православным ценностям греческого Востока, опиравшимся на античное наследие в собственной интерпретации, так и ценностным системам всех остальных народов, находящихся за пределами греко-православной культуры. Таким образом, на смену греческому, а затем римскому пониманию Запада, как политико-культурной сфере, противопоставляемой Востоку, пришел новый тип разграничения. Первоначально он был связан с процессами политического и конфессионального раздела Римского государства, которые шли с IV по XI века. После окончательного разрыва внешним показателем принадлежности к Западу стали такие ценности, как западное христианство, латынь как язык богослужения, науки и международных отношений. А принадлежность к Востоку, в свою очередь, определялась восточным христианством и использованием в христианском богослужении и других практиках национальных языков. Долгое время, вплоть до арабских и турецких завоеваний, объединяющим элементом западных и восточных регионов империи были правовые системы, имевшие общее происхождение (римское право).

Но противопоставление Запада другим регионам не ограничилось разрывом с восточной частью некогда общего государства. Политические конфликты, порожденные стремлением глобального господства, привели к тому, что небольшая западная окраина Евразии противопоставила себя вообще всему остальному миру. Любопытно, что это противопоставление не утратило силу даже спустя многие века. Более того, с течением времени стало множиться количество «незападных», т.е. «восточных» стран. В результате, чтобы не запутаться окончательно, Восток стал подразделяться западноевропейскими учеными на мегарегионы: Восточная Европа, Ближний Восток, Средний Восток, Дальний Восток. И если с восточными (как и южными) европейцами Запад сближали общие истоки, связанные с античным наследием и христианством, то с регионом Ближнего Востока после его захвата арабами и турками прежней ценностной близости уже не ощущалось. Еще слабее была связь между Западом и средневосточным регионом. Там античное и христианское влияние уменьшались пропорционально разделяющему их расстоянию, пока не исчезало вовсе в регионе Дальнего Востока. И хотя в ходе западной колонизации стран Востока политические и культурные компоненты пре-

терпели определенное смещение (например, была частично христианизирована Южная Корея), ценностные различия оставались по-прежнему весьма принципиальными.

В XVIII веке в ходе социального развития и достижений общественной мысли в западноевропейские ценности все сильнее внедрялась концепция демократии как наиболее эффективной модели государственного устройства. В дальнейшем демократические ценности настолько захватили западный мир, что им стали придавать чуть ли не основополагающее значение. Первый Президент ФРГ Т. Хойс, суммируя аксиологические особенности Запада, выразился так: «Европа покоится на трех холмах: на Акрополе, то есть ценностях свободы, философии и демократии; Капитолии, то есть римском праве и государственном устройстве; на Голгофе, то есть на христианстве» [16]. Продолжая далее редуцировать этот концептуальный экстракт, мы сведем набор ценностей к трем (сообразно числу холмов Т. Хойса) — демократия, римское право, христианская этика. Можем ли мы из этой редукции сделать вывод, что Неевропе, то есть Незападу, согласно хойсовской идее, следует отказать в том, что демократия, римское право и христианская этика являются его ценностями? Вероятно, можем. Правда, с известными оговорками. Мы имеем в виду распространенность христианства в ряде одних восточных стран, а также рецепцию европейской демократии (посредством американского влияния) в некоторых других (Япония, Южная Корея).

Таким образом, с аксиологической точки зрения в качестве критерия отличия Запада от Незапада была предложена вышеуказанная триада. Вероятно, этот способ имеет определенное инструментальное значение. Но к этому следует добавить, что подобный критерий принуждает нас в качестве образца все-таки ориентироваться на Запад, поскольку вывести нечто общее для стран регионов Азии, Африки и Латинской Америки, что в аксиологическом отношении противопоставляло бы их ценностям Запада, представляется затруднительным. В качестве примера подобного затруднения и сомнительности такой постановки проблемы можно было бы представить задачу объединения всех существующих в мире некитайских ценностей в рамках одной парадигмы. Аналогичным критерию Т. Хойса тут может выступить китайская диада: воля народа (*mínxīn suǒxiàng*) — три устоя (*sāngāng*), то есть китайское представление о народовластии, в чем-то созвучное западной идее демократии, и конфуцианская этика [13. С. 24]. На этом основании можно объявить Некитаем все, что не соответствует идеям, заложенным в диаде и приступить к исследованию некитайских теорий международных отношений, при этом неявно подразумевая, что есть «правильные» теории и все остальные.

Все это говорит о том, что, когда используется термин «незападные теории», мы имеем дело с западной концепцией «Востока», иногда определяемой как ориентализм. Под ориентализмом в данном случае понимается отдельная сфера знания, в рамках которой исследуются онтологические и гносеологические различия Запада и Востока. Со строго научной точки зрения эта концепция не слишком ясна и напрямую связана с корпоративным представлением бюрократии стран Западной Европы и США о своей гегемонистской роли в странах Азии и Африки.

Представление этих бюрократий о Востоке как особой и не совсем обычной части мировой цивилизации и создает политическую предпосылку для вывода о существовании каких-то особых незападных теорий. И эта мысль столь же безостановочно, сколь и бездоказательно воспроизводится в академических трудах и социально-политических доктринах о Востоке [12. С. 9, 15—16].

В целом следует сказать, что теоретический аспект социального противостояния Запада и Востока выражен в этих доктринах не слишком отчетливо. В настоящее время это более чем очевидно, ибо теперь вряд ли кто захочет всерьез объяснять политическое подчинение азиатских и африканских стран и народов цивилизаторской миссией, спасающей от отсталости и бедствий тоталитаризма. Кроме того, представляется вполне ясным, что создание колониальной системы, равно как и ее крушение — сначала в Америке, затем в Азии и, наконец, в Африке — произошло не из-за теоретических разногласий между Западом и Востоком. Из этого следует — и в этом состоит наш тезис, что противостояние Запада и Востока в прошлом и настоящем лежало и лежит исключительно в плоскости социально-политической практики.

В силу этого теоретический аспект этой практики можно исследовать по преимуществу на уровне доктрин и программ, то есть документов, ориентированных на практику. Изложим вкратце несколько доктрин.

Суть доктрины известного британского политика XIX века С. Родса чрезвычайно проста: мир должен принадлежать англичанам [22. Р. 61, 73]. Доктрина «открытых дверей» статс-секретаря США Дж. Хэя (1899) состояла в том, что права западных держав по насильственному проникновению на внутренний рынок Китая должны быть одинаковы. Западногерманская доктрина Хальштейна (1955) преследовала цель политической изоляции Восточной Германии (ГДР). «Доктрина активной независимости» М. Хатты (1948), призывавшая «грести меж двух камней» с тем, чтобы избежать втягивания в орбиту одной из двух сверхдержав, до сих пор во многом определяет внешнюю политику Индонезии. Боливия, реализуя доктрину Бетлема (1972), добилась усиления своего внешнеполитического влияния в регионе посредством поставки энергоносителей (главным образом Аргентине). Доктрина С. Есиды (1951) заключалась в приоритете экономического развития (т.н. практический национализм) во внешней политике Японии. Латинскоамериканская доктрина боливаризма (1980—1990-е), являвшаяся основой внешнеполитического курса некоторых латиноамериканских стран, была заявлена как проект, направленный против засилья США.

Как мы видим, концептуальные различия, связанные с разной внешнеполитической направленностью и осложненные региональной спецификой, создают впечатление ценностного и теоретического разнобоя. Что может ввести в искушение склонных к поспешным выводам исследователей объявить внешне отличающиеся концепции новыми социально-политическими теориями и, обобщая, объявить о принципиальных различиях с соответствующей ориентацией по странам света: на Запад и Восток, на Запад и Незапад и т.п. На деле же доктрины вполне могут быть инвариантны к теориям. Например, доктрины С. Родса, С. Есиды

и боливаризма преследуют националистические цели. Но теоретическая база у них разная. Первая основывается на империализме, вторая на капитализме, а третья исходит из социалистической парадигмы. Иначе говоря, боливаризм представляет собой мегарегиональный национализм в сочетании с социалистическими идеями леворадикального толка [5. С. 46—48; 11. С. 46—49]. В общетеоретическом плане боливаризм близок к альтерглобалистской концепции Х. Дитериха «социализм XXI века» [17]. Хотя никому не возбраняется трактовать его в реалистической или другой парадигме. Социально-политическая доктрина, равно как и социально-политическая программа предписывает цель и назначает средства. Теоретическое же обоснование или истолкование в данном случае, как и во всяком другом, может быть любым.

В рамках метатеоретического инструментария, категории «Запад» и «Незапад», могут быть легко объяснены в парадигме социального конструирования реальности [1]. Из всего этого следует, что понятия Запада и Незапада не имеют подлинно научного статуса. Они выступают как своеобразные маркеры социальных ценностей, претендующие на особое идентификационное значение, т.е. имеют прямое отношение к самопредставлению. Наглядным примером этого является внезапная смена социально-политической ориентации руководства посткоммунистических стран. Это своеобразные политические декларации, а не свидетельство гносеологических различий основ социального знания в разных частях земного шара. В силу этого мы полагаем, что форма не должна определять содержание и к феномену Китайской стены, давно утратившему свое социально-политическое значение, необходимо и в науке относиться исключительно как к реликту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- [2] Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.
- [3] Внешняя политика России XIX и начала XX века // Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801—1815. Т. VIII. М., 1972.
- [4] Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
- [5] Ивановский З.В. Боливарианский альянс для Америки: достижения и трудности альтернативной модели развития. Введение // Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. М., 2012.
- [6] Кузнецов А.М., Козинец А.И. Незападные теории международных отношений — от маргинальности к признанию // Ойкумена. 2016. № 4.
- [7] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. М., 1959.
- [8] Махабхарата. Книга вторая: Сабхапарва или книга о собрании. М., 1992.
- [9] Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. О духе законов. М., 1999.
- [10] Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000.
- [11] Пятаков А.Н. Венесуэла как основа Боливарианского альянса для Америки // Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. М., 2012.
- [12] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- [13] Чжао Тинян. Современный взгляд на китайскую мечту // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2.

- [14] Чуров С.В. Существует ли незападная политология («Политическая теория» Т. Иногути) // Политические исследования. 2016. № 4.
- [15] Штраус Л. Классическое образование и ответственность // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.
- [16] Berger R. Europas Werte, Europas Wirtschaft // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 21.07.2013.
- [17] Dieterich H. Der Sozialismus des 21. Jahrhunderts: Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie nach den globalen Kapitalismus. Berlin, 2006.
- [18] Hulin M. Hegel et l'Orient. Paris, 1979.
- [19] Kipling J.R. The ballad of East and West // Rudyard Kipling and his World. L., 1975.
- [20] Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. L.—N.Y., 2010.
- [21] Ren Xiao. Toward a Chinese school of international relations? // China and the New International Orders. N.Y., 2008.
- [22] Stead W.T. The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes. L., 1902.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32

THE OPPOSITION 'WEST/NON-WEST' IN THE SOCIAL THOUGHT: PRO ET CONTRA*

K.V. Radkevich, A.V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

Abstract. The article considers the phenomenon of social science debates in the form of the opposition 'West/Non-West' and its social-political and identification consequences. The authors focus on the history of this opposition, the ways to overcome the scientific and social confrontations that were determined by it, and on the methodological significance of the concept 'Non-Western theories'. The authors study the features of social and political knowledge of the countries of Asia, Africa and Latin America; compare social values of Western Europe, China and other countries to identify the ways for its integration in the course of postcolonial political and scientific development. In particular, the article compares the axiological triad of T. Heuss (democracy, Roman law, Christian ethics) and the Chinese dyad — the will of the people (minxin suoxiang) and three convents (sāngāng). Within the West/Non-West opposition, the Western European, Chinese, Japanese, Indian, African, Latin-American social-political constructs are considered to assess the productivity of some categorical oppositions and contaminations adopted in the sphere of social knowledge and to prove the theoretical inconsistency of multiculturalism. The authors also consider the issues of eurocentrism and Western-European messianism on the examples of their relationship with Sino-Centrism, and the ideas of African and Latin-American nationalism. Such comparisons prove the metatheoretical status of the 'West/Non-West' opposition that can be explained within the paradigm of the social construction of reality. The authors conclude that the concepts 'West' and 'Non-West' do not have a truly scientific status; they are rather markers of social values claiming a special identification value, i.e. having a direct relation to self-representation. The concepts 'West' and 'Non-West' are a kind of political declarations rather than an evidence of epistemological differences in the foundations of social knowledge in different parts of the globe.

Key words: West; Non-West; Non-Western theories; orientalism; identity; problems of social knowledge; multiculturalism; political doctrines

* © K.V. Radkevich, A.V. Shabaga, 2017.

REFERENCES

- [1] Berger P.L., Luckmann T. *Socialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995 (In Russ).
- [2] Bodin J. *Metod liogkogo poznaniya istorii* [Method for the Easy Comprehension of History]. Moscow; 2000 (In Russ).
- [3] Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka [Foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century]. *Dokumenty Rossijskogo ministerstva inostrannyh del*. Seriya 1: 1801—1815. Vol. VIII. Moscow; 1972 (In Russ).
- [4] Herodotos. *Istoriya v devyati knigah* [The History]. Leningrad; 1972 (In Russ).
- [5] Ivanovsky Z.V. Bolivariansky aliats dlia Ameriki: dostizheniya i trudnosti alternativnoj modeli razvitiya. Vvedenie [Bolivarian Alliance for America: Achievements and difficulties of an alternative development model. Introduction]. *Integratsionnye protsessy v Latinskoj Amerike: sostoyanie i perspektivy*. Moscow; 2012 (In Russ).
- [6] Kuznetsov A.M., Kozinets A.I. Nezapadnye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij — ot marginalnosti k priznaniyu [Non-Western theories of international relations — from marginality to recognition]. *Oikumena*. 2016: 4 (In Russ).
- [7] Marx K. *K kritike politicheskoj ekonomii. Predislovie* [A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface]. *Sobranie sochinenij*. Vol. 13. Moscow; 1959 (In Russ).
- [8] *Mahabharata. Kniga vtoraya. Sabhaparva ili kniga o sobranii* [The Mahābhārata. Sabha Parva. The Book of the Assembly Hall]. Moscow; 1992 (In Russ).
- [9] Montesquieu Ch.L. *Izbrannye proizvedeniya. O duhe zakonov* [Selected Papers. The Spirit of the Laws]. Moscow; 1999. (In Russ).
- [10] Panarin A.S. *Politologiya. Zapadnaya i Vostochnaya traditsii* [Political Science. Western and Eastern Traditions]. Moscow; 2000 (In Russ).
- [11] Piatakov A.N. Venesuela kak osnova Bolivarianskogo aliatsa dlia Ameriki [Venezuela as the basis of the Bolivarian Alliance for America]. *Integratsionnye protsessy v Latinskoj Amerike: sostoyanie i perspektivy*. Moscow; 2012 (In Russ).
- [12] Said E.W. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. Saint Petersburg; 2006 (In Russ).
- [13] Zhao Tingyan. Sovremennyj vzglyad na kitajskuyu mechtu [Contemporary interpretation of the Chinese dream]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. 2015: 13 (2) (In Russ).
- [14] Chugrov S.V. Suschestvuet li nezapadnaya politologiya (“Politicheskaya teoriya” T. Inoguti) [Is there a Non-Western political science (T. Inoguchi’s “Political Theory”)]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2016: 4 (In Russ).
- [15] Strauss L. *Klassicheskoe obrazovanie i otvetstvennost* [Liberal education and responsibility]. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu*. Moscow; 2000 (In Russ).
- [16] Berger R. Europas Werte, Europas Wirtschaft. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 21.07.2013.
- [17] Dieterich H. *Der Sozialismus des 21. Jahrhunderts: Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie nach den globalen Kapitalismus*. Berlin; 2006.
- [18] Hulin M. *Hegel et l’Orient*. Paris; 1979.
- [19] Kipling J.R. The ballad of East and West. *Rudyard Kipling and his World*. London; 1975.
- [20] *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. London—New York; 2010.
- [21] Ren Xiao. Toward a Chinese school of international relations? *China and the New International Orders*. New York; 2008.
- [22] Stead W.T. *The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes*. London; 1902.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43

А.В. ЧАЯНОВ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА*

А.А. Крамар

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, Москва, 119991, Россия
(e-mail: ecoved@gmail.com)

Александр Васильевич Чаянов (1888—1937) — крупнейший российский экономист, теоретик организации хозяйства, яркий представитель поколения «золотого века» экономической науки в России. В его научном наследии важное место занимает разработка теории некапиталистических форм хозяйства, а одним из ее направлений — международные аграрные исследования, нацеленные на выявление особенностей организации сельского хозяйства в разных странах. Экономисты организационно-производственной школы создали теорию трудового хозяйства и вплотную подошли к разработке общей теории некапиталистических форм хозяйства, однако их исследования были прерваны репрессиями 1920-х годов. В статье анализируются международные исследования А.В. Чаянова и предлагается уточнение и развитие выводов современных исследователей (И.А. Кузнецова, А.М. Никулина, Т.А. Савиновой). Значение исследований А.В. Чаянова рассматривается шире и в контексте организационно-производственной школы в целом. Автор предлагает новую трактовку организационно-производственной школы как двойственной. В работах Александра Николаевича Челинцева (1874—1962), Николая Павловича Макарова (1886—1980) и других коллег А.В. Чаянова по организационно-производственному направлению исследуется как общетеоретическая проблематика, связанная с закономерностями функционирования и развития сельского хозяйства, так и вопросы научного менеджмента, организации и управления отдельным хозяйством и сельскохозяйственной отраслью в целом. Организационно-производственная школа рассматривается в статье как дуалистическая: она исследует одновременно теорию крестьянского хозяйства и теорию менеджмента крестьянского хозяйства на микро- и макро-уровне, восходя от анализа строения отдельного хозяйства к проблемам оптимального размещения производств и оптимального управления «массой крестьянских хозяйств». Системный подход к организации хозяйства, кооперации, районированию и экономической политике, предложенный организационно-производственной школой, является актуальным и имеет потенциал для современного использования.

Ключевые слова: теория крестьянского хозяйства; А.В. Чаянов; А.Н. Челинцев; Н.П. Макаров; организационно-производственная школа; история управленческой мысли

Накануне 130-летия выдающегося российского экономиста и социолога Александра Васильевича Чаянова было чрезвычайно приятно встретить развернутую и глубокую публикацию Александра Михайловича Никулина [15], посвященную малоизученным аспектам научного наследия этого выдающегося ученого. Следует отметить богатство анализируемых источников, среди которых имеются материалы из архивных фондов, неопубликованные рукописи, письма ученого — сегодня

* © Крамар А.А., 2017.

Автор выражает глубокую признательность Т.А. Савиновой за помощь в подготовке статьи.

мало специалистов, которые так хорошо знакомы с наследием Чайнова, в том числе с малоизвестными страницами его исследований. Очень жаль, что после смерти Василия Александровича Чайнова (сына знаменитого ученого) количество публикаций и конференций о Чайнове-старшем пошло на убыль, хотя актуальность внимательного изучения наследия ученого несколько не снизилась. Хочется надеяться, что юбилей ученого будет отмечаться научной общественностью, и 2018 год станет в полной мере «годом Чайнова», подарив науке ряд столь же интересных исследований.

Обращение к наследию А.В. Чайнова актуально не только поэтому. Яркий и самобытный мыслитель, он обладал незаурядными способностями к системному аналитическому мышлению, легко постигал методологию и сущность европейских научных школ, использовал их потенциал для анализа российского статистического материала и переосмысливал их отдельные положения. Чайнов был и исследователем фундаментальной теории, и экономистом, практиком-кооператором, организатором науки и создателем новых подходов к экономической политике, находясь все время в центре дискуссий об аграрных реформах: и в Главном земельном комитете Временного правительства, и руководя работой Лиги аграрных реформ в 1917 году, и в 1920-х годах являясь руководителем статистических работ в Наркомземе, закладывая основы методов планирования в сельском хозяйстве.

Главной темой исследований Чайнова было крестьянское хозяйство, к изучению которого он подходил «органически» — с точки зрения его структуры — и организационно — с позиций менеджмента, поиска возможностей эффективного развития и интенсификации отдельного хозяйства и сельского хозяйства в целом. Здесь на первый план выдвигались теория и практика кооперации. Интерес Чайнова к данной проблематике восходит к работам молодого ученого 1910-х годов, а в 1920-е годы он обращается к закономерностям оптимального размещения производства [10. С. 397—398]. Помимо работы над практическими вопросами, Чайнов с юношеских лет стремился к фундаментальной теории. Для него была характерна тяга к научной самоидентификации, к существованию в рамках признанной научной школы. В своих юношеских поездках по Европе, наблюдая маргиналистскую революцию в западноевропейских университетах и формирование крупнейших научных школ, определивших лицо экономической науки на столетие вперед, Чайнов, по-видимому, отчетливо осознавал, что без развития общей теории российские статистические исследования не получат должного научного значения.

На встречах с выдающимися учеными-аграрниками того времени — Александром Николаевичем Челинцевым, Александром Александровичем Рыбниковым, Николаем Павловичем Макаровым, Александром Никифоровичем Мининым — Чайнов, вероятно, первым осознал факт формирования научной школы и понял его историческое значение. Как он писал позднее, «достаточно прочитать статьи местных агрономических журналов, протоколы прений уездных и губернских агрономических совещаний, отчеты агрономов и статистические сборники этих знаменательных 10-х годов нашего века, чтобы воочию увидеть подпочву организационно-производственного направления экономической мысли. Те авторы, с имена-

ми которых связывается направление, в большинстве своем агрономы, отчасти кооператоры и статистики, если не ошибаюсь, впервые лично встретились на Московском областном агрономическом съезде 1911 г., и с этого года в формах жесткой междоусобной полемики постепенно выкристаллизовалось и само направление» [26. С. 291].

Первая теоретическая работа Чаянова «Очерки по теории трудового хозяйства», появившись в 1912 году, сразу привлекла всеобщее внимание. В ней автор излагает получившую определяющее значение для развития организационно-производственной школы концепцию трудопотребительского баланса, построенную на аппарате маржинализма. По сути, эта концепция — результат удачного применения методологии предельного анализа к феноменам крестьянского хозяйства.

Характерно, что хотя сама мысль о предельных величинах не была новой, никто кроме Чаянова не обратился к этой уже вполне зрелой методологии для исследования крестьянских хозяйств и объяснения их природы. Вероятно, здесь проявились особенности научного мышления Чаянова, способного усмотреть практическую значимость и угадать потенциал самых разнообразных теорий. Идея трудопотребительского баланса, сопоставляющего предельную тягостность труда с выработкой, оказалась настолько удачной, что вскоре прочно вошла в ядро организационно-производственной теории. В то же время она несколько выбивалась из общего русла публикаций «артели» (как сами себя называли представители организационно-производственной школы) по крестьянской тематике, в которых на первое место ставились проблемы эволюции и развития, а не статической «молекулярной биологии» крестьянского хозяйства [24. С. 205—206].

Рассуждая об организационно-производственном направлении в работе «Крестьянское хозяйство и его эволюция» (1920), где первая глава посвящена историографии вопроса, Н.П. Макаров формулирует базовые характеристики направления, и в его описании оно фактически предстает научным менеджментом: «1) она [организационная точка зрения] видит хозяйство, как сложную *систему связей* между частями на службе целому; 2) в хозяйстве всегда есть идея и *цели*; 3) хозяйство всегда представляет собою нечто социально *целое* и 4) при всех воздействиях внешнего мира хозяйство, как организация, есть некоторая *самостоятельность* не только в *субъективном*, но и в *объективном* (организационном) отношении» [12. С. 46]. Делая акцент на целеполагании, Макаров показывает, что задача ученого-исследователя сельского хозяйства имеет прикладной характер, а определение хозяйства и его целей формулируется иначе, чем пресловутый «черный ящик» и задача максимизации в привычном капиталистическом смысле. Понимание российскими учеными хозяйства как системы связей предвосхищает идеи Р. Коуза. Такая постановка проблемы позволяет говорить о дуализме организационно-производственной школы: это не только научно-теоретическая школа, но и научно-практическая школа менеджмента. Так, идея «трудопотребительского баланса», высказанная Чаяновым, — это абстрактная теоретическая идея, объясняющая особенности крестьянского хозяйства вообще, а идея «организационного плана», разработанная до Чаянова, — идея оптимального целесообразного действия, идея менеджмента. Однако обе идеи являются отражением одного экономического феномена.

Выводы, сформулированные молодым Чайновым, — идеи общетеоретические, они свидетельствуют о зрелости нового научного направления и о начале нового этапа в его развитии. Здесь следует согласиться с позицией И.А. Кузнецова, усматривающего именно в работах А.В. Чайнова начало «эпохи организационно-производственной школы» [10. С. 393]. Но по «духу» абстрактное моделирование Чайнова явно выбивалось из статистически- и практико-ориентированных исследований других представителей организационно-производственного направления [20. С. 199—204]. Характерно, что широкого развития в работах «артели» теория крестьянского хозяйства не получила, несмотря на ее высокую оценку коллегами Чайнова. Этот феномен еще предстоит осмыслить: видимо, острота крестьянского вопроса толкала ученых к прикладным исследованиям, и абстрактные построения стали монополией Чайнова, хотя сам ученый никогда не претендовал на нее, подчеркивая значение работ предшественников — А.П. Людоговского, А.И. Скворцова, А.И. Чупрова и своих коллег по организационно-производственному направлению.

Будучи человеком романтического склада и образного мышления, Чайнов не мог заниматься исключительно сухими прикладными исследованиями (хотя преуспевал и в этом), ему был нужен лабиринт абстракций, отыскание законов и вечных истин, в котором раскрывались его склонности к овладению «особым знанием». Помимо стихов и фантастических романтических новелл Чайнов писал о московской старине, был страстным коллекционером, любителем старинных книг, с увлечением предавался отысканию сокровенного. Поэтому драматизм работ Чайнова, усмотренный А.М. Никулиным в переходе от исследовательского оптимизма к реализму и далее к пессимизму [15. С. 166], следует понимать несколько шире. В личностном аспекте это драма утраты возможности углубляться в «подлинное» и «сокровенное» теоретическое знание, драма подмены его проблемами «вульгарной» реальности конца 1920-х годов. В аспекте научной жизни — это драма потери свободы научной объективности.

Чайнов-ученый внес заметный вклад не только в теорию крестьянского хозяйства, он выдающийся теоретик и организатор кооперации. Эта часть наследия Чайнова исследована достаточно хорошо, ведь именно интерес к проблемам кооперации в конце 1980-х годов вдохновлял лучших советских исследователей его трудов — Надежду Константиновну Фигуровскую, Владимира Васильевича Кабанова и др., оставивших превосходные работы о Чайнове-кооператоре. В настоящее время остается малоизученной область исследований ученого, посвященная проблемам региональной аграрной экономики [15. С. 151]: такая постановка проблемы — Чайнов как исследователь международного сельского хозяйства с выходом на проблематику компаративистики — является новой и актуальной.

Попробуем реконструировать логику исследований Чайнова. Крестьянское хозяйство является трудовым, устойчивым, существует в соответствии с собственными закономерностями функционирования и развития. Оно некапиталистическое, но благодаря преимуществам кооперации имеет возможность эффективно вписаться в систему крупного капиталистического производства, не нарушая своей органической структуры. Именно здесь региональные и международные исследо-

вания необходимы — как осмысление опыта, выявление новых тенденций и сложностей взаимодействия крестьянских хозяйств с ними. Россия — страна с многоукладной экономикой, и ученые организационно-производственной школы, стоявшие у истоков изучения крестьянских бюджетов и других статистических исследований села, понимали это едва ли не лучше всех остальных. Неслучайно старейший «организационник» А.Н. Челинцев видел главную прикладную задачу своих исследований в разработке принципов государственной экономической политики применительно к сельскохозяйственным районам, выделяемым в соответствии с анализом стадий их эволюции [30].

Изучение сельского хозяйства других стран не является проявлением особенностей исследовательского подхода Чаянова — это широко распространенная практика. Помимо уже упоминавшегося Челинцева, с конца 1900-х годов публиковавшего обзоры европейской сельскохозяйственной литературы и оставившего интересные труды о земельной реформе в Чехословакии, свидетелем которой он был в эмигрантский период своей работы [9. С. 42—45], публикации о зарубежном сельском хозяйстве есть у Н.П. Макарова и А.А. Рыбникова. Ученые-аграрники, не принадлежащие к организационно-производственному направлению, также провели многочисленные исследования в этой области. После Октябрьской революции их деятельность не прекращалась: в Белграде, Праге и Париже, где в начале 1920-х годов обустроивалась эмигрировавшая часть российской интеллигенции, велась активная научная работа.

Одним из крупнейших центров русской эмиграции была Прага, где сосредоточились исследования организации сельского хозяйства и кооперации. С 1922 года в Праге регулярно выходит сборник «Крестьянская Россия», объединивший вокруг себя крупнейших специалистов того времени в области политической и сельскохозяйственной экономики, политологии, социологии, истории и других наук. Лидером и редактором сборников был Сергей Семенович Маслов, совместно с ним редакторские функции выполняли Андрей Александрович Аргунов и Альфред Людвигович Бем. В качестве авторов «Крестьянской России» выступали Сергей Семенович Маслов, Питирим Александрович Сорокин, Сергей Николаевич Прокопович, Петр Николаевич Савицкий, Борис Давидович Бруцкус, Сергей Петрович Мельгунов, Александр Александрович Кизеветтер, Николай Павлович Макаров, Александр Александрович Боголепов и другие выдающиеся русские ученые [3. С. 252].

В Праге в 1924 году по инициативе С.С. Маслова был открыт Русский научный институт сельской культуры, преобразованный вскоре в Институт изучения России. Были образованы пять кабинетов: социологии — занимавшийся изучением социальных форм сельской жизни (Карл Романович Кочаровский); аграрный — изучавший земельные отношения и земельное законодательство России (Алексей Васильевич Пешехонов); местного самоуправления (Григорий Ильич Шрейдер); практических проблем сельской жизни — исследовавший заграничный опыт применительно к проблемам России (С.С. Маслов). Руководителем кабинета сельскохозяйственной экономики, который изучал вопросы организации русского сель-

ского хозяйства, был А.Н. Челинцев [3. С. 253]. Еженедельно собирался научный семинар кабинета, в рамках которого велась подготовка книги «Мировой рынок и мировое сельскохозяйственное производство», заслужившей высокое признание современников. Как писал Геннадий Александрович Студенский, «достоинство ...теории сельскохозяйственного рынка А.Н. Челинцева ... в том, что она поставила крест на шаблонных и некритических утверждениях о диктатуре рынка над крестьянским хозяйством и передвинула проблему в надлежащую плоскость организационно-производственного анализа» [21. С. 101].

Возвращаясь к проблематике международных аграрных исследований, следует признать, что методологически позиция Чаянова и здесь оказалась более зрелой. В отличие от многих современников, писавших об аграрном развитии других государств, Чаянов стремился не только к осмыслению мирового опыта, но и к его теоретическому обобщению. Следует поддержать вывод А.М. Никулина, подчеркивающего, что итогом страноведческих исследований ученого стала мысль о необходимости создания теории некапиталистических форм хозяйства, которая была высказана им в 1924 году [15. С. 157]. Такая постановка вопроса свидетельствует о глубоком понимании Никулиным научного наследия и исследовательского пути Чаянова, которые неуклонно вели ученого к постижению общих теоретических закономерностей. Практическая работа Чаянова, его контакты с эмиграцией, участие в оживленных дискуссиях 1920-х годов о дифференциации, земельной ренте, подходах к планированию, кооперации, его статистические исследования — все это грани интереса к общей теории. В этом отличительная черта исследований Чаянова, позволяющая говорить о нем как о главе организационно-производственной школы.

Не будем, однако, преувеличивать оригинальность взглядов Чаянова. Выше уже отмечалось, что его работа 1912 года была построена на аппарате маржинализма, точнее, влияние на ученого оказали представители английской школы маржинализма Уильям Стенли Джевонс, Альфред Маршалл, Френсис Эджуорт, к изучению трудов которых он приступил еще студентом, до своих заграничных поездок. И.А. Кузнецов указывает на значительное влияние наследия И.Г. Тюнена на развитие российской аграрно-экономической мысли, особенно подчеркивая значение работ А.П. Людоговского и применение им элементов предельного анализа [10. С. 382—386] почти за сорок лет до работ Чаянова.

Более поздняя критика Чаяновым «прокрустова ложа маржинализма» созвучна идеям представителей разных поколений немецкой исторической школы, выступавших еще с начала XIX века с последовательной критикой сначала классической политической экономии, а затем, в лице Густава Шмоллера, и самого маржинализма. Рассуждения о «чистой культуре», индийско-китайском и американском «полюсе эволюции» и их «порайонной смеси» [23. С. 114—144] построены на методологии, чрезвычайно близкой «идеальным типам» Макса Вебера (у Вебера имеются и созвучные организационно-производственной школе рассуждения о хозяйстве традиционного типа, в рамках которого работник в ответ на повышение заработной платы сокращает предложение труда и т.п.) [4. С. 194—199].

В то же время следует подчеркнуть, что широкое знакомство Чайнова с современными исследованиями и стремление использовать последние достижения экономической науки, ее новейшую методологию в области своих научных интересов не имеют ничего общего с теоретической несамостоятельностью. Оставаясь верным аграрной проблематике, требовавшей многообразия исследовательских методов, Чайнов постигал современную ему экономическую науку и творчески развивал ее положения применительно к вопросам организации крестьянского хозяйства. Он обладал блестящей способностью актуализировать научный мейнстрим для изучения проблем российской экономики. Безусловными теоретическими удачами, помимо уже упомянутого учения о трудопотребительском балансе, следует признать развернутое исследование феномена самоэксплуатации, теорию вертикальной кооперации, теорию «дифференциальных оптимумов» и др.

Однако образ Чайнова как самодостаточного ученого все-таки нуждается в уточнении. Архивные документы показывают нам близкие отношения Чайнова с коллегами из «артели». Помимо научной близости, взаимной координации и поддержки предпринимаемых исследований, общего участия в кооперации, совместной работы в ряде научно-исследовательских учреждений существовали взаимовыручка, дружеская поддержка, пронесенные через всю жизнь [19. С. 273]. Они заставляют более внимательно отнестись к необходимости целостного рассмотрения наследия организационно-производственной школы и взаимного влияния исследований ученых.

Анализируя научную биографию и журнальные статьи ученого, можно прийти к выводу, что у Чайнова существовала потребность работать в рамках научной школы, имеющей свою историю и разворачивающей исследования на уровне ведущих школ Европы. Он увлеченно спорил, защищая свое направление, прикрывал от нападок своих коллег и с удовлетворением указывал на их достижения. В послесловии к переводу книги Рихарда Крцимовского «Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе» (1927) Чайнов дает обзор истории российской аграрно-экономической мысли, подчеркивая существование определенных традиций исследований в области организации хозяйства и преемственности с выдающимися экономистами прошлого [11]. Не была ли поэтому идея теории некапиталистических форм хозяйства вызовом, который Чайнов бросал западным школам, создавшим многообразные, но неполные и часто дающие сбои теории хозяйства капиталистического? Все эти вопросы вызывают живой интерес в контексте проблематики международных аграрных исследований.

В заключение хотелось бы отметить значение международных аграрно-экономических исследований Чайнова для формирования методологии разработки экономической политики в российской деревне. Выше уже упоминалось, что для организационно-производственной школы был характерен особый подход к экономическому районированию, разработанный Челинцевым. Согласно ему экономические районы выделялись на основе представлений об экономической эволюции (также разработанной Челинцевым), т.е. в экономический район обособлялись территории, находящиеся на общей стадии эволюции. Это позволяло различать «генетические» признаки хозяйства и адресно воздействовать на них мерами эко-

номической политики, подстегивая или выравнивая ход эволюции. Однако здесь возникал важный теоретический вопрос: в какой мере в ходе эволюции сохранялась трудопотребительская, некапиталистическая природа крестьянских хозяйств? Неуклонное нарастание интенсивности и товарности хозяйств, т.е. их общее развитие в русле капитализма, входило в противоречие со статистически выявленными механизмами трудопотребительского расчета и феноменом устойчивости хозяйства как отдельно взятого. На это противоречие указывали критики организационно-производственной школы, в том числе С.Н. Прокопович [17. С. 36]. Дискуссия не была завершена, и к удовлетворяющему обе стороны выводу ученые не пришли. Международные аграрные исследования были способны отчасти прояснить на зарубежном материале этот вопрос, служили не только источником для анализа опыта других государств, но и давали возможности для уточнения теоретических положений и практических рекомендаций. Важность подобных исследований Чайновым, безусловно, отчетливо осознавалась. Поэтому исследования в этом направлении являются значимой частью его наследия и позволяют глубже понять и осмыслить значение трудов этого выдающегося ученого для развития российской и мировой экономической мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Анисимов Я.А.* Основные положения организационно-производственной школы в учении об организации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1928. № 2.
- [2] *Балязин В.Н.* Профессор Александр Чайнов. М., 1990.
- [3] *Бельчик Ю.В.* Александр Николаевич Челинцев // Новый исторический вестник. 2004. № 2.
- [4] *Вебер М.* История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 3. М., 2005.
- [5] *Кабанов В.В.* Александр Васильевич Чайнов // Вопросы истории. 1988. № 6.
- [6] *Кабанов В.В.* Краткий биографический очерк // Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.
- [7] *Кабанов В.В.* Школа А.В. Чайнова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6.
- [8] Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Кн. I. Прага, 1924.
- [9] *Крамар А.А.* А.Н. Челинцев — самобытный экономист. М., 2007.
- [10] *Кузнецов И.А.* Российская аграрно-экономическая мысль в тюненовской перспективе (1875—1925) // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 6 / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2013.
- [11] *Крцимовский Р.* Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927.
- [12] *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.
- [13] *Макаров Н.П.* Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства // Крестьянская Россия. Вып. IV. Прага, 1923.
- [14] *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII—XX вв.). М., 1995.
- [15] *Никулин А.М.* Международная регионалистика А.В. Чайнова (к 80-летию гибели ученого) // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5.
- [16] Органы земельной реформы. Земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917.
- [17] *Прокопович С.Н.* Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

- [18] *Рашин А.Г.* Население России за сто лет. М., 1956.
- [19] РГАЭ. Ф. 771. Оп. 1. Д. 273.
- [20] *Савинова Т.А.* Земская статистика как источник формирования организационно-производственной школы. М., 2010.
- [21] *Студенский Г.А.* Очерки по теории крестьянского хозяйства. М., 1923 // Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Кн. II. Прага, 1924.
- [22] *Фигуровская Н.К.* А.В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные произведения. М., 1989.
- [23] *Чаянов А.В.* К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные произведения. М., 1989.
- [24] *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные произведения. М., 1989.
- [25] *Чаянов А.В.* Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века // Крцимовский Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927.
- [26] *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. Введение // Экономическое наследие А.В. Чаянова. М., 2006.
- [27] *Чаянов А.В.* Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924.
- [28] *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.
- [29] *Чаянов А.В.* Очерки по экономике сельского хозяйства. М., 1923.
- [30] *Челинцев А.Н.* Экономия сельского хозяйства как учение о сельскохозяйственной эволюции. СПб., 1908.
- [31] *Черненко Н.Н.* К характеристике крестьянского хозяйства. М., 1905.
- [32] *Чупров А.И.* Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1904.
- [33] *Шанин Т.* Наследие А.В. Чаянова: положения теории, ошибочные толкования и современные теории развития // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 2.
- [34] *Шанин Т.* Понятие крестьянства // Великий незнакомец. М., 1992.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43

A.V. CHAYANOV ON THE WAY TO THE THEORY OF NON-CAPITALIST ECONOMY*

A.A. Kramar

Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: ecoved@gmail.com)

Abstract. Alexander V. Chayanov (1888—1937) is a famous Russian economist, theorist of the organization of economy, a brilliant representative of the generation of the “golden age” of the economic science in Russia. One of the key elements of his scientific legacy is the theory of non-capitalist forms of economy, and one of its aspects — international agrarian studies of the features of the organization of agriculture in different countries. The organizational-production school developed a theory of labor economy and came close to the general theory of non-capitalist forms of economy; however, its studies were interrupted by the repressions of the 1920s. The article considers the international studies of A.V. Chayanov

* © A.A. Kramar, 2017.

to clarify and develop some findings of the today's scholars (I.A. Kuznetsov, A.M. Nikulin, T.A. Savinova). The author proposes a new interpretation of the organizational-production school as having a dualistic character. The works of Alexander N. Chelintsev (1874—1962), Nicholay P. Makarov (1886—1980) and other colleagues of A.V. Chayanov from the organizational-production school focused on both theoretical issues such as the fundamental laws of functioning and development of agriculture, and practical issues of scientific management of an individual farm and agriculture in general. The author considers the organizational-production school as dualistic: it studies both theory and management of peasant economy at micro- and macro-levels proceeding from the analysis of the individual farm structure to the issues of the optimal production location and optimal management of 'a mass of peasant farms'. The system approach to the organization of economy, cooperation, zoning and economic policy developed by the organizational-production school is still relevant for the contemporary use.

Key words: theory of peasant economy; A.V. Chayanov; A.N. Chelintsev; N.P. Makarov; organizational-production school; history of management thought

REFERENCES

- [1] Anisimov Ya.A. Osnovnye polozheniia organizatsionno-proizvodstvennoi shkoly v uchenii ob organizatsii krestianskogo khoziaistva [The main ideas of the organizational-production school in the theory of peasant economy]. *Puti Selskogo Khoziaystva*. 1928: 2 (In Russ.).
- [2] Balazin V.N. *Professor Aleksandr Chayanov*. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [3] Belchich Yu.V. Aleksandr Nikolaevich Chelintsev. *Novyi Istorichesky Vestnik*. 2004: 2 (In Russ.).
- [4] Weber M. Istorija hozjajstva. Oчерk vseobshhej socialnoj i ekonomicheskoi istorii [History of the economy. An essay on the general social and economic history]. *Mirovaja ekonomicheskaja mysl skvoz prizmu vekov*. Vol. 3. Moscow; 2005.
- [5] Kabanov V.V. Aleksandr Vasilievich Chayanov. *Voprosy Istorii*. 1988: 6 (In Russ.).
- [6] Kabanov V.V. Kratkiy biograficheskii очерk [A brief biographical essay]. Chayanov A.V. *Krestianskoe khoziaistvo. Izbrannye trudy*. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [7] Kabanov V.V. Shkola A.V. Chayanova, ili organizatsionno-proizvodstvennoe napravlenie russkoi ekonomicheskoi mysli [The scientific school of A.V. Chayanov, or the organizational-production branch of the Russian economic thought]. *Istoriia SSSR*. 1990: 6 (In Russ.).
- [8] Kooperatsiia i selskoe khoziaistvo [Cooperation and agriculture]. *Zapiski Russkogo instituta selskokhoziaistvennoi kooperatsii v Prage*. Book I. Prague; 1924 (In Russ.).
- [9] Kramar A.A. *A.N. Chelintsev — samobytnyi ekonomist* [A.N. Chelintsev — an Original Economist]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [10] Kuznetsov I.A. Rossiiskaia agrarno-ekonomicheskaiia mysl v tiunenovskoi perspektive (1875—1925) [Russian agrarian-economic thought in the Thünen's perspective]. *Istoriia mysli. Russkaia myslitelnaia traditsiia*. Vyp. 6. Pod red. I.P. Smirnova. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [11] Krzimosky R. *Razvitie osnovnykh printsipov nauki o selskom khoziaistve v Zapadnoi Evrope* [The Development of the Basic Principles of the Agrarian Science in Western Europe]. Moscow; 1927 (In Russ.).
- [12] Makarov N.P. *Krestianskoe khoziaistvo i ego evoliutsiia* [Peasant Economy and Its Evolution]. Moscow; 1920 (In Russ.).
- [13] Makarov N.P. Russkaia ekonomicheskaiia mysl v voprosakh selskogo khoziaystva [Russian economic thought on the agrarian issues]. *Krestianskaia Rossiia*. Prague; 1923. Vol. IV (In Russ.).
- [14] Nikonov A.A. *Spiral mnogovekovoi dramy: agrarnaia nauka i politika v Rossii (XVIII—XX vv.)* [The Spiral of the Centuries-Old Drama: Russian Agrarian Science and Policy (XVIII—XX Centuries)]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [15] Nikulin A.M. Mezhdunarodnaya regionalistika A.V. Chayanova (k 80-letiyu gibeli uchenogo) [International regionalism of A.V. Chayanov (to the 80th anniversary of the scientist's death)]. *Ekonomicheskaya Politika*. 2017: 12(5) (In Russ.).

- [16] Organy zemelnoi reform [Institutions of land reform]. *Zemelnye komitety i Liga agrarnykh reform*. Moscow; 1917 (In Russ.).
- [17] Prokopovich S.N. *Krestianskoe khoziaistvo po dannym biudzhetykh issledovaniy i dinamicheskikh perepisei* [Peasant Economy According to the Budget Studies and Dynamic Censuses]. Berlin; 1924 (In Russ.).
- [18] Rashin A.G. *Naselenie Rossii za sto let* [A Century of the Russian Population]. Moscow; 1956 (In Russ.).
- [19] Savinova T.A. *Zemskaya statistika kak istochnik formirovaniya organizatsionno-proizvodstvennoi shkoly* [Zemstvos Statistics as a Foundation of the Organizational-Production School]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [20] RGAE [Russian State Economic Archive]. F. 771. Op. 1. D. 273.
- [21] Studensky G.A. *Ocherki po teorii krestianskogo khoziaistva* [Essays on the theory of peasant economy]. M.; 1923. *Kooperatsiia i selskoe khoziaistvo. Zapiski Instituta selskokhoziaistvennoi kooperatsii v Prage*. Book II. Prague; 1924 (In Russ.).
- [22] Figurovskaya N.K. A.V. Chayanov i ego teoriia semeinogo krestianskogo khoziaistva [A.V. Chayanov and his theory of family peasant economy]. Chayanov A.V. *Krestianskoe khoziaistvo. Izbrannye proizvedeniia*. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [23] Chayanov A.V. *K voprosu teorii nekapitalisticheskikh sistem khoziaistva* [On the theory of non-capitalist forms of economy]. Chayanov A.V. *Krestianskoe khoziaistvo. Izbrannye proizvedeniia*. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [24] Chayanov A.V. *Krestianskoe khoziaistvo. Izbrannye proizvedeniia* [Peasant Economy. Selected Works]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [25] Chayanov A.V. *Osnovnye linii razvitiia russkoi selskokhoziaistvennoi mysli za dva veka* [The main directions of the Russian agricultural thought development over two centuries]. Krzimovskiy R. *Razvitie osnovnykh printsipov nauki o selskom khoziaistve v Zapadnoi Evrope*. Moscow; 1927 (In Russ.).
- [26] Chayanov A.V. *Organizatsiia krestianskogo khoziaistva* [Organization of peasant economy]. *Ekonomicheskoe nasledie A.V. Chayanova*. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [27] Chayanov A.V. *Optimalnye razmery selskokhoziaistvennykh predpriyatii* [Optimal Size of Agricultural Enterprises]. Moscow; 1924 (In Russ.).
- [28] Chayanov A.V. *Osnovnye idei i formy organizatsii selskokhoziaistvennoi kooperatsii* [Basic Ideas and Forms of Agricultural Cooperation Organization]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [29] Chayanov A.V. *Ocherki po ekonomike selskogo khoziaistva* [Essay on the Economics of Agriculture]. Moscow; 1923 (In Russ.).
- [30] Chelintsev A.N. *Ekonomiia selskogo khoziaistva kak uchenie o selskokhoziaistvennoi evoliutsii* [Agricultural Economics as a Theory of Agricultural Evolution]. Saint-Peterburg; 1908 (In Russ.).
- [31] Chernenkov N.N. *K kharakteristike krestianskogo khoziaistva* [On the Features of Peasant Economy]. Moscow; 1905 (In Russ.).
- [32] Chuprov A.I. *Melkoe zemledelie i ego osnovnye nuzhdy* [Small-Scale Farming and Its Basic Needs]. Moscow; 1904 (In Russ.).
- [33] Shanin T. *Nasledie A.V. Chayanova: polozheniia teorii, oshibochnye tolkovaniia i sovremennye teorii razvitiia* [A.V. Chayanov's legacy: theory, misinterpretations, and contemporary theories of development]. *Vestnik Rossiiskoi Selskokhoziaistvennoi Nauki*. 1989; 2 (In Russ.).
- [34] Shanin T. *Poniatie krestianstva* [The Concept of the Peasantry]. *Veliky Neznakomets*. Moscow; 1992 (In Russ.).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

СИНТЕЗ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

М.К. Горшков, И.О. Тюрина

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218
(e-mail: m_gorshkov@isras.ru; irinal-tiourina@yandex.ru)

Статья посвящена осмыслению понятия «российская идентичность». Авторы приводят обзор основных социально-гуманитарных и социально-философских школ, разработавших свои теории идентичности. Особое внимание уделено подходам к определению структуры и содержания национальной идентичности в работах российских социологов. Отмечая сложность и многоплановость национальной идентичности, авторы подчеркивают, что она развивается в ходе исторических перемен и представляет собой ступень национального самосознания. Рассуждая о самоидентификации современных россиян, авторы анализируют макросоциальные процессы в российском социуме в кризисный период 2014—2016 годов. Выводы общесистемного и контекстного характера, зафиксированные в результатах общенационального мониторинга Института социологии РАН, обусловили авторский интерес к жизненным приоритетам россиян в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений в формате социологической диагностики. Анализ данных мониторинговых социологических исследований позволяет утверждать, что для современного российского общества проблема идентичности остается одной из ключевых. Ресурс согласия и консолидации в межнациональных отношениях в значительной степени определяется состоянием идентичности, а ее структура — глубиной взаимодополнения и устойчивостью связи гражданского и этнического. Сегодня российское общество стоит перед необходимостью не только сохранения, но и обновления самоидентификации. Продвижение концепции единого российского народа и формирование государственно-гражданской идентичности требуют синтеза этнонационального и гражданского сознания. Соответственно, особую актуальность обретает разработка на государственном уровне так называемой «политики идентичности», усиливающей основные управленческие решения и законодательные акты, что во многом определит и укрепит духовно-психологический климат общества.

Ключевые слова: российская идентичность; национальная и этническая идентичности; гражданская идентичность; интеграция; новая государственно-социальная реальность; государственно-гражданская идентичность; политика идентичности

* © Горшков М.К., Тюрина И.О., 2017.

Исследование выполнено в Институте социологии Российской академии наук (с июля 2017 года — Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук) при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218 (2014—2016), № 14-28-00218-II (2017—2018) «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»).

В современном социогуманитарном знании идентичность, ее конструирование и трансформации — одна из основополагающих тем фундаментальных и прикладных исследований, обращение к которой становится ключом к пониманию мира, осмыслению реалий, оценке тенденций и направления социальных изменений. Об идентичности в различных ее проявлениях — личностной, гендерной, социальной, национальной, этнической, политической, культурной, этнокультурной и т.д. — говорят столь много и часто, что складывается впечатление, будто определение содержания данного конструкта не представляет сложности. Между тем, при детальном рассмотрении, оказывается, что до сих пор это понятие не имеет единой и четкой дефиниции, авторы вкладывают в него разное смысловое наполнение, зачастую оно используется как само собой разумеющееся. Для преодоления концептуальной неопределенности, усугубленной неясностью семантического спектра рассматриваемого термина и его использованием без достаточной конкретизации, необходимо уточнение его содержания. Кроме того, обращение к смысловому наполнению понятия «идентичность» важно и потому, что проблема национальной идентичности и национальных интересов практически никогда не обсуждалась в научном сообществе в эпоху СССР. Скорее всего, это объяснялось тем, что интересы Советского Союза носили глобальный, а не национальный характер, будучи связаны с реализацией масштабного, альтернативного западному, проекта.

Впервые запрос на «национальное» сделал поздний СССР, когда, по сути, произошел отказ от самостоятельного исторического проекта. В те времена «прорабы перестройки» объявили целью «вхождение СССР в мировое цивилизованное сообщество», но не озаботились вопросом, на каких, собственно, условиях это может произойти. В результате была осуществлена попытка войти в иной проект за счет определенного отказа от собственной субъектности, т.е. идентичности. Последствия не заставили себя ждать: советская идентичность «раскололась» на пятнадцать национальных идентичностей союзных республик, что повлекло обвальное распад всего «советского мира» [17].

В качестве самостоятельной проблемы идентичность появляется в трудах представителей классической философии. Позднее оформилось несколько основных социально-гуманитарных и социально-философских школ, предложивших собственные теории идентичности. Так, например, одна из них, где идентичность выступает как сумма бессознательных и осознаваемых психологических механизмов индивида, определяющих свойственный ему способ приспособления к реальности, была разработана в рамках психоанализа (А. Адлер, Э. Берн, З. Фрейд) [3; 24]. Большая работа по исследованию идентичности была проделана в антропологической традиции (Ф. Арьес, Р. Бенедикт, А. Кардинер, К. Леви-Стросс) [31; 37] и связанных с нею исторических (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Тойнби, О. Шпенглер) [5; 6; 22; 23; 27], социально-антропологических и этнометодологических школах (Й. Хейзинга, Г. Гарфинкель, Х. Сакс) [11; 25; 26]. Здесь идентичность выступает как «само-типизация» индивида посредством соотнесения с социальными группами, являющаяся результатом усвоения им существующих в обществе моделей типизации. В социальной феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц, М. Ше-

лер, П. Бергер, Т. Лукман) [4; 15; 28; 29] идентичность — одновременно и некий целостный образ, составляемый индивидом и неизменный в любых жизненных ситуациях, и идентификация, т.е. соотнесение себя с некоторой социальной общностью. Еще одна группа источников по проблеме идентичности — современные работы по социальной философии и методологии общественных наук (Х. Абельс, Д. Беккер, П. Бурдые, Р. Бхаскар) [2; 7; 8].

В ходе всестороннего изучения идентичности оформился ряд представлений о ее структуре. Современное понимание идентичности как особого социокультурного феномена связано, в первую очередь, с работами Э. Эриксона и М. Кастельса [32—35]. Первый определяет идентичность как сложное образование, имеющее многоуровневую структуру — индивидуальный, личностный и социальный уровни. На первом, индивидуальном, уровне идентичность — результат осознания человеком собственной временной протяженности. Это представление о себе как о относительно неизменной данности, существовании того или иного физического облика, темперамента, с прошлым и будущим. Со второй, личностной, точки зрения идентичность — ощущение собственной неповторимости, уникальности жизненного опыта, задающее самоидентичность. На третьем, социальном, уровне идентичность определяется Эриксоном как конструкт, отражающий внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогающий Я-категоризации (социальная идентичность). Подобное представление об основных элементах идентичности — персональном и социальном — присутствует в большинстве посвященных ей работ. Предельное выражение этой точки зрения обнаруживается у И. Гофмана, который рассматривал идентичность в условиях множественности социальных ролей [12; 13; 36].

Эриксон выделяет три основных компонента идентичности: 1) чувство идентичности; 2) процесс формирования идентичности и 3) идентичность как конфигурацию, результат этого процесса, причем речь идет как о личностной, так и о коллективной (но также имеющей индивидуальный характер — социальное «Я») идентичности. Решающую роль в формировании идентичности играет отношение человека к социальной среде: личные характеристики, растущее разнообразие социального опыта, включая оценки и признание другими, развиваются с помощью культурных средств, которые индивид черпает из своего социального круга, уподобляясь остальным его членам, но в то же время сохраняя своеобразие. Изменение социокультурных условий ведет к утрате прежней и необходимости формирования новой идентичности, что иногда порождает глубокие личностные затруднения и «потерю себя».

М. Кастельс понимает под идентичностью «процесс конструирования индивидуального значения на основе какого-либо культурного признака или связанного набора культурных признаков, которым отдается предпочтение над другими источниками индивидуального значения» [32. Р. 6]. Тем самым он утверждает примат культурных факторов и доминирование в современном «сетевом» обществе культурной идентичности над другими ее видами и составляющими. Идентичность, по Кастельсу, следует отличать от социальных ролей — идентичности

порождают индивидуальное значение, а роли организуют социальные функции индивида. Кастельс различает три формы построения идентичности в контексте властных отношений: 1) *легитимирующая идентичность* — связана с непосредственной рационализацией социальным актором принадлежности к доминирующим социальным институтам; 2) *идентичность сопротивления* — возникает у тех социальных акторов, которые формируют механизмы сопротивления и выживания на основе принципов, отличающихся от распространенных в обществе или противостоящих им; 3) *проектирующая идентичность* — социальные акторы конструируют новую идентичность, заново определяющую их положение в обществе, и пытаются изменить всю структуру социальных отношений.

Дискуссии об изменениях и кризисе идентичности, идентификационном пространстве общества, формировании национальной и гражданской идентичности ведутся и в России. Так, по мнению Л.М. Дробижевой, в центре социологического подхода к идентичности лежит «...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах... Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания» [16. С. 336]. Она выделяет следующие компоненты социальной идентичности: самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной и государственной общности), представления о своей группе — «образ мы» и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением (регулятивная составляющая идентичности). В.А. Тишков признает понятие «идентичность» основным в трактовке этничности и рассматривает как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они обладают естественными природными связями [21. С. 116].

Являясь открытой системой, идентичность имеет множественный характер. Так, М.Н. Губогло считает, что многоуровневая идентичность — частный случай множественной идентичности, или множества идентичностей (этническая, социальная, профессиональная, гендерная, гражданская, конфессиональная, имущественная, расовая) [14. С. 29]. Скрепляющим («системообразующим») элементом национальной идентичности выступает смысловая целостность как характеристика нации: она соединяет конструкцию воедино, и изменить идентичность невозможно без отказа от ее главной идеи (идентичность не устоит, если произойдет размывание «основной идеи»). Анализируя особенности современной российской идентичности, В.А. Ядов развел понятия идентичности как состояния и идентификации как процесса, это состояние определяющего. Социальная идентификация — это «групповые идентификации личности, т.е. самоопределения индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как „своих“ и „не своих“» [30. С. 597]. Р.Г. Абдулатипов обращается к идентичности через понятие российской нации в ее этнонациональном и гражданском измерениях, рассматривает идентичность как объективизацию духовной энергии человека и социального опыта, общности и государства через самосознание и самопознание, выбор и мобилизацию [1. С. 413]. Успешные попытки нового осмысления иден-

тичности предпринимаются в региональных научно-исследовательских центрах России. Так, в монографиях Ю.Г. Волкова анализируются теоретические основания социальной идентичности, суть российской идентичности, роль идеологии в ее формировании [9; 10].

Таким образом, понятие национальной идентичности может быть рассмотрено в двух аспектах: 1) философско-антропологическом — как процесс осознания принадлежности к определенной нации, национальной культуре и т.п., и 2) как осмысление национальных особенностей в качестве императива исторического развития нации. Национальная идентичность развивается в процессе исторических перемен, представляя определенную ступень национального самосознания. С другой стороны, идентичность — это и относительно замкнутая система взглядов, поэтому она довольно устойчива, но динамика ее среды (внутренняя и внешняя жизнь нации) приводит к определенным изменениям в этой системе.

Несмотря на то, что после распада СССР прошло более четверти века, для современного российского общества проблема идентичности остается одной из ключевых, что объясняется рядом внешних по отношению к ней факторов и совокупностью внутренних обстоятельств. Среди факторов внешнего порядка следует, прежде всего, учитывать кардинальные социальные, политические и экономические изменения, которые охватили мировое сообщество на рубеже XX—XXI веков — они связаны с нарастающими и весьма противоречивыми, а порой и конфликтными процессами глобализации. Никогда прежде в мировой истории противостояние цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности — с другой, не стояли столь остро и не охватывали столько стран мира. В условиях глобализации идентичность формирует основной дискурс науки и повседневной практики. Причем неравномерно развивающееся мировое сообщество порождает все большее смешение народов, поэтому субъектами национальных отношений в одних условиях становятся языковые и культурные общности, а в других — государственные и социально-территориальные. Эта ситуация порождает вопросы о соотношении этнического и национального, локального и глобального, «гражданского и культурного». Отсюда — обостренное восприятие национальной и этнической идентичности, особенно при их наложении на государственно-гражданскую идентичность.

Вполне объяснимое в условиях нарастающей глобализации стремление государств и народов к сохранению национальных идентичностей сопровождается ярким социальным парадоксом: рост объективных интеграционных тенденций, ведущих к взаимосвязи и взаимодействию во всех сферах современного общества, сопряжен с не менее устойчивым противодействием глобализации в форме протестов разных этнических и культурных общностей. Чем упорнее процессы глобализации проникают в национальную самобытность, тем активнее народы стараются обезопасить свою культуру, язык и религия. Более того, боязнь утратить свою самобытность и уникальность, характерная практически для всех народов, проявляется и на уровне государств, отстаивающих свою национальную идентичность и государственные интересы. В целом можно утверждать, что в условиях геополитической нестабильности и региональной взрывоопасности каждое государство должно делать все возможное для укрепления национальной идентичности:

будучи важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, идентичность вовлекается в водоворот всемирной конкуренции, и мировое сообщество превращается в арену битвы идентичностей. Выигрывают в этой битве государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую силу. Государства слабые в этом отношении вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности стремительно «растворяются» в процессах глобализации.

Собственно российский фактор, усиливающий актуальность изучения идентичности, сводится к чувствительным отголоскам краха СССР, который сопровождался, с одной стороны, распадом советской идентичности, с другой — поиском субъектности постсоветской России как новой государственно-социальной реальности. В 1990-е годы (первое десятилетие постсоветской трансформации) многие россияне болезненно переосмысливали, сопоставляли себя и окружающий мир, пытаясь понять общее и особенное в своих идентификационных характеристиках, соответствующих российскому обществу как социуму нового типа, с качественно новым типом идентичности — общероссийской, основанной на синтезе гражданского и этнического.

Несмотря на дискуссионность вопроса о включенности России в процессы глобализации, проблемы постсоветской идентичности обретают все большую практически-политическую значимость. С решением этих проблем связаны прогнозы развития российского государства, его способность отвечать на многочисленные вызовы современности, осуществлять независимую культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию. От того, какие идентичности будут доминировать в массовом сознании россиян, какими станут важнейшие референтные группы самоидентификации, во многом зависит эффективность государственных институтов, механизмов представительства групп интересов и политического участия, перспективы формирующихся структур гражданского общества.

В настоящее время ресурс согласия и консолидации в межнациональных отношениях в значительной степени определяется состоянием российской идентичности, а в ее структуре — *глубиной взаимодополнения и устойчивостью связи гражданского и этнического*. Чем же характеризуется в данном контексте российское общество? Процессы становления и укрепления гражданской идентичности, получившие развитие в 2000-е годы, в отличие от логики экономической рецессии, дали позитивные результаты. Так, в 2014—2016 годы ощущение связи с другими гражданами страны испытывали, по данным мониторинговых исследований Института социологии, 74—84% (аналогичные данные были получены в НИУ ВШЭ в ходе Европейского социального исследования — ESS). Представление «*Мы — граждане России*» сегодня стало очень устойчивым: оно воспринимается как русскими, так, практически в равной степени представителями других национальностей. Исследования в ряде республик (Татарстан, Башкортостан, Саха—Якутия, Мордовия, Чувашия) показывают, что представители национальностей, которые дали название республикам, как и русские, проживающие в них, имеют практически схожую гражданскую идентичность (74% и 68% соответственно).

Устойчивость ощущения сильной связи с гражданами страны, ориентация на ценность государства, стабилизация уровня доверия к власти и окружающим — по сути, свидетельства формирования новой гражданской идентичности. Ее основы окрепли в начале 2010-х годов, особенно в 2014—2015 годы, которые отмечены проведением Олимпиады в Сочи и историческим воссоединением Крыма с Россией, а также празднованием 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, которое укрепило традицию массовых шествий «Бессмертного полка». При этом сопричастность гражданам России мало различается по возрастным группам и свойственна людям разного образования. Таким образом, *гражданская идентичность выступает одним из ключевых ресурсов сплочения российского общества* и вносит важный вклад в укрепление уверенности людей в завтрашнем дне, в развитии современной России, поэтому можно трактовать ее как *государственно-гражданскую идентичность*.

Государственно-гражданская идентичность консолидирует современное российское общество: 88% опрошенных в 2016 году согласились с тем, что «*В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации*», и ответы русских и представителей других национальностей, людей разного возраста и достатка практически совпали [20. С. 244]. Россияне, которые идентифицируют себя как граждан России, в большей степени отличаются такими чувствами, как любовь, гордость и уважение к России (75% против 55% не ощущающих такую связь); более открыты для взаимодействия с иными национальностями (83% из них полагают, что «государство должно поддерживать культуру всех народов страны» — среди не ощущающих связь с гражданами России таковых 75%); чаще присоединяются к мнению, что «*Россия — общий дом для всех народов*» (различие в 8%) [20. С. 234—252]. Как показало исследование Института социологии, основными интеграторами устойчивой гражданской составляющей российской идентичности выступают общее государство и территория, государственный язык и историческое прошлое (рис. 1).

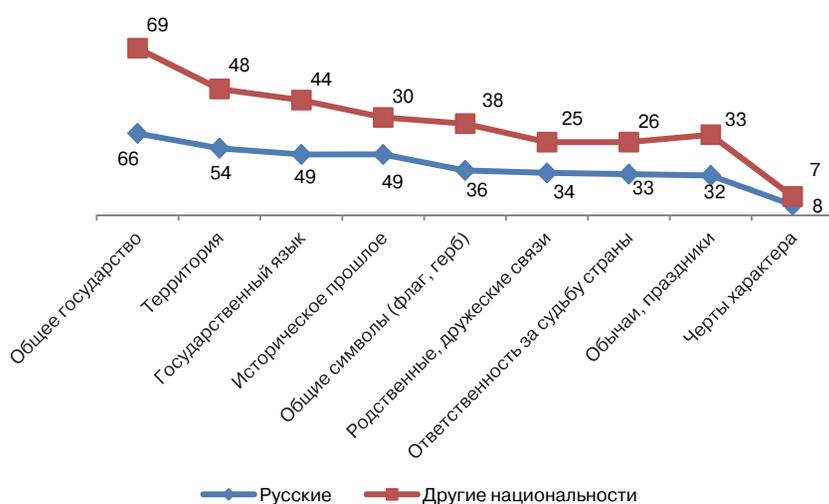

Рис. 1. «Что больше всего объединяет Вас со всеми гражданами страны?» (в %)

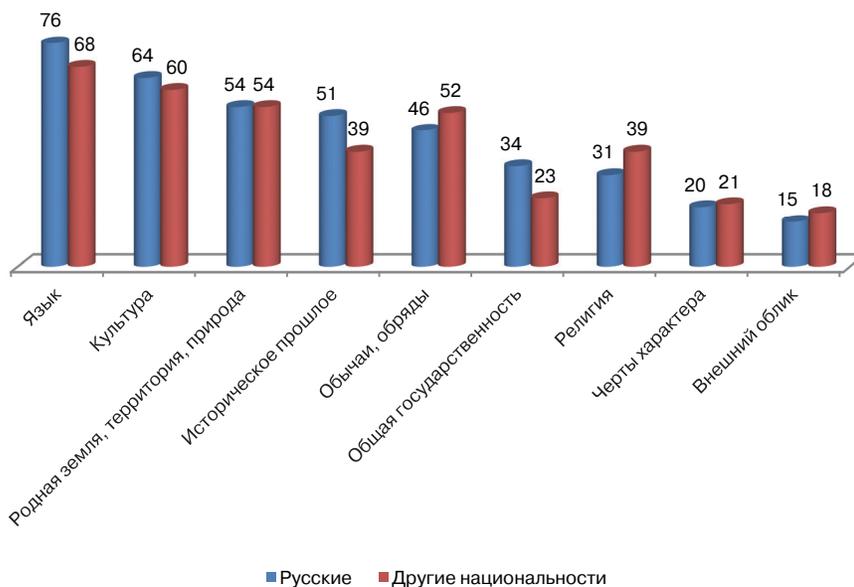

Рис. 2. «Что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» (в %)

В свою очередь, базовыми критериями этнической идентичности являются язык, культура и родная земля (рис. 2).

Следует выделить еще один результат идентификационных процессов последних лет. Дело в том, что острота и интенсивность внутрироссийской и международной жизни, ее этнополитический и социологический анализ сблизил позиции научно-экспертного сообщества по этнической и гражданской идентичности — как слагаемых общероссийской идентичности. Этническая идентификация с еще большей ясностью и четкостью стала трактоваться как самоотождествление с этнокультурной общностью, а гражданская — как отождествление с гражданами страны, с общероссийским пространством и государством. Это необходимо иметь в виду, чтобы терминологические неточности и даже неряшливость в анализе «ткани» межнациональной проблематики не вносили в общественную среду немотивированное напряжение.

Соответственно, возникает вопрос: снимает ли качественно новое состояние российской идентичности вопрос об актуальности этнической идентичности? Как показывают результаты массовых опросов, не снимает — большинство населения сохраняет идентичность по национальности и месту жительства. Но важно обратить внимание на то, что при высоких показателях распространенности *гражданской и этнической идентичности* теряет остроту их противопоставление и подтверждается их совместимость в рамках российской идентичности. Весьма показательны результаты социологического мониторинга Института социологии РАН: ощущение близости с гражданами России, т.е. гражданская идентичность, у большинства россиян сочетается с этнической идентичностью. Так, 94% тех, кто чувствует себя гражданином России, ощущают общность с людьми своей националь-

ности. С гражданами России ассоциируют себя 91% тех, для кого характерна акцентированная этническая идентичность (установка «я никогда не забываю о своей национальности»).

На самоидентификацию в качестве граждан России может влиять и текущая социально-экономическая и политическая ситуация, и этнический состав территориального окружения. Сегодня идентификация на региональном уровне претерпевает качественные трансформации: увеличивается плотность этнически маркированных коммуникативных потоков, активизируются внешние информационные центры за пределами страны, ориентированные на местные и национальные сообщества, прежде всего молодежь. Все более осязаемое влияние на характер и направленность идентификации оказывают виртуальные коммуникации в сети Интернет. Идентичность формируется в культурно-коммуникативном пространстве, которое представляет собой сложное, но устойчивое социокультурное образование, далеко не всегда совпадающее с административными границами регионов или федеральных округов. К тому же далеко не в каждом субъекте Российской Федерации состояние и структура этого пространства адекватно осознаются учеными и политиками. От своеобразия региональных ситуаций, безусловно, зависят представления населения об идентичности: у одних групп доминирует государственная, политическая идентичность (в случае преобладания идентификации по признаку государственной принадлежности), у других групп на передний план выходит этническая идентичность (выраженное восприятие этнической солидарности).

Таким образом, межэтническое и гражданское согласие, на основе которых формируется российская идентичность и укрепляется российская нация — это не «прерыв постепенности», не застывшее состояние, а *динамично развивающийся и проявляющий себя в повседневной жизни исторический процесс в полиэтнической стране*. Чтобы этот процесс не испытывал на себе разрушительных воздействий радикализма и экстремизма, необходима научно обоснованная государственная политика регулирования межэтнических отношений, способствующая формированию российской нации и обеспечивающая «единство в многообразии» и «многообразие в единстве», или, как писал К.Н. Леонтьев, «цветущую сложность».

Сегодня первичным условием конкурентоспособности общества является не только эффективность системы государственного управления, но и совершенствование и поддержание устойчивой системы ценностей, мотивирующих людей к достижению успеха в глобальной конкуренции. Общество, не осознающее себя как целостность, участвующую в жесткой конкуренции, как и общество, система мотивации которого не ориентирована на коллективный успех, обречены на поражение. Российское общество стоит перед необходимостью не только сохранения, но и обретения обновленной самоидентификации. Как показывает история, это вполне решаемая задача, однако формирование и развитие российской идентичности не могут идти самотеком. К тому же выбор вариантов движения вперед для любого общества не беспределен: существуют ресурсные и институциональные ограничения — это и тип культурно-цивилизационного устройства, и система регулирующих повседневную жизнь ценностей, и механизмы их передачи через историческую память и социальное воспроизводство.

Оценивая особенности российской идентичности в современных условиях, можно исходить из разных стратегий. Можно вести долгие экспертные споры о том, утверждать ли в сознании граждан многонациональной и многоконфессиональной страны установку «мы — единый российский народ», прилагать ли усилия для научного и политического развития этой позиции как наиболее верной для преодоления внешних угроз и новых рисков, в определении достойного места страны в глобализирующемся мире. Продвижение концепции единого русского народа, формирование государственно-гражданской идентичности — дело не из легких. Сложность решения этой задачи определяется тем, что при формировании идентичности граждан важно соблюдать *паритет между идентичностью представителя русского народа и этнической принадлежностью*. Вместе с тем взрывоопасное начало XXI века ставит перед страной и иную задачу: нельзя ограничиваться лишь паритетом, необходим синтез гражданского и этнонационального сознания. При этом новое качество российской идентичности не может быть механическим сложением региональных идентичностей или, наоборот, гомогенным унифицированным образованием, обезличивающим национальные языки и культуры. Ни то, ни другое в России невозможно и не способно обеспечить развитие страны в XXI веке с такой же мощью, благодаря которой страна вот уже столько столетий прорывается вперед через внешние агрессии и внутренние потрясения.

Жизнеспособной и могучей общероссийская идентичность как внутреннее самосознание русской нации станет только в том случае, если будет включать в себя уникальный опыт выживания и социокультурного творчества каждого из народов, уникальный духовный потенциал и созидательные возможности каждой культурно-цивилизационной общности. Однако следует признать: современные реалии имеют множество нюансов, тормозящих формирование общероссийского самосознания — слабые демократические традиции, неразвитость гражданского общества и распространение низкопробных образцов массовой культуры мешают духовной консолидации. Поэтому особую важность приобретает государственная «политика идентичности», интегрирующая практики из сферы образования, культуры, предпринимательства, молодежной политики и национальных отношений и усиливающая управленческие решения и законодательные акты в целях укрепления духовно-психологического климата в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга, 2005.
- [2] *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб: Алетейя, 2000.
- [3] *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии / Пер. с нем. и вступительная статья А.М. Боковой. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.
- [4] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- [5] *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
- [6] *Бродель Ф.* Что такое Франция?. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994—1997.

- [7] *Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, Адапт, 1994.
- [8] *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Алетейя, 2007.
- [9] *Волков Ю.Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.
- [10] *Волков Ю.Г.* Идентичность и гуманистическая идеология: взгляд в будущее. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.
- [11] *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- [12] *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2004.
- [13] *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, 2000.
- [14] *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
- [15] *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.
- [16] *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ИС РАН, 2003.
- [17] *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.
- [18] *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994.
- [19] *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
- [20] Российское общество и вызовы времени. Книга 4 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016.
- [21] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- [22] *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.
- [23] *Тойнби А.Дж.* Роль личности в истории / Пер. с англ. М.: Астрель, 2012.
- [24] *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе / Пер.: М.В. Вульф, А.А. Спектор. М.: АСТ, 2006.
- [25] *Хейзинга И.* Об исторических жизненных идеалах / Пер. с голл. И. Михайловой под ред. Ю. Колкера. L.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
- [26] *Хейзинга И.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. и предисл. Д. Сильвестрова. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2010.
- [27] *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Наука, 1993.
- [28] *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2010.
- [29] *Шюц А.* Чужак // Шюц А. Избранное: Мир, святыющийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- [30] *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания. Самара: Бахрах-М, 2003.
- [31] *Benedict R.* Patterns of Culture. Boston—N.Y.: Houghton, Mifflin and Company, 1934.
- [32] *Castells M.* The Power of Identity. Vol. II. The Information Age: Economy, Society and Culture. Malden—Oxford—Carlton, 2004.
- [33] *Erikson E.H.* Dimensions of a New Identity. N.Y.: Norton, 1974.
- [34] *Erikson E.H.* Identity and the Life Cycle. Selected Papers. N.Y.: International Universities Press, 1959.
- [35] *Erikson E.H.* Identity, Youth, and Crisis. N.Y.: W.W. Norton, 1968.
- [36] *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
- [37] *Kardiner A.* The Individual and His Society. N.Y.: Columbia University Press, 1939.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

SYNTHESIS OF ETHNIC AND CIVIL AS A BASIS FOR THE RUSSIAN IDENTITY*

M.K. Gorshkov, I.O. Tyurina

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218
(e-mail: m_gorshkov@isras.ru; irinal-tiourina@yandex.ru)

Abstract. The authors consider the concept of Russian identity and review some key social and philosophical approaches to the definitions of identity focusing on the contemporary Russian sociological interpretations of the structure and content of national identity. The authors acknowledge the complexity and multidimensional nature of national identity, and believe that it develops in history and proves a certain level of national consciousness. The article considers the today's Russians' self-identification under the macro-social processes in the Russian society in the crisis period of 2014—2016. Based on the results of the national sociological monitoring surveys conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences the authors identify the Russians' priorities in the sphere of inter-ethnic and confessional relations in the form of sociological diagnostics. The data of the sociological surveys prove that the identity issues are still among the key problems of the Russian society considering the resources for national consolidation as determined by the status of the Russian identity and by its structure as depending on the stability of civil and ethnic components combination. Today, Russia has to preserve and to renew its self-identification, to construct the Russian national-civil identity as a synthesis of ethnic and civil components. Thus, the state has to develop the so-called “identity policy” as one of the most important ways to strengthen its key political decisions and legislation and to support the spiritual-psychological climate of the society.

Key words: Russian identity; national and ethnic identity; civil identity; integration; new national social reality; national-civil identity; identity policy

REFERENCES

- [1] Abdulatipov R.G. *Rossiiskaya natsiya: etnonatsionalnaya i grazhdanskaya identichnost rossiyan v sovremennykh usloviyakh* [Russian Nation: Ethnic and Civil Identity of the Russians in the Current Situation]. Moscow: Nauchnaya kniga; 2005 (In Russ.).
- [2] Abels H. *Interaktsiya, identichnost, prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu* [Interaction, Identity, Presentation. Introduction to Interpretative Sociology]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000 (In Russ.).
- [3] Adler A. *Praktika i teoriya individualnoi psikhologii* [Practice and Theory of Individual Psychology]. Moscow: Fond “Za ekonomicheskuyu gramotnost”; 1995 (In Russ.).
- [4] Berger P.L., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium; 1995 (In Russ.).

* © M.K. Gorshkov, I.O. Tyurina, 2017.

The research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (from July 2017 — Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) was supported by the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218 (2014-2016), No. 14-28-00218-II (2017-2018) “The dynamics of social transformations of contemporary Russia in the social-economic, political, social-cultural, and ethnic-religious contexts”).

- [5] Braudel F. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: Poligramma; 1993 (In Russ.).
- [6] Braudel F. *Chto takoe Frantsiya?* [What is France?]. Moscow: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh; 1994—1997 (In Russ.).
- [7] Bourdieu P. *Nachala* [The Beginnings]. Moscow: Socio-Logos: “Adapt”; 1994 (In Russ.).
- [8] Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Ale-teiya; 2007 (In Russ.).
- [9] Volkov Yu.G. *Gumanisticheskaya ideologiya i formirovanie rossiiskoi identichnosti* [Humanistic Ideology and Construction of Russian Identity]. Moscow: Sotsialno-gumanitarnye znaniya; 2006 (In Russ.).
- [10] Volkov Yu.G. *Identichnost i humanisticheskaya ideologiya: vzglyad v budushchee* [Identity and Humanistic Ideology: A Look into the Future]. Moscow: Sotsialno-gumanitarnye znaniya; 2006 (In Russ.).
- [11] Garfinkel H. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter; 2007 (In Russ.).
- [12] Goffman E. *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: IS RAN; 2004 (In Russ.).
- [13] Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press; 2000 (In Russ.).
- [14] Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identifying the Identity: Ethnic-Sociological Essays]. Moscow: Nauka; 2003 (In Russ.).
- [15] Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak stroгая nauka* [Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Philosophy and the Crisis of European Man. Philosophy as a Rigorous Science]. Minsk: Kharvest, Moscow: AST; 2000 (In Russ.).
- [16] Drobizheva L.M. *Sotsialnye problemy mezhnatsionalnykh otnoshenii v postsovetsoi Rossii* [Social Problems of Inter-Ethnic Relations in Post-Soviet Russia]. Moscow: IS RAN; 2003 (In Russ.).
- [17] Kortunov S.V. *Natsionalnaya identichnost: Postizhenie smysla* [National Identity: Comprehension of Meaning]. Moscow: Aspekt Press; 2009 (In Russ.).
- [18] Luhmann N. *Ponyatie obshchestva* [The Concept of Society]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii: Sbornik nauchnykh statej*. Saint Petersburg: Petropolis; 1994 (In Russ.).
- [19] Luhmann N. *Realnost massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praxis; 2005 (In Russ.).
- [10] *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 4* [Russian Society and Challenges of the Time]. Moscow: Ves Mir; 2016 (In Russ.).
- [21] Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos: Studies on Social-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka; 2003 (In Russ.).
- [22] Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow: Rolf; 2001 (In Russ.).
- [23] Toynbee A.J. *Rol lichnosti v istorii* [The Role of the Individual in History]. Moscow: Astrel; 2012 (In Russ.).
- [24] Freud S. *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psichoanalize* [Basic Psychological Theories in Psychoanalysis]. Moscow: AST; 2006 (In Russ.).
- [25] Huizinga J. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealakh* [Historical Ideals of Life]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.; 1992 (In Russ.).
- [26] Huizinga J. *Teni zavtrashnego dnja. Chelovek i kultura. Zatemnennyi mir: Esse* [The Shadows of Tomorrow. The Man and the Culture. A Darkened World: An Essay]. Saint Petersburg: Izdatelstvo I. Limbakh; 2010 (In Russ.).
- [27] Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow: Nauka; 1993 (In Russ.).

- [28] Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The Structures of the Life-World]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”; 2010 (In Russ.).
- [29] Schütz A. Chuzhak [The Stranger]. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svyatyaschiisya smyslom*. Moscow: ROSSPEN; 2004 (In Russ.).
- [30] Yadov V.A. Sotsialnye i sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsialnoi identichnosti lichnosti [Social and social-psychological mechanisms to construct the social identity of the individual]. *Psikhologiya Samosoznaniya*. Samara: Bakhrakh-M; 2003 (In Russ.).
- [31] Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company; 1934.
- [32] Castells M. *The Power of Identity*. Vol. II. The Information Age: Economy, Society and Culture. Malden—Oxford—Carlton; 2004.
- [33] Erikson E.H. *Dimensions of a New Identity*. New York: Norton; 1974.
- [34] Erikson E.H. *Identity and the Life Cycle. Selected Papers*. New York: International Universities Press; 1959.
- [35] Erikson E.H. *Identity, Youth, and Crisis*. New York: W.W. Norton; 1968.
- [36] Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity*. Englewood Cliffs: Prentice Hall; 1963.
- [37] Kardiner A. *The Individual and His Society*. New York: Columbia University Press; 1939.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72

СОЦИАЛЬНЫЕ ДИСТАНЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН
ул. Гончарная, 12-1, Москва, Россия, 109240
(e-mail: bela46@mail.ru)

Социальное пространство представляет собой теоретический конструкт, который позволяет анализировать многие актуальные проблемы развития общества, в том числе его консолидации. В статье социальное пространство рассмотрено как совокупность социальных статусов и дистанций. Их объективные характеристики взаимосвязаны с субъективными показателями, измеряемыми с учетом мнения индивидов. Баланс статусов и дистанций в обществе и приемлемость этой структуры для большинства населения обеспечивает устойчивость общества и эффективный социальный контроль. При нарушении этого баланса возникают социальные напряжения, угрожающие стабильности и консолидации общества. Идеи, разработанные в теориях социального пространства, обладают немалым эвристическим потенциалом для выявления актуальных проблем общественного развития, таких, как, например, солидарность, социальная стратификация и мобильность, социальные сети и их взаимодействие, связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром, взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик, генезис социального пространства как результат общественного производства, представленного не только вещами, но и отношениями, и т.д. В соответствии с теорией П. Бурдьё в статье представлен анализ социального пространства как структуры социальных статусов, основанных на совокупности разных видов капитала: экономического, культурного, социального, символического. Эмпирическую базу статьи составили официальные статистические материалы и результаты мониторингового опроса на всероссийской выборке. В статье предложены и апробированы эмпирические индикаторы, которые показали возрастание социальных дистанций в обществе за счет перераспределения экономического и, как следствие, культурного и социального капитала. Сделан вывод, что социальное пространство России не обладает достаточной устойчивостью. Для обеспечения его стабильности необходим комплекс мер по сокращению социальных дистанций: реиндустриализация экономики с созданием высокотехнологичных рабочих мест, развитие цифровой экономики, улучшение системы массового среднего и высшего образования — эти меры заложат основы для восходящей социальной мобильности.

Ключевые слова: социальное пространство; социальные дистанции; экономический капитал; культурный капитал; социальный капитал; символический капитал; социальная мобильность

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современная Россия отличается глубокой социальной дифференциацией по целому ряду показателей: уровню доходов и образу жизни, обладанию материальными и социальными ресурсами, обеспеченностью социальными услугами —

* © Беляева Л.А., 2017.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-03-50073.

медицинскими, образовательными, доступностью культурных учреждений и т.п. Наличие таких дифференцирующих факторов дестабилизирует общество, создает напряжение, которое основано не только на объективных структурных различиях, но и на субъективных представлениях, транслируемых символической системой и создающих образ расслоенного общества и имеющихся в нем структурных проблем. В России наблюдается высокая степень «избыточного неравенства» (1) (не только материального, но социального, культурного и т.д.), негативно влияющего на общественное развитие.

Чтобы составить общую картину дифференциации общества, целесообразно воспользоваться такими понятиями, как социальное пространство и социальная дистанция. Социальное пространство — метафорический конструкт, который не сводится к месту, где происходят события, явления и процессы, как не сводится к пространству геометрическому. В социальном пространстве распределены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей и моральных норм. Социальное пространство — не статичное, а динамичное состояние, характеризующееся, с одной стороны, автономностью акторов (индивидов, групп, общностей), а, с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия/недоверия и солидарности/антагонизма вплоть до взаимной поддержки/онтологической опасности. При этом социальное пространство размещено в физическом пространстве с его объективными структурами и внутри субъективных структур, порождаемых социальными статусами акторов и их представлениями об этих статусах.

Изучение социального пространства в России сегодня актуально как никогда, поскольку в обществе возникли новые социальные группы, а традиционные группы трансформировались, появились многочисленные слои, которые не могут справиться со сложными обстоятельствами в силу низкого потенциала жизнедеятельности. Сложившаяся за 25 лет глубокая материальная дифференциация общества в условиях современного системного кризиса усугубляется, порождая эксклюзивность и настроения апатии в тех слоях, которые чувствуют себя брошенными и потерянными. Это, с одной стороны, а с другой — образовался слой богатых и сверхбогатых людей и их наследников, которые демонстрируют свои исключительные материальные возможности и стиль жизни, вступающий в резкий контраст с общественными настроениями.

Состояние социального пространства характеризуют дистанции между социальными группами, слоями и индивидами. Можно условно выделить показатели, представляющие совокупность *объективных* характеристик, формирующих социальные дистанции — образование, уровень дохода, выполнение управленческих функций, занятие бизнесом, самозанятость, наемный труд, этническая принадлежность, постоянное проживание/миграция и др. Значимы также и *субъективные* показатели, которым уделяется большое внимание в психологических и социологических исследованиях: оценки степени понимания и близости в личных и общественных отношениях, которые измеряются с использованием шкал социальных расстояний.

Для формирования системы объективных и субъективных показателей важно учитывать идеи социальных философов и социологов, разрабатывающих те или иные проблемы социального пространства: солидарность (по Дюркгейму); социальные дистанции, социальные круги (по Зиммелю); социальная стратификация и мобильность (по Сорокину); сети взаимодействия (по Московичи); связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром (по Знанецкому); социальный контроль, мобильность и маргинальность (по Парку); «концентрические зоны и концентрические круги» (по Берджессу); иерархически расположенные социальные слои (по Сорокину); взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (по Гидденсу); влияние повседневных социальных практик на общую организацию социальных систем (по Хагерстранду); генезис социального пространства как результат общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями (по Лефевру) [2. С. 22—35]. Теория социального пространства П. Бурдьё дает возможность сконструировать исходную точку (социальная позиция/статус), относительно которой выстраивается система отношений и взаимодействий субъектов. Она представляет социальное пространство как рационально сконструированную диаграмму, поля властного взаимодействия, движения различных видов капитала. Совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), делает социальное пространство многомерным. При этом само социальное пространство определяется как структурная диспозиция полей: экономического, социального, культурного, символического. Концепция социального пространства России позволяет анализировать такие проблемы, как социальная дистанция между разными акторами; отношения идентификационные и взаимодействия — личные и обезличенные; наличие/отсутствие общих интересов и ценностей; формирование и взаимопроникновение социальных кругов и т.д.

Обращение к проблеме разных видов капитала при построении концепции социального пространства было предложено П. Бурдьё [5]. Концепция Бурдьё с его теорией капиталов создает теоретическую базу для эмпирического изучения многих характеристик социального пространства. Можно отметить, что в России недостаточно разрабатываются и используются эмпирические индикаторы, показатели, индексы, которые бы отражали структуру и свойства социального пространства. Использование конструкта «социальное пространство» требует определить те реальности, которые его наполняют, выявить их топологию, которая, по мнению Бурдьё, представляет собой социологию в объективистском аспекте. В данной статье предлагается рассмотреть социальное пространство *как пространство социальных дистанций, выраженных через группу эмпирических индикаторов и индексов, отражающих социальный статус входящих в него социальных акторов*. Но прежде будут рассмотрены другие подходы к измерению социальных дистанций.

Дифференциация социального пространства составляет важный аспект его существования, при этом социальные дистанции — главный показатель дифферен-

циации. Одновременно социальная дистанция — одна из самых успешных концепций в социологии, она широко используется в исследовании этнического, классового, гендерного, статусного и других видов отношений. Такие эмпирически верифицируемые феномены, как стиль жизни, возможности или ресурсы социальных групп и индивидов, их взаимодействие, зонирование мест поселений, концентрические зоны, или круги поселений и т.д., могут быть изучены во многих ракурсах при помощи такого эмпирически верифицируемого понятия, как *социальная дистанция*. Его особая значимость объясняется связью с социальным статусом.

Впервые данное понятие было выдвинуто Г. Зиммелем, для которого социальное пространство — освоенное человеком, имеющее границы, разделенное на зоны действия и взаимодействия индивидов. Зиммелю принадлежат идеи о социальных дистанциях, о городской пространственной среде, о влиянии больших городов на степень индивидуальной свободы и развитии особого рода духовности. У Зиммеля концепция социальной дистанции складывалась как такая интерпретация социальной жизни, в которой сочетается расстояние между акторами в геометрическом смысле с расстоянием в метафорическом смысле (социальное расстояние между статусами акторов). Понятие «социальная дистанция» было заимствовано у Зиммеля его учеником Р. Парком для понимания расовых отношений и городского расселения. У Парка это понятие характеризует степень близости между группами и индивидами, а степень близости измеряет то влияние, которое каждый оказывает на другого — чем значительнее социальная дистанция между индивидами и группами, тем меньше они взаимно влияют друг на друга.

Принцип социальной дистанции применялся представителями Чикагской школы для анализа структуры социального пространства города. В классической работе Э. Берджесса «Рост города: введение в исследовательский проект» развивалась идея концентрических зон на примере Чикаго [4]. В проекте осуществлялся динамичный анализ пространственной и социальной мобильности в условиях расширяющегося города, связанной с миграционными и другими динамичными процессами. Нужно ли говорить, что для России, особенно для больших городов, подобный подход к анализу городского пространства имеет большое значение. Проблема зонирования социального пространства и, как следствие, геометрического пространства, например, городов, сельской местности, рекреационных зон позволяет составить представление о сосредоточении определенных этнических, профессиональных, эмигрантских, социокультурных и других групп, проблемах их взаимодействия и потенциальных конфликтах.

Картографирование городского пространства по некоторым наиболее острым проблемам с определением концентрических зон внесет значимый вклад в разработку мер предупредительного характера для решения межэтнических, межконфессиональных, проблем взаимодействия мигрантов и постоянного населения в городах и сельской местности, а также поставит вопросы о развитии концентрических зон и их взаимопроникновении. Берджесс провел картографирование Чикаго, выявил 75 микрорайонов в зависимости от цвета кожи, национальности, уровня доходов и образования, профессии горожан, создал на основе социоло-

гических исследований теорию «концентрических зон», в каждой из которых сосредоточены определенные экономические и жилые структуры. Особое внимание Берджесса было направлено на процессы социальной и личностной дезорганизации, поскольку она изменяет темп жизни города. Социальную дезорганизацию он рассматривал не столько с точки зрения социальной патологии, сколько в контексте взаимодействия и приспособления, что ведет фактически к социальной реорганизации городского пространства.

Для современной социологии, изучающей жизненный мир индивида, важна идея Зиммеля о социальных кругах, в которые он включен. Вхождение в разные круги обозначает существование определенной социальной дистанции с другими акторами, не входящими в них. «Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, — писал Зиммель, — является, таким образом, одним из показателей высоты культуры. Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами (так, например, во всякой профессии, где есть начальники и подчиненные, каждый находится в кругу своего особого вида деятельности, должности, бюро и т.д. в рамках этой профессии, которая всегда охватывает высших и низших); далее, он является членом того круга, который образуется всеми, кто равен ему по положению, но чей вид деятельности и т.д. — иной); если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, — офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, — то это является уже очень большим разнообразием групп» [11. С. 412—413].

Наличие социальных дистанций — неотъемлемый элемент в устройстве современного социального пространства, он не представляет опасности для организации общества, если дистанции уравнивают его, не вызывают его разрушения, обеспечивают эффективный социальный контроль. Важна протяженность дистанций, их принятие индивидами, подвижный характер. Взаимозависимость объективных характеристик социальных дистанций и субъективной дистанции, измеряемой с учетом мнения индивида, образует баланс структуры статусов в обществе и приемлемости этой структуры, ее одобряемости или, по меньшей мере, индифферентности к ней населения.

Многообразие эмпирических *объективных* показателей социальных дистанций дополняется *субъективными* характеристиками, которые чаще всего изучаются с помощью шкалы Э. Богардуса с ее модификациями. Богардус предложил перечень из семи типов социальных взаимоотношений представителей разных этнических групп, проранжированных экспертами по степени проявления в них чувства товарищества и понимания: 1) принять в круг близких родственников по браку; 2) иметь в качестве «друзей»; 3) иметь соседями по улице; 4) принять как коллег по профессии в своей стране; 5) принять как граждан своей страны; 6) принять исключительно как гостей своей страны; 7) полностью выдворить из своей страны. Полученные в результате опроса коренных американцев оценки разных

этнических групп позволили Богардусу сделать вывод, что «ограниченные социальные отношения сопровождаются значительной социальной дистанцией... Социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса, т.е. из *status-quo* в социальных отношениях. Удерживая других на расстоянии, человек поддерживает свое положение в кругу своих друзей. Потерю почти всего в жизни он переносит легче, чем потерю социального статуса; и отсюда *raison d'être* поддержания социальных дистанций» [5. С. 185—186].

Хотя шкала Богардуса чаще всего применяется для изучения межэтнических и расовых отношений, благодаря модификациям она используется для исследования социального дистанцирования других групп — по профессиональному признаку, уровню образования, доходу, занятиям, религиозной принадлежности, отношению к лицам с ограничениями по здоровью, отношению к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации и любым другим группам [14. С. 20]. Возможно измерение социальной дистанции с представителями политических партий, общественных организаций и движений с применением модифицированной шкалы Богардуса и других шкал.

Необходимо подчеркнуть, что социальная дистанция устанавливается институционально, ее субъективная оценка отражает то, что регламентировано и отражено в средствах социального контроля, демонстрирует восприятие различий социального статуса участниками взаимодействия [1]. Нарушение социальной дистанции может санкционироваться как формальными, так и неформальными способами. В представлениях о каких-то группах присутствует отношение к целому спектру их объективных характеристик: их предполагаемый уровень образования, профессия, занятие, уровень дохода, национальность, опыт общения с людьми из этой группы и другие характеристики и обстоятельства. Таким образом, социальная дистанция есть объективно-субъективное понятие, когда, говоря словами С. Жижека, различия между объективной действительностью и субъективной видимостью отражаются в самой субъективной видимости.

Объективно социальная дистанция формируется реальными различиями между группами — экономическими, политическими, этническими, национальными и др. Система социальных дистанций служит неким «каркасом», базисом структуры общества, именно на ее основе упорядочивается система социальных статусов и могут формироваться социальные лестницы, ведущие вверх или вниз. В странах, находящихся на постиндустриальной, информационной стадии развития, сокращается действие жестких регуляторов социальных дистанций, постепенно разветвляются сети взаимодействия, которые регулируются поверх социальных кругов. Социальные дистанции утрачивают «железобетонный» характер, могут сокращаться при овладении индивидом или группой дополнительным объемом капитала, и не только экономического, но и культурного, социального, символического.

КАПИТАЛЫ КАК ФАКТОРЫ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Каждый индивид и социальная группа занимают место в социальном пространстве в соответствии со своим статусом. Социальный статус определяет положение в обществе индивида или группы согласно некоторым важным для данного

общества объективным характеристикам — образование, уровень культуры, профессия, наличие собственности, обладание властными функциями, доход, другие характеристики, которые диктуют определенные нормы поведения и выполнение общественных функций. Формирование социального статуса происходит как под влиянием институциональных требований, так и с учетом обычаев, традиций и общественного мнения. В основе наличного социального статуса лежит совокупный объем капитала (экономического, культурного, социального, символического), которым располагают индивиды или группы. При этом определяющее влияние оказывает структура капитала, соотношение разных его видов в общем. Бурдьё утверждал, что социальные поля, соответствующие видам капитала, подчинены «в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства» [7. С. 82], и, как следствие, капиталу экономическому.

Для измерения социальной дистанции целесообразно воспользоваться сравнением социальных статусов индивидов и групп согласно обладанию ими разными объемами капитала — экономического, культурного, социального и, резюмирующего их, символического. Если первые три вида можно относительно легко операционализировать в виде конкретных эмпирических показателей, то последний — символический капитал — представляет собой, по Бурдьё, «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [8. С. 225]. Это эфемерный вид капитала, трудно поддающийся эмпирической оценке, воплощенный в таких категориях, как авторитет, престиж, доверие, влияние, и в такой синтетической характеристике, как стиль жизни. Его можно определить как предпочтения в повседневности, которые демонстрируют возможности, предоставляемые экономическим, культурным и социальным капиталом. Как писал Бурдьё, «по мере восхождения по иерархической лестнице стиль жизни начинает занимать все более важное место в том, что Вебер называет „стилизацией жизни“» [9. С. 29].

В постсоветский период довольно быстрыми темпами начала увеличиваться социальная дистанция, обусловленная ростом экономического капитала у части населения России: стал образовываться слой сверхбогатых людей, получивших первую собственность в период приватизации.

В истории разгосударствления собственности выделяют несколько условных этапов. В рамках первого этапа была проведена так называемая «малая и чековая приватизация» (1992—1994). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы — позволила приватизировать до 70% предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества директорам предприятий и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Второй этап — 1995 год: залоговые аукционы проведены для пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические

предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. К началу 1998 года этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов ЮКОС, Сиданко, Сибнефть, Сургутнефтегаз, Лукойл, а также РАО «Норильский никель». Третий этап, длящийся с 1996 года по настоящее время, отличается продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую не прозрачные и допускающие сговор претендентов. Крупная собственность продается на внутрисоссийских и зарубежных биржах, продолжается смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, рейдерских захватов, банкротства в пользу «своих» и других противоправных действий. На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Существенные изменения произошли в распределении горной ренты — дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период 50% госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефтегазового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2—3% от стоимости товарной нефти в 1992—2001 годы), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую элиту. С января 2002 года была введена новая схема налогообложения, позволившая изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5% (2005) по сравнению с 21,6% в 2003 г. (2). Но при этом значительная часть ренты остается у частных владельцев предприятий, хотя недра — это общенародная собственность и, как писал академик Д.С. Львов, необходимо обращение ренты от использования природных ресурсов в доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Доходы от природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей среды [13].

В результате приватизации системообразующих предприятий сложилась система «власть—собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. В свою очередь крупные собственники оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетных вливаний. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, но говорить о равенстве условий для развития бизнеса можно с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги, деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса — основного поставщика предпринимателей в России. Экономическая эли-

та концентрирует в своих руках мощный экономический капитал, чем создает непреодолимую социальную дистанцию с обществом, а главное, элита нелегитимна в глазах большинства. И пока договор общества с этими кругами не будет достигнут, вопрос о законности и нравственном одобрении их деятельности в России остается открытым.

Оценить богатство отдельных имущественных слоев в России по данным статистики очень сложно. По мнению зарубежных исследователей, которые часто критикуются российскими экспертами, Россия существенно опережает многие крупные страны по уровню неравенства доходов. Но и по данным отечественных ученых, например, согласно мониторингу социально-экономического положения РАНХиГС, число долларовых миллионеров в России в 2016 году увеличилось на 10% и составило 132 тысячи (3). По уровню неравенства распределения богатства Россия — абсолютный чемпион мира, и отрыв от других стран тем больше, чем о более узком слое сверхбогатых людей идет речь. Все годы перехода к рынку при незначительных колебаниях по годам растет коэффициент Джини: 1995 — 0,387; 2000 — 0,395; 2005 — 0,409; 2010 — 0,417; 2015 — 0,413; 2016 — 0,414. В 2016 году у 20% населения с наибольшими доходами было сосредоточено 47,1% всех доходов, а у 20% с наименьшими доходами — 5,3%, а децильный коэффициент был равен 15,7 (4). В постсоветский период быстрыми темпами стала увеличиваться социальная дистанция, обусловленная перераспределением экономического капитала, формированием системы «власть—собственность». Стал образовываться слой сверхбогатых людей, получивших первую собственность в результате приватизации. Помимо этого произошло экономическое дистанцирование других доходных групп. По данным статистики, в 2014 году — накануне современного кризиса — сложились следующие группы — обладатели экономического капитала: богатые (8%), зажиточные (8%), среднеобеспеченные (43%), относительно бедные (30%), абсолютно бедные (11%) (рис. 1).

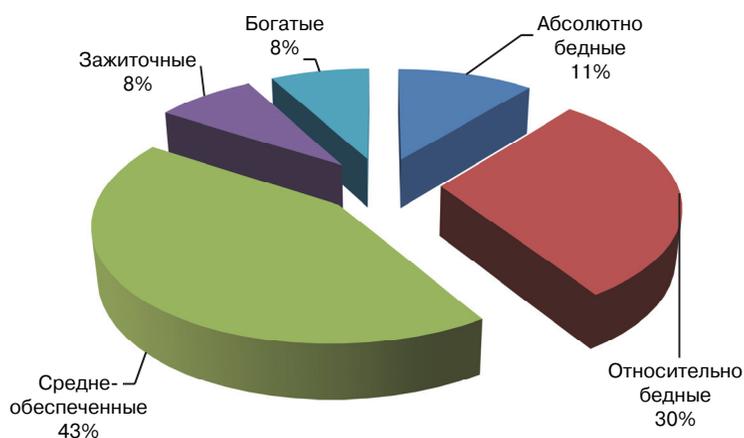

Рис. 1. Материальная дифференциация общества по уровню дохода (2014 год)

По большому счету общество разделено на две части — тех, кто достиг относительно высокого уровня жизни, имеет, как минимум, приемлемый доход, способный обеспечить социальный стандарт потребления, типичный для российского общества (среднеобеспеченные, зажиточные и богатые в сумме дают 59%), и тех, кто находится в состоянии относительной или абсолютной бедности (абсолютно бедные и относительно бедные — 41%), ощущает депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Экономическая дистанция продолжает расти за счет быстрого увеличения дохода верхних групп — зажиточных и особенно богатых, имеющих не только такие источники, как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской деятельности и собственности. Существенное влияние на закрепление социальных дистанций в будущем будет иметь наследование экономического капитала. Сегодня от 100 до 150 тысяч российских семей владеют финансовыми активами свыше 1 млн долларов и контролируют 25—35% благосостояния в стране. Средний возраст владельца капитала — 50—55 лет (5). И хотя в стране за последние сто лет была утрачена культура поведения в области наследования, процессы наследования экономических капиталов будут идти в той или иной форме, будут складываться и передаваться семейные состояния — согласно принципам капиталистического общества. Экономические дистанции будут закрепляться и влиять на формирование и других видов капиталов — культурного, социального, символического.

Существенно и региональное влияние на формирование экономического капитала. Например, в Москве сосредоточена треть представителей наиболее доходной пятипроцентной группы населения России и каждый пятый из двадцатипроцентной группы с наибольшими доходами. Такая асимметрия в распределении экономического капитала по социальным слоям и регионам делает социальное пространство страны неустойчивым как по вертикали, так и по горизонтали, порождает «избыточное неравенство», которое стало значимым фактором социального недовольства и эксклюзии у значительной части общества, особенно в регионах.

Дифференциация общества по объему экономического капитала и сейчас, и в будущем будет порождать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала своего и своих детей, наращивание культурного, социального и символического капитала уже стали барьером для вертикальной социальной мобильности из других слоев. Закрытость верхних слоев характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации в них увеличиваются рабочие места, требующие развитого человеческого капитала, и система образования реагирует на это выравниваем шансов получения качественного образования для выходцев из всех социальных слоев. По данным Европейского социального исследования, в странах-лидерах по инновациям и информационным технологиям, например, в Норвегии и Финляндии, у родителей с низким образованием дети чаще, чем в России, имеют высшее образование [3]. Этому способствуют не только бесплатность обучения на всех уровнях, но и забота государства о наращивании культурного капитала нации в целях развития экономики. В итоге

в этих странах средний класс, большинство представителей которого имеют высшее образование, составляет около 90% населения.

Среднему классу, его массовому представительству, отводится ведущая роль в сокращении социальных дистанций. К сожалению, в России средний класс, по данным нашего исследования, составлял в 2015 году не более 20%, снизившись по сравнению с 2010 годом на 4%. Соответственно, ожидаемая в начале экономических реформ стабилизирующая роль среднего класса и его активность в разных видах социально-политической деятельности не подтвердилась. Роль социально-политического стабилизатора в современной России наиболее последовательно выполняет только верхняя часть среднего класса, которая занимает промежуточную позицию между политически наиболее активной и конструктивной высокодоходной группой, с одной стороны, и политически наименее активной группой с низкими доходами, представители которой чаще склонны к радикально-протестным настроениям — с другой. Это подтверждает недосформированность российского среднего класса как массового социального субъекта [12].

В постсоветской России долгие годы снижалась роль образования в сокращении социальных дистанций. Если прежде образование являлось реальным трамплином для социального восхождения, то теперь наметился разрыв между сохранением этой ценности в сознании людей и практической реализацией образовательных и карьерных устремлений. В России появились экономические препятствия для получения качественного среднего и высшего образования для семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для успешной сдачи ЕГЭ и поступления в вузы постоянно растут, как и дополнительные платы в средней школе. Возможности материальной поддержки выходцев из таких семей при обучении в вузе также ограничены [10. С. 199—208]. Даже на основе дискуссий в медийном пространстве видно, что высокие баллы по ЕГЭ являются результатом упорных занятий учащихся с репетиторами, а не освоения программы обучения в школе.

Расширившиеся материальные возможности части семей в финансировании таких занятий, которые практиковались в более узких объемах в советский период, закрепляют взаимопроникновение и взаимоподдержку экономического и культурного капиталов, обеспечивающих социальное восхождение. Экономический капитал семьи становится все более важным фактором формирования культурного капитала посредством качественного высшего образования и продвижения по социальной лестнице. В результате увеличиваются социальные дистанции, транслируемые поколениям детей от родителей, закрепляется расслоение, обусловленное не только культурным капиталом родителей, что было обычной практикой в советский период, но и объемом экономического капитала, которым они располагают. Ответом служит девиантное поведение молодежи, лишенной материальной поддержки родителей во время учебы в вузах и социальной перспективы. Эта молодежь чувствует увеличивающуюся социальную дистанцию по сравнению с более успешной молодежью из верхних слоев. Такие настроения особенно распространены в средних и малых городах и на селе.

Массовые опросы также фиксируют наличие и закрепление социальной дистанции, обусловленной экономическим, культурным и социальным капиталом (6).

По данным мониторинга, экономическое расслоение стабилизировалось в начале 2000-х годов, обусловив раскол общества на две большие группы, которые зафиксированы в статистических показателях выше. Согласно опросу 2015 года немногим более половины населения (51%) может быть отнесено к неблагополучной группе по материальному положению, менее половины (44%) — к благополучной (табл. 1). Некоторое отличие от статистических данных объясняется тем, что богатые слои, как правило, не представлены в массовых обследованиях.

Таблица 1

«Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?» (в %)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	—	6	3	5	

Сформировано устойчивое материальное расслоение общества с такими неблагоприятными пропорциями: соотношение примерно 50% на 50% трех нижних и трех верхних слоев сохраняется в течение 2000-х годов — это следствие отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания массовых высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест. В эти годы закреплялась социальная дистанция, базирующаяся на объеме экономического капитала. Также наблюдается устойчивая корреляция уровней экономического, культурного и социального капитала, создающих устойчивую социальную дистанцию между слоями. Эта гипотеза была проверена на данных массового опроса, в котором, как обычно, не представлены самые богатые слои, но который позволяет зафиксировать наличие основных социальных дистанций.

Двухэтапный кластерный анализ данных 2006, 2010 и 2015 годов показал, что социальное пространство России разделено на слои, между которыми существуют значительные устойчивые дистанции. В качестве индикатора экономического капитала была использована самооценка материального положения, культурный капитал оценивался через уровень образования, социальный — через руководство людьми. В результате были выделены шесть иерархических слоев: (1) руководители, имеющие высокий уровень образования; (2) специалисты, в основном с высшим образованием; (3) руководители с образованием на уровне среднего общего и специального; (4) реалисты — востребованные в экономике исполнители в ос-

новном со средним специальным образованием; (5) бедные специалисты — в основном с высшим образованием и низкими доходами; (6) реалисты — востребованные в экономике исполнители с низким образованием. С использованием порядковой шкалы была построена диаграмма (рис. 2), демонстрирующая разный объем трех видов капитала у этих слоев.

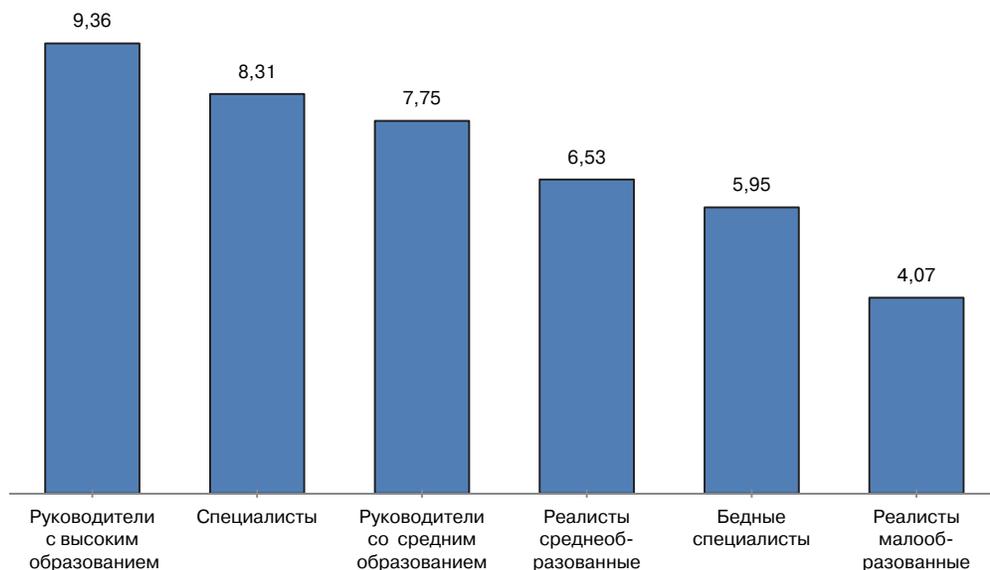

Рис. 2. Средний объем экономического, культурного и социального капитала (в баллах)

Очевидны значительные социальные дистанции между этими слоями. Но проблема состоит не просто в ее наличии, а в том, что три нижних социальных слоя составляют в совокупности значительную часть населения (40—50%), и в случае увеличения дистанции социальное пространство России может получить такие напряжения, которые будет трудно преодолеть. Их предупреждение требует, прежде всего, реиндустриализации экономики, развития цифровых производств, повышения качества среднего и высшего образования и создания высокоэффективных рабочих мест, способствующих массовой мобильности молодежи в более высокие социальные слои, что позволит обеспечить большую стабильность социальному пространству России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Термин предложен А.Ю. Шевяковым: *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.
- (2) <http://www.promved.ru/next/article/?id=768>.
- (3) <https://ria.ru/society/20170316/1490180891.html>.
- (4) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#.
- (5) <http://www.forbes.ru/milliardery/344937-iz-ruk-v-ruki-vladelcam-kapitalov-nuzhno-dumat-osedmom-pokolenii-naslednikov-po>.
- (6) Использованы результаты всероссийского мониторинга, проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН с участием автора. Руководитель мониторинга — Н.И. Лапин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бабиц Н.С., Батыков И.В.* Ординальное шкалирование. Краснодар, 2004.
- [2] *Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // *Философские науки*. 2012. № 6.
- [3] *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 3.
- [4] *Берджесс Э.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность, культура, общество*. 2002. Т. IV. № 1—2.
- [5] *Богардус Э.С.* Социальная дистанция в городе // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / Отв. ред. Л.В. Гирко*. М., 2003.
- [6] *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.—СПб.: 2007.
- [7] *Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
- [8] *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- [9] *Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О.И. Кирчик // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3.
- [10] *Грани российского образования*. М., 2015.
- [11] *Зиммель Г.* О скрещении социальных кругов // *Зиммель Г. Избранное*. Т. 2. М., 1996.
- [12] *Латов Ю.В., Петухов В.В.* Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора (по данным социологических опросов)? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 6.
- [13] *Львов Д.* Стратегия развития России // http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm.
- [14] *Ethington P.J.* The intellectual construction of ‘social distance’: Toward a recovery of Georg Simmel’s social geometry // *Cybergeo*. 1997. No. 30.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72

SOCIAL DISTANCES AS A FEATURE OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIAL SPACE*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, Russia, 109240
(e-mail: bel46@mail.ru)

Abstract. Social space is a theoretical construct that allows to consider many key problems of social development including the society’s consolidation. The author defines social space as a set of social statuses and distances. Their objective characteristics are interrelated with subjective indicators identified through the opinions of individuals. The balance of statuses and distances in society and the acceptability of this structure for the majority of population ensure the stability of society and effective social control. If this balance is disturbed, social tensions arise and threaten the stability and consolidation of society. Thus, the ideas of the theories of social space possess a considerable heuristic potential for revealing urgent prob-

* © L.A. Belyaeva, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-03-50073.

lems of social development such as solidarity, social stratification and mobility, social networks and their interaction, connections of local communities within and with the world, interaction of structured social relations and individual and collective practices, genesis of social space as a result of social production represented by both things and relationships, etc. According to the theory of P. Bourdieu, the author considers social space as a structure of social statuses based on the set of different types of capital: economic, cultural, social, and symbolic. The author uses statistical data and results of the monitoring survey conducted on the all-Russian sample. The article proposes some tested empirical indicators that proved the increase of social distances in Russia due to the redistribution of economic capital and, as a consequence, of cultural and social capitals. Thus, the social space of Russia cannot be considered stable. To ensure its greater stability we need a set of measures to reduce social distances: re-industrialization to create high-tech jobs, development of digital economy, and improvement of the mass secondary and higher education system — these measures can create a basis for the upward social mobility.

Key words: social space; social distances; economic capital; cultural capital; social capital; symbolic capital; social mobility

REFERENCES

- [1] Babich N.S., Batykov I.V. *Ordinalnoe shkalirovanie* [Ordinal Scaling]. Krasnodar; 2004 (In Russ.).
- [2] Belyaeva L.A. Socialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroenij k empiricheskomu izucheniju [Social space: From theoretical constructions to the empirical study]. *Filosofskie Nauki*. 2012: 6 (In Russ.).
- [3] Belyaeva L.A. Rossiya i Evropa: struktura naselenija i socialnoe neravenstvo [Russia and Europe: The structure of population and social inequality]. *Monitoring Obshestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2010: 3 (In Russ.).
- [4] Burgess E. Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skij proekt [The growth of the city: An introduction to the research project]. *Lichnost, Kultura, Obschestvo*. 2002: IV (1—2) (In Russ.).
- [5] Bogardus E.S. Socialnaja distantsija v gorode [Social distance in the city]. *Socialnoe prostranstvo: Mezhdisciplinarnye issledovanija: Referativnyj sbornik*. Otv. red. L.V. Girko. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [6] Bourdieu P. *Sociologija socialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Per. s fr.; otv. red. N.A. Shmatko. Moscow — Saint Petersburg; 2007 (In Russ.).
- [7] Bourdieu P. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics]. Per. s fr., obsch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [8] Bourdieu P. *Praktičeskij smysl* [Practical Meaning]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [9] Bourdieu P. Razlicenie: socialnaja kritika suzhdenija [Distinction: A social critique of the judgment]. Per. s fr. O.I. Kirčhik. *Ekonomičeskaja Sociologija*. 2005: 6 (3) (In Russ.).
- [10] *Grani rossijskogo obrazovanija* [Dimensions of Russian Education]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [11] Simmel G. O skreschenii socialnyh krugov [On intersecting social circles]. Simmel G. *Izbrannoe*. Vol. 2. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [12] Latov Yu.V., Petukhov V.V. Vypolnjajut li rossijskie srednie sloi rol socialnogo stabilizatora (po dannym sociologičeskikh oprosov)? [Do the Russian middle strata play the role of a social stabilizer? (based on opinion polls)]. *Monitoring Obschestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2017: 6 (In Russ.).
- [13] L'vov D. Strategija razvitija Rossii [Strategy for the development of Russia]. http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm (In Russ.).
- [14] Ethington P.J. The intellectual construction of 'social distance': Toward a recovery of Georg Simmel's social geometry. *Cybergeo*. 1997: 30.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87

THE STATE OF THE AMERICAN FAMILY: THE PARADOX OF HOW FAMILIES AND FAMILY VALUES ARE CHANGING WHILE STAYING THE SAME*

J. DeFrain

University of Nebraska-Lincoln
NE 68588-0236 USA
(e-mail: jdefrain1@unl.edu)

Abstract. How is the American family doing today? The answer depends upon whom you are talking with and the social/political/cultural lens you are looking through. This article is written by an American professor emeritus of family studies who has studied and taught about families for more than forty years. The author has been married to his wife Nikki for fifty years and they have raised three daughters and are now active in an extended family which included four grandchildren and three sons-in-law. In this article, the author avoids talking about families from a political perspective because in America this kind of talk usually generates more heat than light. Even though the American media tends to focus only on problems and give all of us the impression that families in particular and life on the planet in general are in grave danger, after studying strong families in the U.S. and around the world for more than forty years, the author personally believes that the majority of families in America are doing well and are satisfied with their life together. Some families are just doing okay. And some, of course, are in deep trouble. Truth be told, all American families have problems, just as all families around the world have problems. And, as it is true from a global perspective, not all families in the U.S. are strong families. But all families in the U.S. have strengths and they use these strengths in their efforts to meet the challenges their family inevitably faces. In this article, the author begins looking at American families today from the top-down perspective — the macro-level — and follows that with a discussion from the bottom-up perspective — the micro-level. These two perspectives complement each other and give us a reasonably good answer to the question of how the American family is doing today. And these two perspectives give us a better understanding of the paradox that families and family values are changing in some ways while we stay, deep-down, basically the same in our families.

Key words: family; American family; political perspective; global perspective; top-down perspective (macro-level); bottom-up perspective (micro-level)

Professionals who study families in America and people who have an opinion about families — which includes just about everyone — have sometimes been broadly divided into two different camps: the optimists and the pessimists. Like many others fascinated by families, I like to think of myself as neither an optimist or a pessimist, trying instead to be a realist about families in our country. There is also controversy in our country between proponents of continuity in families and proponents of change. Some observers are dismayed and angered by the unceasing changes in American society; some channel these emotions into political activity; some welcome many of these changes; and some are too busy caring for their children and elderly parents and paying the bills to spend

* © J. DeFrain, 2017.

time talking about what they see as largely theoretical issues that they cannot control anyway.

These back-and-forth dynamics between continuity and change have always been apparent in the U.S. and no doubt will continue through the coming decades. Especially during political campaigns in which politicians like to stir up controversy to attract their most enthusiastic partisan voters to the polls. Most of the time the majority of Americans do not talk about hot-button issues such as abortion or gay rights. In the U.S. politics, religion, and sexual issues are often seen as private issues that should remain outside the realm of public scrutiny. The average American much more is focused on her or his own personal and family challenges, i.e., they do not understand their wife/husband; their children do not understand them as parents; they as adult children do not understand their aging parents; and how are we going to make ends meet this month. If you are skeptical about what I am saying, please come to America and talk face-to-face with everyday people on the street. What we call the general public. You will quickly see what I mean. And yes, it is true that families in many ways are changing and some of these changes are alarming to many observers and simply a fact of life to other observers. And it is also true that families, deep-down, in many ways are the same. Especially in regard to the internal dynamics of the family — how they function behind closed doors in the family, the most intimate of environments. By looking from both angles — the macro- and micro-perspectives — this will help us better understand the paradox of how families and family values are changing while at the same time remaining the same.

THE BIG PICTURE — THE MACRO-LEVEL PERSPECTIVE ON FAMILIES

Let us begin looking at families in the U.S. from the top down. Here is a selection of statistics focusing on marriage and family issues today in America:

- ◆ 85% of the U.S. population will marry at least once [28].
- ◆ Age at marriage has been on the increase for more than four decades. In 1960, the median age for a first marriage was 22.8 years for men and 20.3 for women. In 2009, the median age for first marriage was 28.4 years for men and 26.5 years for women [30].
- ◆ Over 75% of Americans report a belief that being married is an important value [24].
- ◆ Marriage among those with college degrees appears to be getting stronger, while marriage among those with a high school degree or less is becoming increasingly unstable and unhappy [24].
- ◆ In 2010, there were 2,096,000 marriages and 872,000 divorces [8].
- ◆ 23.2 million Americans — about 9.1% of the U.S. population — are currently divorced [29].
- ◆ People marrying today have a 40—50% chance of divorcing. Statistically, 40% of first marriages, 60% of second marriages, and 73% of third marriages end in divorce [24; 27].
- ◆ About 75% of those who divorce will eventually remarry [28].
- ◆ Of the marriages that do not end in divorce, the quality of some of those may be poor [24].

- ◆ After 10 years of marriage, it has been predicted that only 25% of couples will still be happily married [24].
- ◆ Most divorces involve children, and more than 1 million children are affected by divorce each year [28].
- ◆ Approximately 40% of children will experience divorce before adulthood [4].
- ◆ Women are more likely than men to file for divorce [24].
- ◆ Most adults adjust well to divorce over time: 30% feel their lives were negatively impacted [17].
- ◆ Divorce and unmarried child bearing are highly related to child poverty [25].
- ◆ A small number of studies have found positive individual benefits of divorce such as greater autonomy, personal growth, and happiness [5].
- ◆ Married people live longer than unmarried or divorced people [31].
- ◆ Married people are happier than single, widowed, or cohabiting people [31].
- ◆ Married people have more sex and a better quality sexual relationship than do single, divorced, or cohabiting individuals [31].
- ◆ Married people are more successful in their careers, earn more, and have more wealth than single, divorced, or cohabiting individuals [7; 31].

From my perspective as a family researcher and counselor, domestic violence, alcohol-related problems, and the abuse of other drugs are especially worrisome. A wealth of national statistics compiled by the National Coalition Against Domestic Violence [14] gives a grim picture of domestic violence in the United States. On average, nearly 20 people per minute are physically abused by an intimate partner in the U.S. During one year, this comes to more than 10 million women and men. One in three women and one in four men have been victims of some form of physical violence by an intimate partner within their lifetime. One in five women and one in seven men have been victims of severe physical violence by an intimate partner in their lifetime. On a typical day, there are more than 20,000 phone calls to domestic violence hotlines nationally. 19% of domestic violence incidents involve a weapon of some kind. The presence of a gun in a domestic violence situation increases the likelihood of homicide by 500%. Women 18 to 24 years of age have the highest risk of abuse by an intimate partner. Only 34% of those injured by intimate partners receive medical care for their injuries. One in five women and one in 71 men in the U.S. have been raped in their lifetime. Almost half of female victims of rape (46.7%) and male victims of rape (44.9%) were raped by an acquaintance. Of these, 45.4% of female rape victims and 29% of male rape victims were raped by an intimate partner. 72% of all murder-suicides involve an intimate partner, and 94% of the victims of murder-suicide are females. 1 in 15 American children are exposed to intimate partner violence each year, and 90% of these children are eyewitnesses to the violence [14].

The physical and mental impact of intimate partner violence is also considerable. Women abused by their partners are more vulnerable to contracting HIV and other STI's because of forced intercourse or prolonged exposure to stress. Domestic victimization is correlated with a higher rate of depression and suicidal behavior. Physical, mental, and sexual reproductive health effects have been linked to domestic violence, including adolescent pregnancy, unintended pregnancy in general, miscarriage, stillbirth, intra-

uterine disorders, chronic pain, disability, anxiety, and post-traumatic stress disorder (PTSD). Add to these noncommunicable diseases such as hypertension, cancer, and cardiovascular diseases. Victims of intimate partner violence are also at increased risk for developing addictions to alcohol, tobacco, and other drugs [14].

Alcohol is the most widely used psychoactive drug in the United States. It contributes to the death of 88,000 people every year. Approximately 62,000 men and 26,000 women die, making it the third leading cause of preventable death in this country after tobacco and diet/activity patterns. Based on victim reports, 37% of the rapes and sexual assaults in America involved alcohol use by the offender. Fetal alcohol syndrome (FAS), which can occur when women drink during pregnancy, is the leading known environmental cause of mental retardation in Western countries. And, it is estimated that more than 10% of U.S. children live with a parent with alcohol problems [3; 4; 9].

About 570,000 people die every year due to drug use. Breaking this down, 440,000 die from disease related to tobacco; 88,000 due to alcohol; 20,000 due to illicit (illegal drugs); and 20,000 due to prescription drugs [1; 3]. Looking at those numbers from another angle, they tell us that only 3.5% of drug-related deaths in our country each year are related to the use of illegal drugs, leaving 96.5% of the deaths caused by legal drugs. Why in our society do we focus so much attention on illegal drugs, when legal drugs kill so many more people?

More than 40 years ago when I began my career as a newly-minted Ph.D. in family studies from the University of Wisconsin-Madison, most Americans believed that the American family was in crisis. With a divorce rate reaching about 50%, how could the family survive? Along with this, new groundbreaking research on child abuse, spouse abuse, alcohol and other drug problems in families, and, finally by the early 1980s, studies of sexual abuse in families were appearing regularly in professional journals and the media. This came as a shock to many Americans. But many others were relieved to see the light finally starting to shine in on the family. For the family had long been a private place, a place in which good things and bad things happened, but no one wanted to talk about the bad things. There was an impermeable zone of privacy surrounding the family and one simply did not discuss family problems outside the family. "A man's home is his castle," Americans often said back then. But the problem is that abuse and unhappiness can thrive in the shadows.

Just before I rose to walk across the stage and receive my doctorate in 1975 at the University of Wisconsin-Madison, my adviser Dr. William H. Marshall said to me, "You know, John, I wish I were graduating with my doctorate today." "Why?" I asked. Bill replied, "Because when I began my career in 1958, we couldn't talk about family problems. We couldn't really study in an honest way what was happening in families. Inside the family was all hidden from view. Today, you are able to look at the American family honestly, and that is very important." Looking openly and honestly at American families is important because we cannot solve family problems if we cannot talk about them, study them, and look for solutions. Think about it: If you have cancer, do you have any chance at all of getting some help if you cannot talk about it? It is really as simple as that.

So, fast-forward the American story to today. Are American families doing better than in 1975 when I graduated? Yes, I think so. Because we as a society have become more honest about facing family problems, we have begun working together to solve these problems. There have been, literally, thousands upon thousands of studies of families in our country, and these research projects have led to the development of countless programs to help strengthen marriages and families, to prevent child abuse and spouse abuse, to help stop alcohol abuse and the abuse of other drugs, to teach positive parenting and for enriching marriages [23]. Are American families perfect today, living in harmony with the sun shining all around them without end? Of course not. Today as a country we continue to have serious problems in families but we also have the knowledge at hand to deal with couple and family problems quite skillfully. Amazing progress has been made, and it has been a pleasure to think about what has happened over the years.

FAMILIES FACE-TO-FACE: THE MICRO-LEVEL PERSPECTIVE

From the bottom-up perspective, the micro level, you get a different but complementary perspective on the state of the American family. As a researcher for the past forty years I have been studying families from the ground up — face-to-face. Working with a growing international team, we have studied family strengths and challenges from a worldwide perspective — more than 30,000 family members have been involved in these studies of family strengths and challenges in 42 countries around the world, representing all of the world's major geo-cultural areas, including Africa, Asia, Europe, Latin America, the Middle East, North America, and Oceania. Dr. Vladimir Zubkov, formerly on the faculty of Peoples' Friendship University of Russia, can be credited with the first studies of families from a strengths-based perspective in Russia [33]. The family is the most intimate environment in the world, and has been rightfully called the most difficult social institution to study because it has been so closed from the view of outsiders. The research teams around the world I have been working with for many decades focus on the strengths of families, the challenges families face, and the story of how families use their strengths to meet these challenges in life.

Looking at families worldwide from the micro perspective, our research teams have developed over the years an international family strengths-based perspective. Here are some of the things we have learned about families in our research in the U.S. and around the world:

- ◆ Look for problems in a family and you will find only problems. Look for strengths and you will also find strengths. Most of the time human beings around the world tend to focus on a family's problems. However, to get a more accurate picture of a family you need to look both at strengths and challenges. If you do not consider a family's strengths, you get an inaccurate and negatively-skewed view of the family. Also, the family needs to think about their strengths, because they will use these strengths as a team to solve their problems.
- ◆ All the problems in the world either begin in families or end up in families, according to my friend and colleague Dr. David H. Olson at the University of Minnesota.

ta — St. Paul [13. P. 294]. Sometimes families create their own problems, and sometimes families have problems thrust upon them from the outside.

- ◆ Either way, every society needs to attend to the needs of families in all their wonderful diversity, because families are the foundation for every society. All families are unique and different, and all families need to be carefully nurtured and supported because families are the glue that holds society together. Strong families are the foundation of strong cultures.
- ◆ Function, not structure, is most important. When talking about families, it is common to make the mistake of focusing on external family structure or the type of family, rather than focusing on internal family functioning. People often say two-parent families are better than one-parent families. But if you look closely inside the family, you often see something quite different. For example, is a two-parent family with an alcoholic father who terrorizes his family with words and his fists really stronger than a stable and happy single-parent family in which the mother and children feel safe and secure and genuinely love each other? Or, is a heterosexual couple in which the husband is chasing women at the office a stronger relationship than two women living together who genuinely love each other and are committed to the partnership?
- ◆ Families around the world are incredibly diverse. In one study in Australia, we identified a group of families who believed they were strong families, who said they were happy together as a family, who were satisfied with their relationships with each other, and who believed they loved each other. We asked the families to describe the various family structures in which they lived: two-parent family, single-parent family, extended family, a family with heterosexual and gay members, and so forth. We were amazed to find that the families that described themselves as strong families could be categorized in 32 different structures. Though the so-called “ideal” and “traditional” family in the Western world might be seen as a family with “Mom, Dad, and the kids”, the reality is much different. There are many kinds of family structures that are strong.
- ◆ Strong marriages and intimate partners are the center of many strong families. The couple relationship is an important source of strength in many families with children who are doing well. Parents need to find ways to nurture a positive couple relationship for the good of everyone in the family.
- ◆ Strong families tend to produce great kids.
- ◆ If you grew up in a strong family as a child, it will probably be easier for you to create a strong family of your own as an adult. But it is also quite possible to do so if you were not so lucky and grew up in a seriously troubled family [26].
- ◆ The relationship between money and family strengths is weak. Once a family has adequate financial resources, the relentless quest for more money is not likely to increase the family’s quality of life, happiness together, or the strength of their relationships with each other.
- ◆ Strengths develop over time. When couples start out in life together, they sometimes have considerable difficulty adjusting to each other, and these difficulties are quite

predictable. Adjusting to each other is not an easy task. Many couples who are unstable at first end up creating a healthy, happy family.

- ◆ Strengths are often developed in response to challenges. A couple and family's strengths are tested by life's everyday stressors and by significant crises all of us face sooner or later.
- ◆ Strong families do not think much about their strengths, they just live them. It is, however, useful to carefully examine a family's strengths from time to time and discuss precisely how family members use these strengths to great advantage.
- ◆ Not all families are strong, but all families have strengths. Among the most troubled families I know are those families in which there are problems related to alcohol and other drug abuse, violence in the family, and sexual abuse of children in the family. These are the families that have caused me the most concern over the years. But even in these families there are remarkable things happening, good things happening. For example, though a dominant family member may be physically, emotionally, or sexually abusive, other family members may be demonstrating considerable courage in their efforts to protect the more vulnerable individuals in the family from harm.
- ◆ Strong families, like people, are not perfect. Even the strongest of families have difficulties and disagreements. A strong family is a work of art continually in progress, always in the process of growing and changing.
- ◆ When seeking to unite groups of people, communities, and even nations, uniting around the cause of strengthening families can be a powerful strategy: a worldwide building family strengths movement.
- ◆ Human beings have the right and responsibility to feel safe, comfortable, happy, and loved.

STUDYING STRONG FAMILIES AND FAMILY STRENGTHS WORLDWIDE

As I write this article, one of our most extensive studies of international family strengths continues in the Middle East. Our team includes researchers assembled by the Doha International Family Institute in Qatar. So far, after working together for three years the team has interviewed families in Jordan, Tunisia, Qatar, and Oman. If all goes well, we will be working together for several more years and eventually hope to be able to write a book on *The State of the Arab Family* in all 22 Arab nations in the Middle East. That is the dream. The four most important questions we are trying to answer in this large-scale study are: 1) What are the strengths of Arab families today? 2) What are the challenges that Arab families face today? 3) How do Arab families use their strengths to meet the challenges they face? 4) How can neighborhoods, nations, regions, and the global community work together to help strengthen families in the Middle East and around the world?

A major consideration when doing a study of this nature is how you are going to gather a sample of participants. First of all, are you going to study families who have identified themselves as strong families, or are you going to study the strengths of fami-

lies in general. Over the years we have used both approaches: identifying a sample of families who believe they are strong families, who are happy with their lives together, who are satisfied with family relationships, and who believe they love each other. This approach gathers together a remarkable collection of families. Another approach is not to look at so-called strong families, but instead to look at a wide variety of families and, on the assumption that all families have strengths, to have these families identify their strengths and describe how they use their strengths to good advantage.

In the current study in the Middle East, we have chosen to gather a broad sample of families and look at their strengths, rather than gathering a relatively narrow sample of families who think of themselves as strong families. The study of Arab families is a mixed-methods study, using both qualitative and quantitative research methods. We begin by gathering focus groups together. These focus groups include a diverse group of males and females, young and old, rich and poor, rural and urban, religious and secular, representing many different ethnic and cultural groups in each country. They are asked to discuss the strengths of their family, the challenges they face together, and to tell stories of how the family used their strengths to overcome the difficulties they faced. The focus groups are conducted in a relatively unstructured, open and free-flowing manner.

From the information obtained in the focus groups a formal interview protocol is developed, and the first draft of an Arab Family Strengths Inventory is constructed. These are then used in the next stage of the study: interviews with individual families focusing on their strengths and challenges, and asking them to fill out the Arab Family Strengths Inventory, which has a list of 60 family strengths to think about. Final stages of the long-term research project will focus on quantitative analysis of data from large samples of families in each country.

The best way to gain a personal understanding of the qualities of strong families is to fill out a family strengths inventory for yourself. If you are interested, please take a look at the University of Nebraska web site: <http://extensionpublications.unl.edu/assets/pdf/g1881.pdf>. There you will find the American Family Strengths Inventory. You can print it out for free, and fill it out with your own family in mind. Remember, of course, that this particular family strengths inventory is from an American perspective, but I think you will quickly see that it also works very well for people from other cultures, for family strengths worldwide are remarkably similar — certainly much more similar than different.

Currently we are working on reports on family strengths and challenges in Qatar, Jordan, and Tunisia. For the past several months, we have been immersed in reading transcripts of the focus group dialogues and reading the stories from family members about challenges they have faced in life and how they used their strengths to overcome these challenges. What never ceases to amaze us is how familiar these stories seem to us. Listening to the Arab families telling their stories, it is striking how much they sound like American families talking. Just like the Americans, the Arab families tell about problems that begin in the family: their difficulties in communication between husbands and wives, parents and children, and disagreements in the extended family. They also tell

stories of how the family faces difficulties that end up in the family, problems forced upon the family from the outside: unemployment, poverty, war, health difficulties, and so forth. Though the environment in the Middle East is clearly different from the environment in America today, the intimate life of American families and Arab families has extraordinarily similar dynamics. And the strengths of Arab families look startlingly similar to the strengths of American families.

This is not a surprise to us, because we have been seeing these similarities since 1982 when we began our first international family strengths studies in 12 Latin American countries. Constanza Casas, a graduate student from Bogota, Colombia rushed into my office one morning and exclaimed: “John! John! The strengths of Latin American families are the same as the strengths of American families!”. “Baloney”, I muttered. “People are all different around the world.” Constanza told me that no, I was wrong. Over the coming weeks, she translated the findings from Spanish to English for me and I got to read for myself what Latin American family members were saying about the qualities that made their families strong. And Constanza was right: the Latin Americans were saying the same things as the North Americans [12].

I have now seen this phenomenon for more than 35 years in studies all around the world, and I must admit that it still never fails to surprise and move me. In our most intimate environment — the family — human beings around the world are much more similar than different. Years ago, I was visiting a small Outback country town in the Top End of Australia. I was talking with a lovely and wise Aboriginal Australian social worker, and I was excited to tell her about the strengths of families around the world and how these strengths were much more similar than different. In fact, I really did not think there was any important difference at all when you look at strong families from country to country and culture to culture. The Aboriginal social worker looked at me skeptically. Her body language and eyes were saying, “How dumb can this American professor really be?” Finally, she could not stand it anymore and blurted out, “Well, John, of course the strengths are the same all around the world. We’re all human beings, you know!”. I loved her honesty. I loved how she quickly recognized professors could miss the point. And I agreed, speaking softly: “Yes, we are all human beings”.

But when you look at the world today and see all the conflict among cultures and countries, it remains clear that as human beings we often forget our similarities, accentuate our differences, get into nasty tribal battles with each other, and forget our basic and deep-down oneness as human beings. We continue to make the mistake of thinking that people are really different because they dress different, speak a different language, listen to different music, eat funny food, call God by different names, and live in a very different physical environment. But in the final analysis, people are people and families are families. We forget this truth at the peril of our world.

Our International Family Strengths Model has six major qualities. Broadly speaking, these six strengths describe families in every country and culture we have studied over the years: appreciation and affection for each other; positive communication; commitment to the family; enjoyable time together; a sense of spiritual well-being and shared values; the ability to manage stress and crisis effectively. The family strengths inven-

tories that we develop for each unique country or culture are all different, and tend to have 60 to 90 strengths listed for the family members to assess. But the instruments from country to country and culture to culture bear remarkable similarities. Below is a list of the six broad family strengths that are common around the world, and sub-qualities for each of the six strengths.

International Family Strengths

1. Appreciation and affection

Caring for each other
Friendship
Respect for individuality
Playfulness
Humor

3. Positive communication

Giving compliments
Sharing feelings
Avoiding blame
Being able to compromise
Agreeing to disagree

5. Spiritual well-being and shared values

Hope
Faith
Compassion
Shared ethical values
Oneness with humankind
Oneness with the Earth

2. Commitment to the family

Trust
Honesty
Dependability
Faithfulness
Sharing

4. Enjoyable time together

Quality time in great quantity
Good things take time
Enjoying each other's company
Simple good times
Sharing fun times

6. The ability to manage stress and crisis

effectively
Adaptability
Seeing crises as both challenges and opportunities
Growing through crises together
Openness to change
Resilience

Over the years, we have worked with many statisticians around the world who have used a wide variety of sophisticated statistical techniques to develop this model of international family strengths. We also simply apply our own logical thinking abilities as we separate strengths into various groupings. Using a technique called factor analysis the statisticians have come up with family strengths models with 6 factors, 4 factors, 2 factors, even 1 factor. The statisticians tell us that the various family strengths are all so very closely related to each other that, in the final analysis, it is very difficult to separate them out individually. For example, a family with positive communication is quite likely to spend enjoyable time together and to express appreciation and affection for each other while having the ability to deal with stress and crisis effectively. So, you can think about 60 or 85 or 90 sub-strengths, or 4 or 6 major family strengths, or you can think about how all these fit together into one over-arching strength. We call this all-encompassing strength positive emotional connection or love. In sum, all the strengths are highly related to each other, and if a family has one strength it is quite likely to have several other important strengths. We envision a ball of twine with all the strengths wrapped around each other and intimately connected.

WHAT IS A FAMILY AND WHAT IS A STRONG FAMILY?

One American dictionary defines family this way [16]: 1) a group of people who are related to each other; 2) a person's children; 3) a group of related people including people who lived in the past. Of course, there are countless other definitions of family. Here are some I have chosen to reflect the diversity of perspectives:

- ◆ A family consists of two or more people (one of whom is the householder) related by birth, marriage, or adoption residing in the same housing unit [30].
- ◆ The term is inclusive for people who “care, support and protect each other” [15].
- ◆ ...A family is a group of two or more people that are related by blood, marriage (registered or de facto), adoption, step or fostering, and who usually live together in the same household. This includes all families such as newlyweds without children, same-sex partners, couples with dependants, single mothers or fathers with children, and siblings living together. At least one person in the family has to be 15 years or over. A household may contain more than one family [8].
- ◆ A family is defined as two or more persons who share resources, share responsibility for decisions, share values and goals, and have a commitment to one another over time [6].
- ◆ Definitions of the family vary along a continuum with biological conceptions on one end of the continuum and social conceptions on the other [18]. Having a child through birth would be on the biological end, and adopting a child would be on the social end of the continuum. Both are legitimate definitions of family. Voluntary family or voluntary kin: people who care for us, support us, and feel like family to us, but are not related by blood or law [11].
- ◆ Call it a clan, call it a network, call it a tribe, call it a family. Whatever you call it, whoever you are, you need one [20].

Here is how we define a strong family: people who share significant relationships strengths, which are likely to include appreciation and affection for each other; commitment to the family; positive communication with each other; enjoyable time together; a sense of spiritual well-being and shared values; and the ability to manage stress and crisis effectively. Frankly though, I like this short, simple, and elegant definition the best: strong family — people who love and care for each other.

The list of things we can do to help strengthen families is endless. It is also important to note that there is not one best place to begin dealing with global family challenges. The work needs to be done on many levels and in many different ways. Here are a few things to do that immediately come to mind. We encourage the reader to generate her or his own list:

- ◆ Because families are the basic foundational social unit in all human communities around the world, and healthy individuals within healthy families are at the core of a healthy society, it is in everyone's best interest, then, to help create a positive environment for all families. This can be done by linking all of our social institutions: educational institutions, businesses, human and family service agencies, religious institutions, health organizations — literally everyone involved in the daily life of a community.

- ◆ Solutions to global family problems will not be easy. Because all problems either begin or end up in the family, family problems need to be addressed from both the macro- and micro-perspectives. Successful work with families is done face-to-face on the micro-level as a counselor helps a young couple learn how to parent their child positively and effectively. And successful work to help strengthen families is also done on the macro-level when international coalitions of governments find ways to bring peace to war-torn countries or stabilize broken financial systems while simultaneously preserving threatened social safety nets.
- ◆ It is important to point out that the relationship between money and family strengths is tenuous at best. In cultures in which economic resources are relatively plentiful, there can still be serious couple and family problems. The United States and Korea are seen as affluent nations compared to many other countries around the world, and yet the divorce rates in these countries are among the highest in the world [13; 32]. Even as countries develop economically, family problems will not necessarily tend to decrease. Rather, the nature of the problems will change.
- ◆ Strong marriages are the foundation of many strong families, and many marriages around the world are experiencing difficulties today. Part of the challenge of building family-friendly communities is to also build marriage-friendly communities. One good way to do this is to create couples enrichment courses and activities, emphasizing the importance of healthy couple relationships. These types of programs can be developed by creating partnerships among various local institutions, including schools and colleges, religious institutions, volunteer groups, and family-service organizations.
- ◆ Involving fathers in the day-to-day life of families is crucial. Mothers should not have to carry all the burdens of childrearing alone. And fathers should not only take on the responsibilities, but have the opportunity to experience joyful feelings as they watch children grow and learn. Also, the difficult process of parenting can disrupt the marital bond. So, it is important to note that, “The best thing a father can do for his children is to love their mother”. And, by the same token, “The best thing a mother can do for her children is to love their father”. Since the couple relationship is the foundation of a two-parent family, the needs of the marital relationship have to be carefully nurtured.
- ◆ The strengths of single-parent families need to be recognized and acknowledged. Countless single-parent families are strong and emotionally healthy. Besides, in many cases involving violence, sexual abuse, alcohol, or other drug abuse, it is probably best that a parent with any of those problems or behaviors be out of the picture to insure the rest of the family’s personal well-being and safety. Programs to support single-parent families are essential.
- ◆ Endless political bickering which frames family challenges in black-and-white, good-versus-evil, right-versus-left terms will not help the situation. If it is true that all the problems in the world either begin in families or end up in families, it becomes clear that blaming families for everything does not make sense. Nor does it make any sense to blame society for all of the problems families face. Some problems are generated internally in the family, some come from outside the family, and most problems are probably a combination of causes coming from multiple

sources. Deciding whom to blame is a hopeless discussion to get into. The question should be, “How can we work together as families, communities, and nations to make the world better for everyone?”

- ◆ Local neighborhoods, communities, and even nations often get stuck, doing the same things over and over with poor results. By joining with others on the national and international levels to discuss common couple and family problems we can help each other think outside the box, making it possible for us to develop genuinely new solutions to old problems.

Much of the discussion in America about families circles around the good old days, whatever and whenever that might be. In my family, I often think about the good old days. Were the good old days when my grandmother was a six-month-old baby on the farm in south-central Nebraska? Were the good old days when her parents arrived in a horse-drawn wagon in 1884 and they constructed a dug-out — basically a dirt hole in the side of a hill with a few boards in the front — to live in for their first year on the Great Plains. As the family legend goes, when Grandma Effie DeFrain was a baby and toddler, the dug-out was divided into two rooms: on the right side of the dug-out the family slept — my great-grandfather, my great-grandmother, my grandmother Effie as a baby and small child, and her brothers and sisters. And on the left side of the dug-out, separated by a buffalo skin, the farm animals slept. All slept together, for the sake of warmth in cold winters.

Or were the good old days when my father left the farm in 1936 and went to the University of Nebraska, the first of his family to go off to college. When Dad met Mom at a dance that year, he had to hold his hand over his mouth when he smiled and talked with her because he had a large gap where his four top front teeth used to be. Poor farm families in the Great Depression of the 1930s did not have money for dental care, and hardly any money to go to college. Dad swept floors in a tavern in Lincoln, Nebraska for a year before he saved enough money to get false teeth so he could show Mom his nice smile.

And what about today? My wife Nikki and I have three grown-up daughters who all have families of their own. Each daughter has a good husband, beautiful children, and yet all these three young families struggle with problems at work and money problems at home. Is today a perfect time in the life of our family? Of course not. But objectively speaking, is it better today than when my parents were growing up or my grandparents were growing up? Of course, it is. Education and economic progress have made the difference.

Putting all of this into perspective, it is clear to me that when we chatter endlessly about the state of the American family, it is easy to miss the point. Yes, the pessimists are correct: all families have problems today, and they have had problems forever. And yes, the optimists are correct: all families have strengths today, and they have had strengths as long as human beings have walked the earth, which by everyone’s estimate is a long, long time. We are left with a paradox: the more families change, the more they stay the same. Rather than continuing to bicker as pessimists or optimists, a more realistic ap-

proach recognizes strengths and challenges that families all face. And the solution to these relentless and never-ending challenges is to focus on the strengths of each family, to use the family's strengths to meet the challenges they face, and to continue to grow as a caring society and develop social support programs that help families grow, change, and succeed.

REFERENCES

- [1] Alcohol and public health (2016). <http://www.cdc.gov/alcohol>.
- [2] Alcohol and sexual assault (2016). <http://pubs.niaaa.nih.gov/publications/arh25-1/43-51.htm>.
- [3] Alcohol facts and statistics (2016). <http://www.niaaa.nih.gov/alcohol-health/overview-alcohol-consumption/alcohol-facts-and-statistics>.
- [4] Amato P. Divorce and the well-being of adults and children. *Family Focus*. 2007: 52, F3-F4, F18.
- [5] Amato P. The consequences of divorce for adults and children. *Journal of Marriage and the Family*. 2000: 62 (4), 1269—1287.
- [6] American Association of Family and Consumer Sciences. AAFCS: Connecting professionals, touching lives (2015). <https://www.aafcs.org/AboutUs/FAQ.asp>.
- [7] Antonovics K., Town R. Are all the good men married? Uncovering the sources of the marital wage premium. *American Economic Review*. 2004: 65 (1), 137—154.
- [8] Australian Bureau of Statistics. What is a family? (2013) <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Products/6224.0.55.001~Jun%202012~Chapter~What%20is%20a%20Family%3F>.
- [9] Behavioral health trends in the United States: Results from the 2014 National Survey on Drug Use and Health (HHS Publication No. SMA 15-4927, NSDUH Series H-50). <http://www.samhsa.gov/data>.
- [10] Berman J. What makes a family? Children, say many Americans (2010). <http://abcnews.go.com/WN/defines-family-children-Americans-survey/story?id=11644693>.
- [11] Braithwaite D. Braithwaite delves into voluntary kin (2008). <http://scarlet.unl.edu/p=872>.
- [12] Casas C., Stinnett N., DeFrain J., Lee P. Family strengths in Latin America. *Family Perspective*. 1984. Winter.
- [13] DeFrain J., Asay S.M. *Strong Families Around the World: Strengths-based Research and Perspectives*. London: Routledge/Taylor & Francis Group; 2008.
- [14] Empowering victims and survivors (2016). <http://www.ncadv.org>.
- [15] *Families in Australia*. Canberra: Department of Prime Minister and Cabinet, 2008.
- [16] Family. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/family>.
- [17] Hetherington E.M., Kelly J. *For Better or Worse: Divorce Reconsidered*. New York: W.W. Norton; 2002.
- [18] Holtzman M. The family definitions continuum. *Family Focus*. 2005. June.
- [19] How many people die each year from drug usage? (2016). <http://teens.drugabuse.gov/national-drug-facts-week/how-many-people-die-each-year-drug-usage>.
- [20] Howard J. In A. Gore, T. Gore. *The Spirit of Family*. New York: Henry Holt (back cover); 2002.
- [21] Marital events of Americans: 2009. American Community Survey Reports. <http://www.census.gov/prod/2011pubs/acs-13.pdf>.
- [22] National marriage and divorce rate trends (2013). http://www.cdc.gov/nchs/nvss/marriage_divorce_tables.htm.
- [23] Olson D.H., DeFrain J., Skogrand L. *Marriages and Families: Intimacy, Diversity, and Strengths*. New York: McGraw-Hill Higher Education; 2018.
- [24] Popenoe D., Whitehead B.D. *The State of Our Unions*. Piscataway, NJ: National Marriage Project, Rutgers University; 2010.
- [25] Rank M.R., Hirschl T.A. The economic risk of childhood in America: Estimating the probability of poverty across the formative years. *Journal of Marriage and the Family*, 1999: 61, 1058—1067.

- [26] Skogrand L., DeFrain N., DeFrain J., Jones J.E. (2008). *Surviving and Transcending a Traumatic Childhood: The Dark Thread*. London: Routledge/Taylor & Francis Group; 2008.
- [27] *Statistical Abstract of the United States* (2006). <http://www.census.gov>.
- [28] *Statistical Abstract of the United States* (2008). <http://www.census.gov>.
- [29] *Statistical Abstract of the United States* (2009). <http://www.census.gov>.
- [30] U.S. Census Bureau (2016): Frequently asked questions. <https://www.census.gov/hhes/www/income/about/faqs.html>.
- [31] Waite L.J., Gallagher M. *The Case for Marriage: Why Married People are Happier, Healthier, and Better off Financially*. New York: Doubleday; 2000.
- [32] Yoo Y.J., Lee I., Yoo G. How strong families encounter social challenges in the Republic of Korea. In J. DeFrain, S.M. Asay (Eds.) *Strong Families Around the World: Strengths-based Research and Perspectives*. London: Routledge/Taylor & Francis Group, 2008.
- [33] Zubkov V. Russian families: Historical and contemporary perspectives on problems and strengths. In J. DeFrain, S.M. Asay (Eds.) *Strong Families Around the World: Strengths-based Research and Perspectives*. London: Routledge/Taylor & Francis Group, 2008.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87

АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ СЕГОДНЯ: ПАРАДОКС ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ НА ФОНЕ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЖНИХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Дж. ДиФрейн

Университет Небраски-Линкольна
Небраска 68588-0236 США
(e-mail: jdefrain1@unl.edu)

Как сегодня себя чувствует американская семья? Ответ зависит от того, кому именно вы задаете этот вопрос и сквозь призму какого подхода его рассматриваете — социального, политического или культурологического. Статья написана профессором кафедры исследований детства, юношества и семьи, который изучал соответствующую проблематику на протяжении более сорока лет. Автор счастливо женат более пятидесяти лет, вырастил трех дочерей и является членом расширенной семьи, имея трех зятьев и четырех внуков. В статье он принципиально отказывается от политизированного взгляда на семью, потому что подобные рассуждения обычно порождают споров больше, чем понимания ситуации. Хотя американские средства массовой информации склонны фокусироваться только на проблемах и порождают впечатление, что семьи, да и жизнь на планете в целом, находятся в серьезной опасности, автор, после сорока лет изучения крепких семей в США и по всему миру, убежден, что большинство семей в Америке хорошо справляются со своими задачами и членам таких семей нравится их совместная жизнь. Другие семьи справляются неплохо, а есть и те, что совсем не справляются. Дело в том, что у всех американских семей есть проблемы, как и у семей по всему миру, и с глобальной точки зрения нельзя признать все американские семьи крепкими. Однако все семьи в США имеют свои сильные стороны и используют их, чтобы справиться с теми сложностями, с которыми неизбежно сталкиваются. Автор начинает статью с макро-социологического подхода, а затем переходит к микро-социологическому взгляду на семью. Эти точки зрения дополняют друг друга и позволяют найти убедительные ответы на вопрос, как себя чувствуют американские семьи. Кроме того, сочетание этих подходов позволяет нам лучше понять тот парадокс, что семьи и семейные ценности сегодня меняются по очень многим направлениям, однако мы продолжаем жить, по сути, в тех же семьях, что и раньше.

Ключевые слова: семья; американская семья; политический подход; глобальный подход; макро-подход; микро-подход

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-88-99

KEY FEATURES OF THE AGRARIAN TRANSFORMATIONS IN THE FORMER GDR*

S. Merl

Bielefeld University
25 University St., 33615, Bielefeld, Germany
(e-mail: smerl@uni-bielefeld.de)

Abstract. The article considers the agrarian transformations (primarily privatization and structural adaptation to the domestic and international markets) in the former GDR that are often presented as a success story due to the growth in agricultural productivity and competitiveness of new types of agricultural enterprises. First, the author identifies the main tasks of these transformations: (1) privatization of the “socialist property” and its distribution between (a) those who contributed capital and land to the agricultural enterprise when it was established, and (b) its employees at the moment of restructuring; (2) adaptation to new market conditions. Both tasks were extremely difficult and challenging for they required large investments in better breeds and machinery, and a significant reduction of agricultural workforce. Second, the author considers the legislative basis for privatization and the real practices of the reorganization of the former agricultural enterprises (proposals for the distribution of the assets, land restitution as prior to compensation, the successor large-scale enterprises forced land leasing contracts, manipulations with the balance sheets to obtain hidden reserves necessary for survival by underestimation of the existing assets, etc.). The author believes that the Kohl government did not foresee that privatization would be so complicated, and made many mistakes while striving to keep agricultural production in the new countries, especially to restrain the growth of unemployment. Therefore, the contemporary research of the agricultural economy is very critical of the regulations and frameworks set by the German government that is blamed for being responsible for many serious development constraints (short-term leasing contracts, paying off old debts, the lack of state subsidies for large enterprises, etc.). The final section of the article reveals the meaning of the land property in the agrarian transformations in the GDR. The author relies on the statistical data for more than two decades, monitoring data on the still ongoing transition and his own studies of agricultural enterprises in different regions (1992, 1997, 2002 and 2016).

Key words: agrarian transformations; the former GDR; agricultural production; privatization; adaptation to the market; landed property; land leasing; reorganization of the former agricultural enterprises

In the late 1980s, the agrarian transformations (primarily privatization and structural adaptation to the domestic and international markets) started in Eastern Europe and the Soviet Union. This was an extremely difficult economic transition strongly influenced by changing prices and demand for agricultural goods. However, today in most post-socialist countries agricultural productivity has significantly grown though problems and uncertainties remain especially considering the property rights and structural changes of agricultural enterprises, and their consequences for the sustainability of rural communities and countryside in general. In the former GDR, the agrarian transformations are often considered a success story due to the growth in agricultural productivity and competitiveness of new types of agricultural enterprises, which certainly is not similar

* © S. Merl, 2017.

to the situation in Russia. In this sense, the article contributes to understanding problematic and contradictory outcomes of the transition in Russia though the author focuses on the former GDR transitional trajectory.

In general, the agrarian transformations of recent decades are to solve two tasks. First, privatization of the so-called “socialist property” and its distribution between (a) those who contributed capital and land to the agricultural production company (APC) when it was established and developing, and (b) employees of the APC at the moment of its restructuring; second, adaptation to new market conditions. Both tasks were extremely difficult and challenging, which is easy to prove by an illustration of what adaptation to market conditions meant in 1990. Thus, agricultural production prices in the European Union (EU) were only 35% of the former GDR prices; prices for necessary agricultural inputs such as machinery, seeds and fertilizers were also lower, but only by 30%, and were 70% of the former GDR prices. To make the adaptation even more complicated, crop yields and milk yield per cow in the former GDR were only about 80% of the West Germany level, potatoes and sugar beet prices — from about 50% to 60% [9. P. 9—12; 13. P. 104—104]. Therefore, adaptation to the market required to increase agricultural productivity significantly in a very short time to compete with the EU agricultural products. The necessary preconditions for such an economic breakthrough were large investments in better breeds and machinery, and a significant reduction of agricultural workforce [12; 13].

The legislative basis for privatization was laid down by the agricultural adjustment act (AAA — July 1990) that was seriously revised a year later. Already in the autumn of 1990, it was obvious that the first deadline set for reorganization (the end of 1990) was unrealistic for there were too many questions considering the distribution of the APCs’ assets under the privatization. The revised version of AAA in July 1991 improved the position of those who contributed capital and land to the APC when it was established, and changed the deadline of the prescribed reorganization to the end of 1991. Moreover, the right to decide on the future form of local agricultural enterprises was given to the assemblies of APCs’ employees. The assemblies had first to agree on the balance sheets of the assets of the APC calculated in West German currency Deutsche Mark (DM) as the basis for distributing shares between individuals under the privatization; then they had to decide on the future of the APC.

Since July 1991, a “double majority” has become necessary for voting: the proposed distribution of the assets and the proposed future of the APC had to be supported not only by two thirds of the votes of former employees, but also by two thirds of the votes of landholders and capital investors. Concerning the future of the APC, there were two choices: either establishing a successor large-scale enterprise, or liquidation meaning that former employees would lose their jobs, and the restituted landholders would either use the land as private farmers or lease it out. Since 1990, those who wanted to become private farmers had the right to use their land and to get their share of the APC’s assets paid out (Bayer 2012: 61). Thus, if the assembly voted for establishing a new large-scale agricultural enterprise, those who wanted to have their own family farm could leave the enterprise. In about 20% of cases the assemblies preferred to liquidate the APC and distribute the assets between the members to avoid bankruptcy for such a decision left creditors with nothing; however, the former employees lost their jobs, and those who

restituted their land property experienced strong pressure to revive a private farm. Bayer explains such a decision of voters by the high risk of the former APC liquidation. Therefore, in 1990 in general the assemblies voted for the transfer of capital to new owners (shareholders). Those claiming their money directly paid out had serious losses.

The opening balance and the proposal for the distribution of the assets under privatization were to be prepared by the management of the former APC together with the possible organizational model of the successor enterprise. Even the prolonged deadline (until the end of 1991) exerted a strong time pressure on all involved to identify the preferences considering the future structure of the enterprise. Only if the assembly did not vote until the end of 1991, the APC would undergo a compulsory liquidation, i.e. all creditors would have priority rights to the APCs assets (except for the land that had to be returned to owners).

The most important political decision that made privatization easier was to exclude the land from the distribution of the APC's assets. According to the dominant principle, the land restitution was prior to compensation. In the GDR the property rights did not change under collectivization, which is why the former landholders were easily found in the land registers. Thus, the APC could not dispose of the land as it used before: if the name of the landholder was known he would get land in private ownership; if the name of the landholder was unknown, the land was at the disposal of a special state agency founded for ensuring privatization of state assets — first it was Treuhand, and then from July 1992 BVVG (Bodenverwertungs- und Verwaltungs-GmbH), an Ltd responsible for the use and management of land, which still works today (1).

Therefore, the successor large-scale enterprises had nearly no landed property, they had to lease land from the proprietors of the restituted land and/or state agency. Other APC's assets were to be distributed between employees and former contributors of land or capital. The use of this land and capital was to be compensated, i.e. the assets were distributed very unequally: those who contributed land or capital got significantly higher shares than those who contributed only their work. Thiele [17. P. 115] believes that privatization determined a strong concentration of wealth due to the new farmers' claims to the APC: while 71% of the members got less than 10,000 Deutsch Marks (DM), 3% got about 50,000 to 150,000 DM. This created a dilemma for the members of the assembly when considering the liquidation of the APC: the value of the enterprise would be less if it would start the liquidation procedure than if it would become an operating successor enterprise. In the first case, the final price for the assets would be set by the auction. As many APCs at the same time started the liquidation, the expected prices were significantly lower the estimated value in the opening balance. Moreover, the old debts were to be paid back to the state directly under liquidation, while the successor enterprise according to the 1991 legislation could pay back the debts later. In general, the threat of concentrating the wealth led to the majority's decision to establish new restructured large enterprises, and only very few people left the APC: the risk of losing everything after paying out the old debts was too high. However, for people with high financial settlements it could be attractive to withdraw from the cooperative and start one's own farm [17. P. 115]. The land holdings restituted were usually about 1 to 20 hectares. Small landholdings of less than one hectare were widespread in the south of the former GDR (Thuringia).

Concerning the opening balance sheets, the APC managers were in a better position as they had an understanding of the economic situation. They had some interest in manipulating the data in order to give the new enterprise a chance to survive. In most cases, the total cost of the assets for distribution between the members of the APC was understated, especially by estimating the reserves too high [4. P. 54—72]. When checking the results of the distribution of the assets of enterprises in Brandenburg, Bayer find out mistakes in 67.3% of cases, insufficient data in 30.8% of cases, and in only 1.9% of cases the assets were distributed correctly [4. P. 65]. Usually the data about the reserves was manipulated. Sometimes only 20% of the assets value was set for distribution, while up to 80% were declared necessary reserves. Bayer speaks therefore of the hidden reserves formed by underestimation of assets [4. P. 65—72]. However, it is not worth speaking about deceiving the shareholders for it would mean that the managers already knew the results of the transformations for certain, which was not true in 1990 or 1991. The risk of not coping with significantly increasing efficiency was still too high, and a clear understanding of what would be profitable in the market conditions was still missing [13].

Manipulations with the balances were quite widespread, which explains how the successor large-scale enterprises managed to survive despite state regulative discrimination providing significant privileges only to the resettled farmers. The subsequent check of the balance sheets and formal registration of the successor enterprises also revealed many mistakes. In 97% of cases, the successor enterprise was registered despite the lack of some necessary documents, i.e. the malfunction of the register courts' control is evident [4. P. 51—54]. In principle, giving the democratic decision to the hands of the members of the APC to choose their destiny freely was a sensible step. However, in reality, it allowed only the board of managers to satisfy their own interests for they were much better informed than the voting members, and did not share the information with them. Many voters were not competent enough to understand what was happening in the financial terms. Bayer points out that violations of the legal procedures determined the lost of the validity of the member's voting. In more than 10% of cases, the vote of the assembly on the opening balance and distribution of property openly violated the legal procedures and the rights of the members, i.e. the vote lost its legal validity right on the spot. Already in 1996, 84 APCs in Brandenburg had such a fate (about 11% of all APCs of the region). Thus, the former APC in the legal sense was on the verge of enforced liquidation. Bayer believes that in the legal sense today some APCs are still “in the state of liquidation” though nobody is aware. As the registration of the successor enterprise was not necessary, it was not in a risky position in the literal sense of the word. Therefore, the significance of liquidation was limited: the successor enterprise only had to “buy up” the APC in liquidation together with its debts to validate the previous transfer of the APCs assets at the time when it was established [4. P. 33—51].

The Kohl government did not foresee that privatization would be so complicated for it expected most landholders to revive private farming because collectivization in the GDR until its end in 1960 was implemented by force and intimidation of the peasants. Such an expectation determined the fact that state subsidies and favorable credits were reserved for family farms. In reality, in 1991 only a small number of restituted landholders wanted to take a risk of becoming private farmers. Only 3% of families employed

in the agricultural sector in 1990 made steps to become private farmers and applied for the state financial support to establish a farm. If we take into account that the state reserves for private farmers exceeded 500,000 DM, their small number is even more surprising [13. P. 110—111]. However, despite the state support the risks of becoming a private farmer were too high, because the resettled farms lacked capital reserves, which had the centuries-old farms in West Germany. Thiele mentions better possibilities for adaptation for the part-time farms under such conditions (54% of the resettled farms were part-time). Part-time farmers were often able to work without credits for they did not need large capital investments. While family farms had to pay interests of 1.5 to 5.5% for their credits on favorable terms, larger enterprises (legal entities) had to pay 9 to 15% [17. P. 139—141]. Analyzing the motives for resettlement Thiele shows that securing the property played an important role in high settlement claims and decisions to leave the APC and establish one's own farm [17. P. 118—119].

The government gave the final decision on privatization and decentralized restructuring of the APCs to the assemblies' members including contributors of land and capital. It became clearly a vote against small-scale family farms; thus, only a third of family farms founded in the early 1990s were established rather voluntarily; when the APC was liquidated without registering a new large-scale enterprise, a family farm was not a free choice but rather the only alternative to unemployment [14]. Besides the structural preference for family farms, the German government was interested to keep agricultural production in the new countries, especially to restrain the growth of unemployment. Quite soon, this forced the government to compromises, which gradually improved the situation for large-scale agricultural enterprises after the majority of landholders voted against revival of private farms. However, there were economic constraints determined by the GDR's scarce resources for increasing productivity in agriculture, i.e. entrepreneurs to establish large-scale or family farms, and capital [17. P. 139—141]. Becoming a landholder did not mean being capable or willing to have a private farm. The necessary size of the family farm to be competitive significantly exceeded their average size in the 1950s (except for horticulture). The average size of the full-time family farm in the new countries in February 1992 was 1365 hectares (Table 1).

Table 1

Average size of enterprises in hectares, 1992—2013

Year	Individual farms	Partnerships	Corporative farms of which:		
			APCs	Ltds	Joint-stock companies
1991 August	50 (90)*	550	1 710	1 030	1 030
1992	46	629	1 537	1 116	1 546
1992 February	64(136)*	401	1 522	1 029	
1993	45	511	1 480	948	1 364
1994	48	468	1 457	879	1 275
1995	46	449	1 435	843	1 344
1998	49	417	1 432	773	1 369
1999	55	400	1 413	686	1 286
2003	59	386	1 412	659	1 201
2007	63	385	1 419	614	1 139
2010	83	386	1 405	605	1 089
2013	87	373	1 391	577	1 151

* Full-time farms.

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 2003—2015, Münster-Hiltrup 2003—2015; Agrarbericht der Bundesregierung 1992—1996, Bonn 1992—1996.

Zeddies [21. P. 220] calculated the optimal size of the family farm with two full-time family members for the new countries in the early 1990s as 275 hectares. This meant that a resettled or new farm had to lease or buy a significant amount of land (reasonable prices in 1992 were a third of the prices in West Germany) (Table 2). Besides, the requirements to the education of a future private farmer were high: without some special training or academic background, the chances for success in agriculture were rather small. The requirements to a successful manager of a large-scale farm were even higher and including “entrepreneurship”. This explains why only very few people were willing to get such a job and to take all its risks. Although all managers’ positions in new legal entities were to be taken up through job advertizing, almost all directors happened to be well-trained managers of the former APCs highly capable of motivating employees). Some agricultural economists suggest that due to the lack of well-qualified managers-entrepreneurs the government’s decision to give priority to private farms with small production units was not reasonable.

Table 2

Share of land leased in the new/old countries, 1978—2010

Year	Share of land leased		Price (€) per hectare for the leased land	
	Old countries	New countries	Old countries	New countries
1989	34.0	...	198	...
1991	42.5	(77.5)	217	(67)
1997	48.2	91.1	218	90
2007	53.3	78.9	234	122
2013	54.5	71.1	261	169

Source: Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten 2015, Münster-Hiltrup Jahr 2015, p. 46.

Large-scale agricultural enterprises in general had no access to favorable credits. To further complicate the investment question, they lacked guarantees to get credits. The most crucial problem was that they were not land proprietors and needed at least a six-year leasing contract for a feasible production model, while Treuhand or BVVG gave them land on lease on shorter terms in the first years. To complicate things even further, often the new large-scale enterprises were not even proprietors of the land their buildings were on. Moreover, their opening balances often were full of old debts (from the GDR period), but this money could be used for capital investments. It was part of the money the new enterprises used in the adverse conditions for necessary investments in machinery and to modernize the equipment. However, the most important source for survival were manipulations with the balances such as understatement of money for distribution as shares. The successor enterprises worked with enforced credits from their shareholders for they could not be claimed to be paid out directly (except for establishing a private farm) — the shareholders were getting only interest rate.

Therefore, many members of the former APC sold their shares to get cash — this was an additional reason for concentration of capital in certain hands, often of the managers of the new enterprise. They expected the value of the shares to rise in the future and therefore were willing to buy others’ shares. The situation was similar to the Russian

experience of “minor privatization” in the early 1990s: many shareholders did not understand the real value of their shares or needed cash. Therefore, today the shares are unequally distributed, and many former members no longer have shares. The total number of shareholders decreased significantly, while some new managers hold a significant part of the shares. The interest paid out annually in general is above the today’s average interest rate in Germany (at least 4% vs. an average zero). However, in the early 1990s, nobody could foresee such outcomes for it took several years to solve the problem of short-term land leasing and solving the question of “old debts”.

The contemporary research of the agricultural economy is very critical of the regulations and frameworks set by the German government that is blamed for being responsible for many serious development constraints [15; 16; 17. P. 139—141; 18; 21]. The managers of new large-scale enterprises did complain about the excess duration of the combination of land property and real estate for the land registry was overloaded with work. They complained about the short-term leasing contracts with Treuhand that reduced their chances to get capital for investments. They could not pay off the old debts and criticized the lack of state subsidies for large enterprises [18]. Many registered APCs owned only 2% of land, resettled farmers — 7%, while the registered APC rented only 46% of their land on long terms, and the same share for resettled farmers was 90% [18. P. 89—93]. The APCs wanted to get rid of old debts and needed investments to buy agricultural machinery. They calculated the necessary investment in 1991—1993 as 1000 to 3000 DM per hectare, and the successor enterprise would not have profit in these years.

Rost and Schmidt [15] emphasizes the shortcomings of the state subsidy policy supporting only resettled private farms. They claimed that the political framework did not give all types of enterprises equal chances: the large-scale production was discriminated in terms of access to credits and subsidies (also by the rental policy of Treuhand), and had problem with poorly trained consultants. They needed advice of managers of the successor enterprises and mostly in the legal sphere, while most consultants were giving advice on production and management. Gampe and Heller [7. P. 73—77] and Bayer [4] underline the need for consultants under the transition for they significantly influenced the local choice of the legal form for the new large-scale enterprise. Thiele emphasized the consultant’s lack of knowledge about the variety of legal forms: the usual choice of registered APC was determined only by the fact that cooperatives were a better-known form. In fact, re-registration started soon in favor of companies with limited liability.

Thus, the key risks for the successor enterprises were determined by the uncertain status of their land and by old debts. If there was no land on lease, the large-scale enterprise could cease to exist. The claim to pay off old debts in a short term could lead to the bankruptcy of the successor enterprise. Both problems were solved in the early 2000s. BVVG reduced its discriminating rules of the mid-1990s and started leasing land for six years. After a decade of disputes with the German government, the old debts were finally cancelled. Other problems were solved even faster such as getting the property rights to the land their buildings were on. Thus, the period of politically set uncertainty for the successor enterprises lasted for about ten years, although the period of real despair was shorter.

Thiele [17] does not believe that the new structure of agricultural enterprises was determined by market forces. On the contrary, he argues that it was mainly the result of political interference by legislation (the agricultural adjustment act — AAA), privatization by the state agency (first Treuhand and then BVVG) that followed the state guidelines, beneficial credits for family farmers and discrimination of larger enterprises, and by the controlled access to the agricultural markets (quotas) still in force in the early 1990s. In his report on the region of Brandenburg, Bayer [4] provided a legal assessment of the transformation process. He argues that the property issues were very complicated and generated conflicts. For instance, the legal form chosen for the large-scale enterprises at the beginning proved not to be an optimal one especially considering the “registered cooperation”. The latter form was usually chosen as the most close to the former GDR APCs. Later it became evident that the legal entity with full viability was risky and not flexible. Therefore, cooperatives are re-registered as Ltds (Table 1), which is rather a change of the legal form not affecting the organization of agricultural production.

Many case studies show the restructuring of the APCs in 1992 [7; 19] due to the dramatic situation in 1990—1991: the end of guaranteed purchases, a sharp drop of prices, problems with marketing under the surplus production, poor quality and poor packing of products, etc. To prove the diversity of the transformations’ results, Wissing and Rost described the development of three APCs starting from 1991 when seven former GDR plant and animal production APCs united. In 1992, 31 successor or new enterprises were established based on these three APCs. In the first case, the initial APC was still operating on 5600 hectares, while four farms with 160 hectares in total were resettled focusing on plant production; nonagricultural branches of the APC (construction, packing, electric services, and timber production) were privatized separately. In the second case, the previous APC broke up again: the plant production was reduced from 4020 to 2738 hectares; there are also four resettled farms with 486 hectares, and an association of 25 fruit producers. In the third case, the APC was liquidated and 4 farmer cooperatives were established based on the former villages and combining plant and animal production: the APC had 5920 hectares, the four new village cooperatives — 1851, 1369, 1201 and 950 respectively. As a holding company, the four cooperatives formed an Ltd. There also were seven resettled farmers with 459 hectares in total [19]. In general, under the restitution of property rights the peasants’ perception of independent private farms did not change significantly: only very few restituted landowners took the risk of having a family farms; while the majority preferred to keep a large-scale agricultural enterprises with waged workers. In three mentioned regional cases, after restructuring in 1992, 7 registered APCs cultivate 14,129 hectares; 1105 hectares (7%) are cultivated by 15 family farms — 7 are full-time farms, 8 — part-time farms [19. P. 26].

Land property played no role in the GDR. During collectivization APCs were founded, no formal transfer of property rights to them took place: the local land registry kept the previous proprietors in their records. The APCs in the beginning paid small compensations to the contributors of land. In a certain sense, the APCs thus worked with leased land. Some peasant buildings were demolished or no longer used especially when new paddocks were built for large-scale animal production. About 5% (334,000 hectares) of the arable land in the GDR stayed private including the church land and small private holdings in Thuringia. Another 5% was used as private plots (Table 1) [4. P. 7; 20].

In West Germany, the structure of the agriculture was different. Most family farms had their own landed property. With smaller holdings becoming unprofitable, more and more farmers gave up, and leasing the land to those who were still producing became widespread instead of selling or buying land as not reasonable. The land for agricultural use is quite cheap; therefore, the landholders prefer to keep their landed property in case the price increases except for the situation when they are in dire need of money. For those who want to use the land, long-term leasing contracts are also the best option providing more flexibility. In West Germany, the average size of family farms increased from less than 20 hectares in 1989 to 39 hectares in 2013, while the share of the leased land — from 34 to about 55% (Table 2).

In the former GDR, under the restitution of the land, at the beginning more than 90% of the agricultural production used the leased land. In the 1990s, one could buy land from BVVG at a bargain price if the buyer was a private person and wanted to buy the land he had leased before. The share of production on the landed property increased first to about 20% by the mid 2000s, and to about 30% today. All large-scale agricultural enterprises have only a small share of their land as property; the majority of their land is leased from local landholders, sometimes from hundreds of them for each owns only a few hectares.

The crucial question is how the land market functions, and what is the role of the state. Table 2 shows a significant increase in leasing prices in the new countries. This is not a surprise for in the early 1990s there was hardly a land market. Catching up with the prices of West Germany is a factor, but there also regional differences of prices determined by the quality of the land (leasing prices are lower in Brandenburg and in the low mountain ranges in the south). In general, there is an alarming trend of the increase in prices for land and land leasing over the last decade. The negative consequence of the state subsidies for renewable raw materials to produce energy is that the land use violates the principles of sustainability: it expands the production of corn that reduces fertility of the soil. In regions with competing agriculture and production of renewable raw materials, the price of new leasing contracts increased significantly [8]. The European subsidies for the investments in biogas or solar energy production offer farmers guaranteed prices for selling the energy to the state. In 2013, 2.4 million hectares of agricultural land in Germany was used in such a way: the share of biogas production was about a half, or 6.2% of the total arable land — 0.83 million hectares are occupied by corn (a third of the area corn is used for energy production). Thus, such state subsidies have negative consequences for the agricultural use of land for the prices for land leasing in these regions are too high to use the land for agriculture.

The situation became even worse in 2009 (Table 3), when an amendment to the law introduced privileges for producing renewable energy. This led to the boom in constructing new biogas plants in 2009—2011, obviously influencing the prices of land leasing. In 2012, with the next amendment to the law, the privileges were reduced and stopped the boom. Gravert and Schmitz found out that in the new countries the regional influence of biogas production on prices is obvious — in the regions with a high share of biogas production the prices are much higher [8. P. 32—33]. Latacz-Lohmann, Henig and Dehning [11] argue that the influence of biogas production on land prices is still insignificant except for the local prices for land lease. They mention the “astronomical

prices” of BVVG for the privatization of its land. Balmann [3] also points to some contradictory outcomes of the last decade: average prices for leasing land jumped by 30—50% in the new countries (Table 2). The prices of the newly leased land are even additional 25—50% higher. BVVG raised its prices for leasing land by auctions for land plots of more than 5 hectares between 2011 and 2013 from 520 to 840€ per ha; land leasing for renewing contracts costs 420 € per ha, while newly leasing land is 600 € per ha. Prices for buying land in Saxony-Anhalt jumped from 5000 € in 2007 to 13,000 € in 2014.

Table 3

Periodization of the agrarian transformations, 1989—2017

Nov 1989 — mid-1990	“Wild” restructuring: combination of the APCs plant and animal production
Mid-1990 — end of 1991	Restructuring based on the agricultural adjustment act (opening balance sheets, vote on the new legal form or liquidation)
1990—1995	Foundation of resettled farms under restitution (or without) on full-time or part-time basis, and of new private farms (by EU citizens)
1991—2000	Unclear perspective of the APCs due to the short terms of land lease and debts from the GDR period
From 2000	Stabilization of the size of family and corporate farms

Thus, the agrarian transformations in the former GDR were a success in the economic sense: there was privatization prescribed by the government, and the new agricultural structure competitive at the domestic and international market. However, the transformations did not create many medium-sized family farms the German government preferred due to the reluctance of the majority of rural employees with the restituted land property to start a private farm, and due to the contradictions of the state policy reclaiming the old debts of the GDR’s APCs from the new assets owners. In general, the GDR agricultural workforce showed little interest in private farms and risky economic activities. The former GDR APC-managers rarely established private farms for they expected large-scale agricultural enterprises to be superior in facing future challenges. The economic success was determined not by the state policies, but rather by the lack of state control, i.e. by the time pressure set politically, uncertainty about the future, and economic constraints. While in the German old countries, there is an ongoing ousting of smaller farms, the new countries since the early 2000s have kept a stable agricultural structure. The state subsidies in Germany in the 2000s favored biogas energy production and often had negative consequences for both the sustainability of agriculture and prices for land leasing or buying, which became unaffordable for agricultural use. The German agricultural policy still provides little real incentives for ecological and sustainable agricultural production.

NOTES

- (1) The total size of the land in the GDR was 6.17 million hectares; Treuhand/BVVG had at their disposal 1.7 million hectares: 0.5 million hectares were restituted, 1.1 million privatized (sold into private hands). In 2014, BVVG still had 156,000 hectares to be privatized until 2030 [4. P. 7; 20]. Among the land without an owner one can mention the land of the 1945 land reform no longer used by those who got it. The land of the relatively small number of state farms was privatized by Treuhand without restitution. Thus, about two thirds of the agricultural land of the former GDR were restituted to private owners. The other land, mostly in Brandenburg and Mecklenburg-Pomerania, was given to BVVG for privatization. The lawsuit over the land expropriated under the 1945 land reform took more than ten years, and the landholders lost the European Law Court, after which BVVG started the privatization of this land.

REFERENCES

- [1] *Agrarbericht der Bundesregierung 1992—1996*. Bonn, 1992—1996.
- [2] *Agrarnye preobrazovanija v vostochnoj Germanii* [Agrarian Transformations in East Germany]. Moscow: VIAPi; 1997 (In Russ.).
- [3] Balmann A. Land Markets in East Germany: Recent Trends and Policy Challenges. Workshop on February 26, 2016. Halle; 2016.
- [4] Bayer W. (unter Mitarbeit von Thomas Hoffmann) *Gutachten: Die Umwandlung der Landwirtschaftlichen Produktionsgenossenschaften im Land Brandenburg*. Jena; 2012.
- [5] *Der Spiegel*. 1996. No. 33.
- [6] Herzfeld Th. Renationalization of EU's Common Agricultural Policy. Workshop at IAMO, on February 24, 2016. Halle; 2016.
- [7] Gampe W., Heller G. Beispiele der Umstrukturierung von ehemaligen LPGen zu einem Einzelunternehmen, einer Gesellschaft bürgerlichen Rechts und einer eingetragenen Genossenschaft. *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main; 1992. Pp. 72—111.
- [8] Gravert H., Schmitz M. Die Auswirkungen der staatlichen Biogasförderung auf landwirtschaftliche Pachtpreise in Deutschland. Eine ökonomische Untersuchung. *Die Zukunft der Bioenergie*. Frankfurt am Main; 2014. Pp. 7—43.
- [9] Jaster K., Filler G. Umgestaltung der Landwirtschaft in Ostdeutschland (Humboldt-Universität zu Berlin. Wirtschafts- und Sozialwissenschaften an der Landwirtschaftlich-Gärtnerischen Fakultät. Working Paper 68. Berlin; 2003.
- [10] Koch H., Moll A., Thiele H. Die Umstrukturierung einer Groß-LPG zu einer Holding als Besitz- und Verwaltungsgesellschaft mit 15 Betriebsgesellschaften. *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main; 1992. Pp. 112—144.
- [11] Latacz-Lohmann U., Hennig S., Dehning R. Biogas als Preistreiber am Boden- und Pachtmarkt? *Die Zukunft der Bioenergie*. Frankfurt am Main; 2014. Pp. 45—75.
- [12] Merl S. Schinke E. (Eds.) *Agrarwirtschaft und Agrarpolitik in der ehemaligen DDR im Umbruch*. Berlin; 1991.
- [13] Merl S. Problems of German agriculture in transition to the market and policy consequences for the Soviet Union. Bodenstedt A.A., Merl S., Nutrikhin V.A. (Hg.) *Social Problems in Rural Areas under Conditions of Change*. Contributions to the International Symposium in Vologda, September 1991. Berlin; 1993. Pp. 103—118.
- [14] Rost D. Landwirtschaft im ländlichen Raum — Funktionen, Formen, Konflikte. Zwei vergleichende explorative Fallstudien in Ostdeutschland. *Landwirtschaft im ländlichen Raum — Funktionen, Formen, Konflikte*. Frankfurt am Main; 1997. Pp. 53—91.
- [15] Rost D., Schmidt A. Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main; 1993. Pp. 57—95.
- [16] Schnabel U. Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in Form juristischer Personen des Privatrechts in den neuen Bundesländern. *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main; 1993. Pp. 149—177.
- [17] Thiele H. Politikbedingte Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main; 1993. Pp. 97—147.
- [18] Welschhof J., Schmidt D.O., Klaus H. Eine empirische Untersuchung der Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main; 1993. Pp. 13—55.

- [19] Wissing P., Rost D. Die Umstrukturierung der Kooperationen Oßmannstedt (Thüringen), Riet-nordhausen (Harzvorland) und Dahme (Brandenburg). *Fallbeispiele zu Umstrukturierungen von ehemaligen LPGen*. Frankfurt am Main; 1992. Pp. 11—36.
- [20] Wolz A. Changes in the Organization of Agricultural Production in East Germany Since Reunification: Major Issues. Workshop at IAMO, 24 February 2016. Halle; 2016.
- [21] Zeddies J. Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern. *Entwicklungshemmnisse landwirtschaftlicher Unternehmen in den neuen Bundesländern*. Frankfurt am Main; 1993. Pp. 179—226.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-88-99

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АГРАРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В БЫВШЕЙ ГДР*

Ш. Мерль

Билефельдский университет
Университетская ул., 25, 33615, Билефельд, Германия
(e-mail: smerl@uni-bielefeld.de)

В статье рассмотрены аграрные трансформации (прежде всего приватизация и структурная адаптация к внутреннему и внешнему рынкам) в бывшей ГДР, которые часто называются историей успеха, поскольку привели к росту производительности в сельском хозяйстве и создали конкурентоспособные новые предприятия. Во-первых, автор обозначает основные задачи аграрных трансформаций: (1) приватизация бывшей «социалистической собственности» и ее распределение между (а) теми, кто вкладывал собственные средства и землю в предприятие на этапе его создания и (б) работниками предприятия в момент его реструктуризации; (2) адаптация к новым рыночным условиям. Обе задачи были крайне сложны, поскольку требовали значительных инвестиций в лучшие сорта растений, породы животных и сельскохозяйственную технику, что неизбежно повлекло значительное сокращение занятости в аграрной сфере. Во-вторых, автор рассматривает законодательные основы приватизации и реальные практики реорганизации сельскохозяйственных предприятий (разработка модели распределения их активов, реституция земельных участков вместо компенсации их стоимости, вынужденная аренда земли крупными предприятиями, манипуляции с оценкой активов прежних предприятий, чтобы создать скрытые резервы, необходимые для выживания в новых условиях и т.д.). Автор полагает, что правительство Г. Коля не смогло предвидеть все сложности приватизации и совершило массу ошибок, стремясь сохранить сельскохозяйственное производство и сдержать рост безработицы на территории бывшей ГДР. Сегодня исследователи экономической политики того времени критически оценивают действия немецкого правительства, обвиняя его в создании серьезных барьеров для аграрного развития (краткосрочные контракты на аренду земли, требование выплаты прежних долгов, отказ государства субсидировать крупные предприятия и т.д.). В заключительной части статьи показано значение земельной собственности в аграрных трансформациях в бывшей ГДР. Автор опирается на статистические данные последних двух десятилетий, мониторинги все еще продолжающегося экономического перехода и собственные исследования сельскохозяйственных предприятий (в 1992, 1997, 2002 и 2016 годы).

Ключевые слова: аграрные трансформации; бывшая ГДР; сельскохозяйственное производство; приватизация; адаптация к рынку; земельная собственность; аренда земли; реорганизация прежних сельскохозяйственных предприятий

* © Мерль Ш., 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116

ПРОЕКТ «5—100»: НЕКОТОРЫЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ*

Г.А. Ключарев¹, А.В. Неверов²

¹Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: kliucharevga@mail.ru, neverov_av@rudn.university)

Задачи модернизации и развития имеют важнейшее значение для российского образования и науки. Несмотря на ряд значительных изменений, которым за последние 10—15 лет подверглась система образования и науки, лучшие университеты России все еще не могут на равных конкурировать с ведущими мировыми вузами. Для решения данной задачи в 2013 году был запущен один самых масштабных и амбициозных государственных проектов по повышению международной конкурентоспособности российских университетов, получивший наименование «5—100». Несмотря на необходимость крупных проектов развития науки и образования, «5—100» получил неоднозначные оценки вузовской общественности и экспертов. К 2017 году прошла половина срока его реализации и была израсходована значительная часть ресурсов, выделенных на проект, что требует промежуточной оценки его эффективности. При этом пристальное внимание к проекту стало причиной значительного количества спекуляций, имеющих место не только в публицистике, но и в аналитических статьях, в рамках которых предпринимаются попытки оценить «5—100», основываясь во многом не на объективном анализе влияния проекта на систему образования и науки, а исходя из субъективных суждений. Понимая возможность и важность любых обоснованных точек зрения, авторы отмечают, что при оценке проектов подобного масштаба требуется анализ причин, обуславливающих его появление, и факторов, влияющих на его реализацию. Поверхностная оценка «5—100» приводит к выдвиганию на передний план часто не самых значительных недостатков и отвлекает внимание от менее очевидных, но, как правило, более весомых и позитивных особенностей проекта. В связи с этим в статье предпринимается попытка проанализировать место и роль «5—100» в процессе модернизации российского образования и науки, рассмотреть различные стороны проекта, выделить возможные подходы к оценке его эффективности и высказать рекомендации по совершенствованию проекта на завершающих его этапах (или при реализации новых проектов повышения международной конкурентоспособности российских вузов).

Ключевые слова: «5—100»; образование и наука; конкурентоспособность российских вузов; QS; THE; ARWU; рейтинги образовательных организаций

Важнейшей задачей социального и экономического развития современной России является совершенствование системы высшего образования, одной из наиболее значимых программ которой выступил проект «Повышения конкурентоспо-

* © Ключарев Г.А., Неверов А.В., 2017.

Статья выполнена при поддержке РГНФ-РФФИ, проект № 16-03-00050 «Профессиональное образование в конкурентной среде» Института социологии ФНИСЦ РАН.

способности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров» (более известный как проект «5—100») (1). Проект предполагает масштабные бюджетные ассигнования, направленные на поддержку ведущих российских вузов с целью повышения их международной конкурентоспособности. Общий размер ассигнований превысил 80 млрд рублей (2), а количество и значимость участников (21 крупнейший вуз страны) в совокупности с его амбициозными целями сделали «5—100» одним из самых значительных системных мероприятий, направленных на развитие высшего образования России.

Важность данного проекта для высшего образования страны и высокие ожидания от реализации сделали его предметом активных дискуссий, имеющих место не только в профессиональном сообществе, но и среди широкой общественности. Оценки эффективности реализации проекта отличаются и неоднозначны [3; 5; 9] (3, 4, 5, 6).

Но, несмотря на различные мнения и оценки, в рамках Десятого заседания Совета проекта «5—100», проведенного 27—28 октября 2017 года, было принято решение сохранить сформированный ранее подход к реализации «5—100», на основании которого была разработана «дорожная карта» проекта на 2018—2020 годы (6). Несмотря на решение отказаться от кардинальных изменений само по себе это предложение свидетельствует о неоднозначных промежуточных результатах. Иначе говоря, у вузовской общественности сформирован ряд вопросов к проекту, основной из которых — сомнение в том, что пять российских университетов действительно войдут в рейтинг ста лучших вузов мира, которое спровоцировало спекуляции как в публицистических статьях, так и в работах, дающих аналитическую оценку ситуации [6; 13] (6).

Образование представляет собой важнейший социальный институт, и модернизация высшего образования оказывает значительное влияние на общественное развитие. Негативное отношение к реализации проекта несет в себе значительные риски, основным из которых является подрыв доверия к стратегическим инициативам по модернизации науки и образования России. Недостаток доверия может нанести существенный репутационный урон российской системе высшего образования как внутри страны, так и за рубежом. В статье предпринимается попытка рассмотреть вопросы, касающиеся оценки реализации проекта «5—100», проанализировать промежуточные итоги и дать рекомендации по его возможному совершенствованию. Для этого были изучены статистические данные, касающиеся проекта [17; 18], проведен вторичный анализ результатов опросов экспертов о перспективах проекта [10; 12], изучены мнения заинтересованных сторон о реализации проекта [3; 5; 8; 9; 10; 16; 23] (3—5, 21—35), а также рассмотрены нормативные акты, регулирующие проект (2; 9) и промежуточные результаты вузов — участников проекта с точки зрения занимаемых ими мест в международных рейтингах (1, 3, 9—11, 20).

Началом реализации проекта «5—100» считается Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (7), в рамках которого была предусмотрена разработка плана мероприятий по развитию ведущих университетов, направленного на повышение

их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Данный план был разработан и утвержден распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2012 года № 2006-р (8). 16 марта 2013 года было принято Постановление Правительства РФ № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров», которое можно понимать официальным стартом проекта.

Название «5—100» является скорее брендом проекта, полученным на основании одного из ожидаемых результатов от его реализации, который заключается во вхождении не менее пяти российских университетов в первую сотню глобальных образовательных рейтингов: Times Higher Education — рейтинг лучших университетов мирового значения по версии одноименного британского издания (далее — THE (9)), Quacquarelli Symonds World University Rankings — рейтинг лучших университетов мира по версии консалтинговой компании Quacquarelli Symonds (далее — QS (10)), академический рейтинг Шанхайского университета (далее — ARWU (11)). Данные рейтинги, помимо общих, включают в себе предметные и отраслевые, а THE и QS — региональные [19]. Это означает, что определенный вуз может не находиться в топ-100 общего рейтинга QS, но входить в первую сотню предметного или регионального, что не всегда учитывается при оценке проекта «5—100».

Другие ключевые показатели эффективности проекта заключаются в увеличении количества иностранных студентов в российских вузах (до 15% от общего числа) и иностранных преподавателей (до 10%) (1). Проект предполагает, что эти результаты должны быть достигнуты путем создания конкурентных преимуществ университетов; наращивания их интернационализации; производства интеллектуальных продуктов мирового уровня; реализации прорывных исследовательских практик; приведения учебных программ в соответствие с международными образцами; развития взаимодействия университетов с бизнесом и промышленностью; увеличения экспорта образовательных услуг. Участники проекта должны сформировать кадровый резерв; привлекать к управлению специалистов ведущих российских и зарубежных вузов и научных организаций; реализовывать программы академической мобильности; совершенствовать третью ступень образования (аспирантура и докторантура); поддерживать студентов и молодых ученых; создавать совместные образовательные программы с международными вузами; проводить фундаментальные и прикладные исследования с международными организациями; привлекать молодых научно-педагогических работников.

Предназначение «5—100» (миссия) сформулировано в документе, давшем начало проекту, а именно в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года № 599. В нем отмечено, что меры, предусмотренные Указом, реализуются «в целях дальнейшего совершенствования государственной политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специалистов с учетом требований инновационной экономики». Повышение конкурентоспособности российских университетов представляет собой одну из этих мер. Поэтому для оценки результатов ре-

лизации проекта «5—100» необходимо проанализировать программы модернизации системы российского высшего образования — как уже реализованные (реализующиеся), так и запланированные.

Одним из наиболее значимых проектов-предшественников «5—100» является Национальный проект «Образование», в рамках которого российским вузам было выделено финансирование (17 — в 2006 году и еще 40 — в 2007 году), внедрившим лучшие инновационные образовательные программы. Национальный проект «Образование» (в отличие от «5—100») не был направлен исключительно на развитие высшего образования, и поддержка университетов была одним из его направлений. В наиболее общей форме (в фокусе его воздействия на высшее образование) Национальный проект «Образование» можно рассматривать как стимулирование инновационного развития российских вузов. В ходе реализации Национального проекта были получены результаты, показавшие, что система организации государственных вузов не дает им полноценной возможности выполнять научные исследования и образовательную работу на необходимом уровне. Одной из причин данного явления стала нехватка ресурсов региональных вузов для обеспечения эффективности их работы. Поэтому было принято решение провести частичную оптимизацию университетов путем их укрупнения, для чего был предложен новый вид высшего учебного заведения — федеральный университет. С 2006 по 2014 годы было сформировано десять федеральных университетов. В 2016 году был начат проект создания опорных университетов (вузов), который во многом является продолжением стратегии укрупнения вузов для регионального и отраслевого развития.

В связи с тем, что деятельность федеральных университетов в большей степени была ориентирована на развитие их регионов, их создание не позволило полноценно решить проблему повышения эффективности научной работы. Поэтому для формирования драйверов роста университетской науки был предложен новый вид высшего учебного заведения — национальный исследовательский университет (далее — НИУ). Этот статус может быть предоставлен вузу на условиях конкурса сроком на десять лет и, как и в случае со статусом федерального университета, предполагает дополнительную поддержку государства. Большинство НИУ были созданы с 2008 по 2010 годы.

С 2005 по 2010 годы основными векторами развития системы высшего образования стали обновление (модернизация) и инновационность, что было реализовано путем формирования новаторских образовательных программ, модернизации материально-технической базы вузов, создания на базе вузов научных центров и увеличения роли университетов в развитии регионов. В этот период в идеологию высшего образования было внедрено понимание роли университета не только как учебного, но и как научного, инновационного и предпринимательского центра. Помимо этого вузам была предоставлена возможность создания малых инновационных предприятий (12) и активной коммерциализации программ дополнительного образования (с 2012 года).

Модернизация высшего образования, проведенная с 2008 по 2011 годы, позволила увеличить уровень финансирования научных проектов вузов почти в два

раза (с 28,9 млрд до 55,1 млрд руб.) [17]. Но на международном уровне российская наука все еще имела невысокие показатели, а образовательные программы российских университетов не привлекали студентов из развитых стран. Поэтому следующей важнейшей целью развития российской системы образования и науки стало увеличение ее международной конкурентоспособности. Данный шаг стал ожидаемым, так как к этому времени уже была осуществлена модернизация ряда вузов и выделена их специализация, а также проведены мероприятия по сближению российских стандартов образования и науки с международными образцами (в их числе и «болонский процесс»).

Одним из первых шагов по повышению международной конкурентоспособности российской науки и образования можно считать Постановление № 220, принятое Правительством РФ 9 апреля 2010 года (13). В Постановлении были определены основные направления финансового обеспечения и стимулирования развития науки и ее инновационной составляющей, в частности: привлечение ученых с мировыми именами; создание исследовательских лабораторий, способных конкурировать с ведущими лабораториями мира; получение научных результатов мирового уровня; создание условий для улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров и эффективной системы мотивации научного труда; стимулирование притока молодежи в сферу науки, образования и высоких технологий; создание устойчивых связей российских вузов, научных учреждений и др. с ведущими мировыми научными школами; трансфер в экономику перспективных разработок, полученных в рамках научных исследований. Целевые субсидии, предусмотренные постановлением, должны быть адресованы не научным и образовательным организациям, а ведущим ученым, работающим в них. Один из главных показателей эффективности научной работы, предусмотренных Постановлением, — публикация результатов исследований в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science. К 2012 году в рамках государственной поддержки было выделено 12 млрд рублей (до 2017 года дополнительно было выделено более 11 млрд и до 2020 года будет выделено еще более 9 млрд) (14). Несмотря на увеличение ассигнований, уровень финансирования российских научных исследований и образовательных проектов все равно был в 3—4 раза ниже, чем в развитых странах [18]. В связи с этим к 2012 году назрела потребность в реализации комплексного, масштабного проекта по повышению конкурентоспособности российского образования и науки, предусматривающий целевые ассигнования, которым и стал проект «5—100».

В настоящее время государственный курс на повышение международной конкурентоспособности вузов сохраняется — с 2016 года стартовал приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций», и его основной целью стало обеспечение устойчивой глобальной конкурентоспособности российских университетов. В 2017 году был начат приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», в рамках которого предполагается увеличение международной привлекательности российских программ высшего образования.

Проект «5—100» считается одним из самых крупных проектов по модернизации системы высшего образования последних лет, так как его финансирование является наиболее значительным (табл. 1).

Таблица 1

Основные программы модернизации системы образования и науки России, предусматривающие масштабные государственные ассигнования (2006—2025)

Наименование проекта	Цель	Срок реализации	Объемы финансирования (млн руб.) (15)	Количество участников
Национальный проект «Образование»	внедрение инновационных образовательных программ	2006—2008	44 450	57
Проект создания федеральных университетов	социально-экономическое развитие территории присутствия университета (как правило, федерального округа) (16)	2006—2014	до 1000 на один университет ежегодно в течение первых пяти лет	10
Проект создания национальных исследовательских университетов (17)	содействие динамичному развитию научно-технологического комплекса страны и обеспечение его необходимыми кадровыми ресурсами	2008—2011	от 200 до 400 на один университет ежегодно в течение первых пяти лет	29
Меры в рамках Постановления № 220	привлечение ведущих ученых в российские научные и образовательные учреждения	2010—2020	33 400	не организации, а ведущие ученые
Проект «5—100»	повышение международной конкурентоспособности российских вузов	2013—2020	86 500	21
Проект создания опорных университетов (вузов)	развитие региона присутствия и укрупнение региональных вузов	2016—2020	от 100 до 200 на один вуз ежегодно в течение первых трех лет	33
Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций»	обеспечить устойчивую глобальную конкурентоспособность в 2018 году не менее пяти, а в 2025 — не менее десяти ведущих российских университетов	2016—2025	44 618,2	нет данных
Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»	увеличить долю несырьевого экспорта страны за счет повышения привлекательности российского образования на международном образовательном рынке	2017—2025	4 972,1	39

Сопоставляя уровень финансовой поддержки проекта «5—100» с Национальным проектом «Образование» (табл. 2, 3), можно отметить, что несмотря на больший бюджет проекта «5—100» (44,5 и 86,5 млрд руб. соответственно), в валютном эквиваленте они сопоставимы (1,6 и 1,7 млрд долл.). Это важно, так как проект, связанный с повышением международной конкурентоспособности следует оценивать не только в национальной, но и в других валютах. Повышение международной конкурентоспособности предполагает ряд валютных инвестиций: заработная плата иностранным ученым и преподавателям, работа международных издательств, рейтинговых и консалтинговых агентств, оплата командировок, расходы на уча-

стие в международных конференциях и др. Очевидно, что сопоставимые размеры в валютном эквиваленте представляют собой следствие ослабления курса рубля в 2014—2015 годы (проект «5—100» задумывался как самый масштабный). Поэтому необходимо отметить, что снижение валютного финансирования является негативным фактором для проекта. При этом из-за кризисных тенденций 2014—2015 годов звучали предложения о сокращении финансирования проекта, которые не были приняты. Решение не сокращать финансирование проекта «5—100» стало причиной снижения стипендиального фонда для всех вузов страны на 10% [22].

Таблица 2

Объем целевого финансирования на развитие системы высшего образования в рамках Национального проекта «Образование» (2006—2008) [1]

Направление финансовой поддержки	Год	Объем финансирования (млн руб.)	Объем финансирования (млн долл.) (18)
Внедрение инновационных образовательных программ	2006	5 000	184,3
	2007	15 000	587,08
	2008	10 000	401,6
Развитие сети национальных университетов	2006	3 000	110,6
	2007	6 450	253,1
	2008	4 800	192,7
Развитие профессиональной подготовки в армии	2008	200	8,03
Итого	—	44 450	1 737,41

Принимая во внимание длительность проектов, можно отметить, что в рамках Национального проекта «Образование» среднегодовые государственные ассигнования составили 14,8 млрд руб. (579,3 млн долл.) в год, в то время как в проекте «5—100» — 10,8 млрд руб. (209,09 млн долл.) (табл. 2, 3).

Таблица 3

Объем целевого финансирования в рамках проекта «5—100»

Год	Объем финансирования (млн руб.)	Объем финансирования (млн долл.) (19)
2013	9 000	282,1
2014	10 500	272,02
2015	10 500	171,9
2016	11 100	166,7
2017	10 600	182,1
2018	10 260	176,3
2019	10 040	172,5
2020	14 500	249,1
Итого	86 500	1 672,72

Рассматривая состав проекта, следует отметить, что для участия в конкурсе проекта «5—100» было подано 54 заявки, из которых отобраны 36. Из допущенных 36 заявок в проект были включены 15 победителей, а в 2015 году добавлены еще 6. Важнейшим критерием, определяющим победу университета в конкурсе, выступила эффективность научной работы. Вторичный анализ социологических опросов [10] показал, что научным сообществом и руководством вузов, не вошедших в список участников проекта «5—100», было признано, что в конкурсе «5—100» победили сильнейшие. Также руководство вузов-участников подтвердило высокую степень

различий между вузами-победителями и вузами, не вошедшими в список проекта. Также можно отметить, что 11 университетов — участников проекта «5—100» (52%) прошли конкурс на получение статуса НИУ, 5 (23%) имеют статус федерального университета (половина всех обладателей статуса), 14 (70%) — участники приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (табл. 4). Это позволяет констатировать, что для участия в проекте были отобраны сильные университеты, которые имели потенциальные возможности достижения целей и задач проекта, по крайней мере с точки зрения выполнения некоторых показателей и вхождения в предметные рейтинги.

Таблица 4

**Участие университетов проекта «5—100»
в других масштабных государственных проектах поддержки высшего образования**

«5—100»	НИУ	ФУ	«Развитие экспортного потенциала российской системы образования»
Дальневосточный федеральный университет (ДФУ)	—	да	да
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (ВШЭ)	да	—	да
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО)	—	—	—
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ)	—	—	—
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ)	—	да	да
Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов» (МИСиС)	да	—	да
Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт» (МИФИ)	да	—	да
Московский физико-технический институт (государственный университет) (МФТИ)	да	—	да
Новосибирский государственный университет (НГУ)	да	—	да
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)	да	—	—
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (СНИУ)	да	—	—
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)	да	—	да
Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ)	да	—	да
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ)	да	—	да
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (УрФУ)	—	да	да
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (БФУ)	—	да	—
Первый Московский государственный медицинский университет (Сеченовский университет) им. И.М. Сеченова	—	—	да
Сибирский федеральный университет (СФУ)	—	да	—
Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)	да	—	да
Российский университет дружбы народов (РУДН)	—	—	да
Тюменский государственный университет (Тюменский ГУ)	—	—	—

Рассматривая достижения университетов-участников, можно отметить, что к 2017 году по предметным рейтингам пять вузов вошли в первую сотню QS: МИСиС (31), МФТИ (42), НГУ (50), МИФИ (51), ВШЭ (51 по двум предметам). В общем рейтинге QS самую близкую позицию к первой сотне занимает НГУ на 250 месте (в 2012 году — 371 место). В предметном рейтинге THE в первую сотню входят МФТИ (67) и ИТМО (76), за ними следует ВШЭ (101) и ТПУ (151). В общем рейтинге THE наилучшего показателя добился МФТИ (251), первый раз он смог попасть в рейтинг в 2015 году (501). Лучший результат в общем рейтинге THE был у СПбПУ в 2015 году (201). В предметном рейтинге ARWU в топ-100 вошли ВШЭ (51) и МИСиС (76). В общем рейтинге ARWU присутствует только один участник «5—100» — НГУ (401) (табл. 5).

Таблица 5

Лучшие показатели участников проекта «5—100» в рейтингах

Рейтинги	Общий		Предметный	
	Университет	Место	Университет	Место
QS	НГУ	250	МИСиС	31
			МФТИ	42
			НГУ	50
			ВШЭ	51
			МИФИ	51
THE	СПбПУ	201	МФТИ	67
			ИТМО	76
ARWU	НГУ	401	ВШЭ	51
			МИСиС	76

По предметным рейтингам проект «5—100» выполняется достаточно успешно, и с высокой долей вероятности можно ожидать, что к 2020 году в предметный рейтинг THE и ARWU могут войти пять участников проекта. В рамках рейтинга QS данный показатель уже можно считать выполненным. Что касается общих рейтингов, то в них результаты участников проекта не столь позитивны, и попадание хотя бы в один общий рейтинг пяти вузов — участников проекта проблематично. Сегодня можно говорить о возможности вхождения максимум 1—2 участников проекта в первую сотню общих рейтингов к 2020 году. Экспертный опрос, проведенный в 2014 году (N = 65) [12], показал: 90% экспертов уверены, что половина участников проекта (7 университетов на тот момент) не сможет войти в первую сотню ни одного из общих рейтингов. 70% отметили, что сомневаются во вхождении пяти вузов-участников в топ-100 хотя бы одного рейтинга. Почти 60% экспертов высказали мнение, что лишь один участник сможет войти в топ-100 лучших вузов по каждому из рейтингов. Этот прогноз во многом сбывается.

Возвращаясь к оценке промежуточных итогов реализации проекта «5—100», следует отметить, что его результаты следует оценивать с трех основных точек зрения: эффективность «5—100» с точки зрения Правительства и Министерства образования и науки в частности; эффективность «5—100» с точки зрения его влияния на деятельность участников; эффективность «5—100» с точки зрения его влияния

на систему образования и науки. Эффективность проекта с точки зрения Правительства РФ зависит от того, какой подход будет использован при его итоговой оценке. Так как нормативная база проекта не содержит ответа на вопрос, в какой рейтинг (общий или предметный) участникам необходимо войти, то при практически идентичном результате итоги реализации проекта могут быть оценены как успешные, так и нет. Если будут засчитаны предметные рейтинги, то проект можно признать успешным (а в контексте региональных рейтингов — выдающимся). Оценка проекта «5—100» Правительством РФ и Министерством образования и науки уже неоднократно пересматривалась и практически всегда была предметом острых дискуссий.

Эффективность проекта с точки зрения участника проекта «5—100» можно оценить по положению в международных рейтингах, в том числе в региональных. Например, в региональный рейтинг «QS University Rankings: Развивающаяся Европа и Центральная Азия (ЕЕСА) 2017/18» вошли 20 вузов — участников проекта «5—100», 15 — в первую сотню. Всего Россию в рейтинге представляют 74 университета (в 2016 году — 64, в 2015 — 47) (20). Особенно важным является сопоставление результатов реализации мероприятий, предусмотренных дорожной картой «5—100», с собственными стратегическими целями участников проекта. Иными словами, если проект помог участнику в достижении собственных целей, то участие в нем является для него эффективным, если нет, то даже несмотря на вхождение в рейтинги, участие в проекте может стать негативным фактором для развития вуза.

Сотрудниками университетов участие их вуза в проекте по большей части воспринимается положительно [10]. Иногда участники «5—100» финансируют мероприятия в рамках проекта из своих средств, и случается, что собственные инвестиции превышают государственные ассигнования (например, в Российском университете дружбы народов). Преимущества, которые вузы могут получить от проекта, во многом зависят от них самих, от того, как они внедряют в свою деятельность работу по повышению международной конкурентоспособности, как представляют результаты работы общественности и заинтересованным сторонам, а также как смогут использовать итоги проекта в своей дальнейшей деятельности.

Ректоры университетов-участников позитивно оценивают работу своих университетов в проекте и сам проект. Они отмечают, что проект «5—100» положительно влияет на качество образования, так как помогает осуществлять эффективный обмен студентами, преподавателями и научными сотрудниками (23), и подчеркивают, что рейтинги не являются самоцелью проекта, а только оценкой деятельности университета в конкретный момент времени (25). В модернизации ректоры выделяют три основных процесса: базовые процессы, изменения и «деструктивные технологии» (имеют потенциал к созидательному разрушению) (31). В качестве основных направлений ассигнований выделяют развитие инфраструктуры (лаборатории и учебные корпуса, жилье для обучающихся и преподавателей, социально-бытовые и спортивно-культурные объекты) и стратегических академических единиц (САЕ) (27); поддержку ведущих сотрудников и молодых талантов; привлечение ученых с мировым именем и будущих звезд науки (28). По мнению ректоров, проект

«5—100» предоставил их университетам значительные возможности (33), позволил увеличить количество иностранных студентов (34), изменил представление сотрудников о роли университета в глобальной системе высшего образования (30).

При этом можно отметить некоторые недостатки проекта, которые обычно выделяются сотрудниками, руководством университетов-участников и заинтересованными сторонами [3; 5; 9; 10] (3—5, 21—35): трудности отчетности и несовершенство формального взаимодействия в рамках проекта; не всегда полноценно учитываются особенности деятельности конкретных вузов при оценке их дорожных карт и результатов работы в проекте; остается открытым вопрос возможности вузов-участников сохранить места в рейтингах после прекращения масштабных ассигнований; масштабная целевая поддержка узкой группы определенных (хотя и крупных) университетов может создать дисбаланс на рынке высшего образования и еще больше ослабить позиции частных вузов (мировые тенденции говорят о более чем трехкратном росте инвестиций в негосударственный сектор при снижении финансирования государственных структур за последние двадцать лет [7]); студенты университетов — участников проекта «5—100» не всегда полноценно включены в его реализацию.

Оценка эффективности влияния проекта «5—100» на систему науки и образования России представляется нам наиболее сложной. Во-первых, здесь нельзя ожидать быстрых результатов, во-вторых, изучение влияния большого количества факторов, растянутых по времени, снижает объективность оценки. Иными словами, некоторые положительные или отрицательные явления после реализации проекта могут быть независимы от него («после» не означает «вследствие»). При рассмотрении проблем, мешающих российским вузам быть активными членами международного научного сообщества, обычно выделяют следующие факторы, препятствующие международной конкурентоспособности российских вузов [12]: отсутствие необходимой техники и технологий; несоответствие предметной структуры национального публикационного потока структуре глобальной науки; отсутствие ресурсов для быстрой актуализации исследовательских повесток; неэффективность менеджмента вузов; недостаточная квалификация и репутация российских ученых; отсутствие стратегии фокусированного развития; культура преподавателей и научных работников — скептическое отношение к изменениям в целом, а также нежелание меняться самим, замещенное ожиданием изменений системы. По изменениям перечисленных аспектов можно будет судить о влиянии проекта «5—100» на российскую систему науки и образования.

В настоящее время значительные изменения в реализации проекта «5—100» вряд ли смогут повысить его эффективность. Уже на данном этапе можно определить некоторые недостатки проекта и предложить рекомендации по избеганию некоторых возможных недостатков при осуществлении крупных проектов модернизации и поддержки российской системы образования, в частности: де бюрократизировать и оптимизировать отчетность; по возможности применять дифференциацию целей и задач для разных участников (или групп участников); обеспечить механизмы сохранения темпов развития участников и достигнутых результатов,

в том числе мест в рейтингах, после завершения ассигнований; более активно привлекать частные вузы, научные организации и инновационные компании к взаимодействию с участниками проекта, использовать опыт зарубежных организаций при построении инфраструктуры, необходимой для создания высокотехнологичных продуктов [21]; обеспечить более широкое привлечение студентов к реализации мероприятий проекта, а также учитывать особенности российского студенчества по самым разным показателям [14].

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Проект «5—100» представляет собой продолжение государственной политики в сфере развития образования и науки и является продолжением ряда крупных программ, предусматривающих масштабные государственные ассигнования вузам.

2. Несмотря на то, что проект «5—100» выступает крупнейшим проектом по развитию высшего образования и науки, из-за экономического кризиса 2014—2015 годов в валютном эквиваленте он стал сопоставим с другими масштабными проектами. Этот факт важен, так как повышение международной конкурентоспособности делает необходимым валютные инвестиции, и оценка результатов проекта должна учитывать, что его участники сегодня обладают меньшими ресурсами, чем было предусмотрено изначально.

3. К участию в проекте были допущены наиболее успешные университеты России, многие из которых неоднократно достигали высоких результатов по итогам участия в других государственных программах.

4. Для объективной оценки результатов проекта «5—100» ее следует проводить по трем направлениям: ключевые показатели эффективности, предусмотренные Правительством и Министерством образования и науки; повышение эффективности деятельности участников проекта; развития системы науки и образования России в целом.

Совершенствование системы высшего образования — важнейшая задача общественной развития, поэтому оценка результатов проектов по модернизации науки и образования — значимая исследовательская сфера для социальных наук. Изучение промежуточных итогов проекта «5—100» показало, что сегодня резкая смена стратегии и идеологии проекта не будет способствовать его результативности. При этом опыт первых четырех лет реализации проекта должен быть использован для коррекции его стратегии на завершающих этапах, а также при разработке и реализации новых государственных программ поддержки образования и науки в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Официальный сайт проекта «5—100» // <https://5top100.ru>.
- (2) Постановление Правительства РФ от 16.03.2013 № 211 (ред. от 10.02.2017) «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143479.
- (3) Вузы-участники Проекта 5—100 снова среди лучших вузов мира в рейтинге U.S. News & World Report // <https://5top100.ru/news/66729>.
- (4) См.: «5—100»: цена провала. Комплексный анализ результатов проекта по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов (экспертный доклад) // <http://обрнадзор.пф/wp-content/uploads/2015/11/5-100-doklad-chast-1.pdf>.

- (5) См.: Проект «5—100»: победит ли здравый смысл? // <https://profiok.com/about/news/detail.php?ID=4993>.
- (6) См.: В Екатеринбурге завершилось десятое заседание Совета Проекта 5—100 // <https://5top100.ru/news/67036>.
- (7) Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // <http://base.garant.ru/70170946>.
- (8) Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2012 г. № 2006-р «Об утверждении плана мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» // <http://base.garant.ru/70250350>.
- (9) Сайт THE // <https://www.timeshighereducation.com>.
- (10) Сайт QS // <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings>.
- (11) Сайт ARWU // <http://www.shanghairanking.com>.
- (12) Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // <http://base.garant.ru/12168685>.
- (13) Сайт проекта по исполнению Постановления № 220 // <http://www.p220.ru>.
- (14) Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные Федеральному агентству научных организаций, и государственные научные центры Российской Федерации в рамках подпрограммы „Институциональное развитие научно-исследовательского сектора“ государственной программы Российской Федерации „Развитие науки и технологий“ на 2013—2020 годы» // <http://base.garant.ru/12174930>.
- (15) Здесь и далее из-за трудностей поиска данных в открытых источниках возможны некоторые неточности в указании объема финансирования проектов (до 10—15%).
- (16) Федеральный закон от 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов» // <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html>.
- (17) См.: О концепции создания сети национальных исследовательских университетов // <https://elementy.ru/Library9/niu.htm>.
- (18) По официальным среднегодовым курсам Центрального банка РФ в 2006—2008 гг.: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx.
- (19) По официальным среднегодовыми курсам Центрального банка РФ в 2006—2008 гг. Для 2018—2020 уровень финансирования в долларах рассчитан по среднегодовыми курсам Центрального банка РФ за 2017 г. (за октябрь): http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx.
- (20) См.: 15 вузов-участников Проекта 5—100 вошли в сотню лучших университетов рейтинга QS EESA: // <https://5top100.ru/news/66145>.
- (21) См.: Команда на взлет // Российская газета. № 7449 от 13.12.2017.
- (22) См.: Кузьминов информировал Президента о ходе реализации программы поддержки российских вузов — Проекте «5—100» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53710>.
- (23) См.: Владимир Васильев: «Любить университет внутри себя» // http://research.ifmo.ru/news/2/5533/vladimir_vasilev_lyubit_universitet_vnutri_sebya.
- (24) См.: Ректор Казанского университета называет КФУ достойным и требует особого отношения // <https://kazanfirst.ru/articles/374208>.
- (25) См.: Программа 5—100 — это образовательная и научная экспансия // https://ria.ru/abitura_rector/20151228/1350501029.html.

- (26) См.: Николай Кудрявцев, ректор МФТИ: «Причина утечки умов за границу — не в низких зарплатах» // <http://www.atomic-energy.ru/interviews/2016/07/13/67495>.
- (27) См.: М. Федорук «В НГУ неразрывная связь между наукой и образованием» // <http://www.sbras.info/articles/education/mikhail-fedoruk-v-ngu-nerazryvnaya-svyaz-mezhdu-naukoi-i-obrazovaniem>.
- (28) См.: Евгений Чупрунов: «С гордостью говорю, что мы — государственный вуз!» // Российская газета. № 6882 от 25.01.2016.
- (29) См.: Николай Меркушкин, Андрей Волков и Евгений Шахматов обсудили детали участия в программе «5—100» // <http://www.ssau.ru/news/14074>.
- (30) См.: Ректор А.И. Рудской рассказал о влиянии Проекта 5—100 на СПбПУ // <http://www.spbstu.ru/media/smi/education/rector-rudskoy-spoke-about-impact-of-5-100-in>.
- (31) См.: Поделили миллиард: ТГУ и ТПУ получили финансирование по программе «5—100» на 2018 год // <http://tv2.today/Istorii/Podelili-milliard-tgu-i-tpu-poluchili-finansirovanie-na-sleduyushchiy-god>.
- (32) См.: Виктор Кокшаров: вуз как участника программы «5—100» ждут изменения // <https://urfu.ru/ru/about/supervisory/?news=7273&cHash=2fffcf52f44fb7369ea3812228eeb515>.
- (33) См.: Петр Глыбочко: «Не каждый может быть настоящим врачом, даже если у него есть диплом о медицинском образовании» // Российская газета. № 7448 от 12.12.2017.
- (34) См.: Сибирский федеральный университет: следуя вызовам цивилизации // <http://www.sib-science.info/ru/heis/tsivilizatsii-24042017>.
- (35) См.: Владимир Филиппов заявил о необходимости продления программы «5—100» // <https://www.vedu.ru/news-o-neobhodimosti-prodlenija-programmy-5-100>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абанкина Т.В.* Развитие сети общеобразовательных учреждений в регионах: результаты реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2007—2008 гг. // Вопросы образования и науки. 2009. № 2.
- [2] *Балаشو А.И., Хусаинова В.М.* Проект «5—100»: погоня за глобальной конкурентоспособностью или инструмент перезагрузки национальной системы высшего образования? // Экономика и управление. 2016. № 10.
- [3] *Борисова И.* Высший балл // <http://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=542584>.
- [4] *Буренкова А., Курносоева А.* Недостаточно высокое образование // <https://www.kommersant.ru/doc/3037653>.
- [5] *Данилин Г.* До мирового уровня рукой подать // <https://vecherka-spb.ru/2017/03/15/do-mirovogo-urovnya-rukoj-podat>.
- [6] *Жигунова Э.* Смогут ли 5 российских вузов войти в 100 лучших в мире? Какой ценой? // <https://regnum.ru/news/2339554.html>.
- [7] *Зернов В.А., Лобанова Е.В.* «Стэнфорд» в российских реалиях // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. М., 2016.
- [8] *Зеткин А.С., Сердюк Ю.В., Шаврин В.С., Скрипова Д.С.* Разработка и внедрение процедур электронных внутренних аудитов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3.
- [9] *Ивойлова И.* Пора выйти из тени // <https://rg.ru/2017/04/11/rossijskie-universitety-podnialis-v-vedushchih-mirovyh-rejtingah.html>.
- [10] *Ключарев Г.А.* Реформа российского образования в оценках экспертов и мнениях родителей // Социологический журнал. 2014. №3.
- [11] *Манжула В.Г.* Совершенствование нормативно-правовой базы проекта 5—100 в части оценки качества образования // Политика, государство и право. 2015. № 10.
- [12] Методические вопросы оценки реализации проекта «5—100» по рейтингам университетов / Под ред. Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьева. М., 2014.

- [13] Милкус А. Зачем российские вузы пробиваются в международные рейтинги // <https://www.kp.ru/daily/26747.5/3776239>.
- [14] Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Жизнь студента в европейском измерении // Социологические исследования. 2017. № 5.
- [15] Полихина Н.А., Тростянская И.Б. Современные тенденции развития рейтингов // <https://5top100.ru/rankings>.
- [16] Родионов Д.Г., Ялунер Е.В., Кушинева О.А. Гонка за лидером: правительственная программа «5—100—2020» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 6. № 2.
- [17] Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2013.
- [18] Россия и страны мира. Статистический сборник. М., 2012.
- [19] Троцук И.В. Рейтинг вузов: идеология и методология составления «таблиц лиг» (зарубежная практика) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. № 1.
- [20] Троцук И.В. Рейтинг вузов: идеология и методология составления (российская практика) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 1.
- [21] Тюрина И.О., Неверов А.В., Ульянычев М.А. Technoparks and science-intensive production: An advanced experience // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3.
- [22] Черных А. Студенты доучились до пониженных стипендий // <https://www.kommersant.ru/doc/2680594>.
- [23] Шарков Ф.И., Ревзина Е.М. Форсайт российского образования: проблемы и перспективы // Труд и социальные отношения. 2017. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116

PROJECT “5—100”: SOME INTERIM RESULTS*

G.A. Kliucharev¹, A.V. Neverov²

¹Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, Russia, 117218

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: kliucharevga@mail.ru, neverov_av@rudn.university)

Abstract. The tasks of modernization and development of education and science are of a key importance for the Russian Federation. Despite a number of significant changes in the Russian system of education and science over the last 10—15 years, the best Russian universities still cannot compete with the world leading universities. In 2013, to change this situation the state started one of its most ambitious projects to increase the international competitiveness of Russian universities, which is the project “5—100”. Though the need for such projects for the development of science and education is widely acknowledged, the “5—100” has received contradictory estimates of different stakeholders and experts. By 2017, the project approached its half-time line and spent a significant part of its resources, thus, it is time to consider its interim results. Moreover, the today’s close attention to the project determined numerous speculations not only in the media but also in scientific articles aiming to assess the project’s impact on the Russian system of education and science based on ideological and political judgments. The authors understand and accept all informed judgments but emphasize the importance of evaluating both reasons for such large-scale projects

* © G.A. Kliucharev, A.V. Neverov, 2017.

The research was supported by the RGNF-RFFI. Grant No. 16-03-00050 (Project “Professional education in a competitive environment” of the Institute of Sociology of FCTAS RAS).

and factors affecting their implementations. A superficial estimate of the project “5—100” leads to the emphasis on its minor disadvantages, which usually hides its less obvious positive sides. Thus, the article focuses on the role of the project “5—100” in the modernization of the Russian system of education and science, considers its different aspects, and identifies possible approaches to assess its efficiency at the final stages of its implementation (or to develop new projects to increase the international competitiveness of Russian universities).

Key words: “5—100”; education and science; competitiveness of Russian universities; QS; THE; ARWU; universities’ rankings

REFERENCES

- [1] Abankina T.V. Razvitie seti obscheobrazovatelnykh uchrezhdenij v regionah: rezultaty realizacii prioriternogo natsionalnogo proekta “Obrazovanie” v 2007—2008 gg. [Development of the regional network of educational institutions: The results of the Priority National Project “Education” in 2007—2008]. *Voprosy Obrazovaniya i Nauki*. 2009; 2 (In Russ.).
- [2] Balashov A.I., Husainova V.M. Proekt “5—100”: pogonya za globalnoj konkurentosposobnostyu ili instrument perezagruzki natsionalnoj sistemy vysshego obrazovaniya? [Project “5—100”: The pursuit of global competitiveness or a chance to reboot the national higher education system]. *Ekonomika i Upravlenie*. 2016; 10 (In Russ.).
- [3] Borisova I. *Vysshij ball* [The highest score]. <http://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=542584> (In Russ.).
- [4] Burenkova A., Kurnosova A. *Nedostatochno vysokoe obrazovanie* [Not higher enough education]. <https://www.kommersant.ru/doc/3037653> (In Russ.).
- [5] Danilin G. *Do mirovogo urovnya rukoj podat* [Close to the world level]. <https://vecherka-spb.ru/2017/03/15/do-mirovogo-urovnya-rukoj-podat> (In Russ.).
- [6] Zhigunova E.H. *Smogut li 5 rossijskikh vuzov voiti v 100 luchshih v mire? Kakoj cenoj?* [Will 5 Russian universities enter the top-100 global ranking? And at what cost?]. <https://regnum.ru/news/2339554.html> (In Russ.).
- [7] Zernov V.A., Lobanova E.V. “Stanford” v rossijskikh realiyah [“Stanford” in the Russian reality]. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potencial razvitiya*. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [8] Zetkin A.S., Serzhyuk Yu.V., Shavrin V.S., Skripova D.S. Razrabotka i vnedrenie procedur elektronnykh vnutrennih auditov [Development and implementation of electronic internal audits’ procedures]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2017; 21(3) (In Russ.).
- [9] Ivojlola I. *Pora vyjti iz teni* [It’s time to leave the shadow]. <https://rg.ru/2017/04/11/rossijskie-universitety-podnialis-v-vedushchih-mirovyh-rejtingah.html> (In Russ.).
- [10] Kliucharev G.A. Reforma rossijskogo obrazovaniya v otsenkah ekspertov i mneniyah roditel’ev [The Russian educational reform in the estimates of experts and parents’ judgements]. *Sociologicheskij Zhurnal*. 2014; 3 (In Russ.).
- [11] Manzhula V.G. Sovershenstvovanie normativno-pravovoj bazy proekta 5—100 v chasti otsenki kachestva obrazovaniya [Improvement of the legal basis of the project “5—100” to assess the quality of education]. *Politika, Gosudarstvo i Pravo*. 2015; 10 (In Russ.).
- [12] *Metodicheskie voprosy otsenki realizatsii proekta “5—100” po rejtingam universitetov* [Methodological issues of the evaluation of the project “5—100” based on the universities’ rankings]. Pod red. F.E. Sheregi, A.L. Arefieva. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [13] Milkus A. *Zachem rossijskie vuzy probivayutsya v mezhdunarodnye rejtingi* [Why do Russian universities make their way to the international rankings]. <https://www.kp.ru/daily/26747.5/3776239> (In Russ.).
- [14] Narbut N.P., Puzanova Zh.V., Larina T.I. Zhizn studenta v evropejskom izmerenii [Student’s life in the European dimension]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 5 (In Russ.).
- [15] Polikhina N.A., Trostyanskaya I.B. Sovremennye tendentsii razvitiya rejtingov [Current trends in the rankings’ development]. <https://5top100.ru/rankings> (In Russ.).

- [16] Rodionov D.G., Yaluner E.V., Kushneva O.A. Gonka za liderom: pravitelstvennaya programma “5—100—2020” [Race for the leader: State program “5—100—2020”]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2014: 6 (2) (In Russ.).
- [17] *Rossiya v tsifrah* [Russia in Figures]: Kratkij statisticheskij sbornik. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [18] *Rossiya i strany mira* [Russia and the Countries of the World]: Statisticheskij sbornik. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. Rejting vuzov: ideologija i metodologija sostavlenija “tablic lig” (zarubezhnaja praktika) [Universities’ ranking: Ideology and methodology of “league charts” (foreign approaches)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2008: 1 (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V. Rejting vuzov: ideologija i metodologija sostavlenija (rossijskaja praktika) [Universities’ ranking: Ideology and methodology (Russian approaches)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2009: 1 (In Russ.).
- [21] Tyurina I.O., Neverov A.V., Ulyanychev M.A. Technoparks and science-intensive production: An advanced experience. *RUDN Journal of Sociology*. 2017: 17 (3) (In Russ.).
- [22] Chernykh A. *Studenty douchilis do ponizhenyh stipendii* [Students ended up with reduced scholarships]. <https://www.kommersant.ru/doc/2680594> (In Russ.).
- [23] Sharkov F.I., Revzina E.M. Forsajt rossijskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy [Foresight of the Russian education: Problems and prospects]. *Trud i Socialnye Otnosheniya*. 2017: 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-117-130

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕАЭС КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ЛОЯЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ К ИНТЕГРАЦИОННОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ И ЕГО ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ НОВЫХ ЧЛЕНОВ*

И.В. Андропова¹, И.Н. Белова¹,
М.В. Ганеева², Ю.Н. Мосейкин¹

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Евразийская экономическая комиссия
ул. Летниковская, 2, 1—2, Москва, Россия, 115114
(e-mail: aiv1207@mail.ru; ibelova03@yandex.ru;
info@eecommission.org; econom@rudn.ru)

Евразийский экономический союз потенциально может стать одним из значимых субъектов мировой экономики, региональным и даже глобальным лидером, в случае если объединение обеспечит положительный экономический и социальный эффект, который должна получать каждая страна-участница. В то же время важнейшей проблемой экономического развития стран ЕАЭС стала проблема развития и диверсификации национальной промышленности. Три страны ЕАЭС из пяти практически полностью зависят от экспорта ресурсов (Россия и Казахстан — энергетические ресурсы, Кыргызстан — драгоценные металлы). Проблемами для всех стран остаются: низкая конкурентоспособность продукции большинства производителей, несоответствие развития транспортной инфраструктуры современным потребностям интеграционного объединения, практически отсутствие торгового и инвестиционного сотрудничества между отдельными парами стран, отсутствие бюджета программного финансирования совместных проектов и др. При этом мировая практика показывает, что чем выше уровень экономического развития страны, чем больше доля в ее промышленности высокотехнологичных производств, тем более диверсифицирован ее экспорт и тем больше у нее возможностей поддерживать устойчивые кооперационные связи и разделение труда со странами, находящимися на различных уровнях промышленного развития. Успешная реализация возможностей совместного сотрудничества и кооперации, как показывает международный опыт, во многом зависит от поддержки населения стран — членов интеграционного объединения. Несмотря на то, что в настоящее время, согласно социологическим опросам, отношение населения стран — членов ЕАЭС к Евразийскому экономическому союзу пока в целом можно оценить как позитивное, динамика изменения отношения показывает негативный тренд. В статье предлагаются пути создания условий для инновационной модернизации экономик стран, которая в свою очередь будет стимулировать научно-техническое и технологическое сотрудничество, способствовать повышению уровня и качества жизни населения, благоприятному отношению населения к интеграционному объединению, способствовать сохранению устойчивости и жизнеспособности ЕАЭС, формированию системы евразийских ценностей.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество; Евразийский экономический союз; интеграция; лояльность населения; технологическая платформа; бюджет ЕАЭС

* © Андропова И.В., Белова И.Н., Ганеева М.В., Мосейкин Ю.Н., 2017.

Статья подготовлена в рамках проекта № RFMEFI57217X0005 при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

1 января 2015 года Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана официально начал свою работу, а уже 2 января 2015 года новым членом ЕАЭС стала Армения. 9 мая этого же года договор о присоединении к ЕАЭС подписала Киргизия.

Создание Евразийского экономического союза стало важнейшим событием на постсоветском пространстве. В современной мировой экономике Евразийский экономический союз — это второй экономический союз за всю историю развития и существования интеграционных процессов. Он является одним из крупнейших региональных рынков, который объединяет порядка 182,7 миллионов человек, на территории которого сосредоточена пятая часть мировых запасов газа и 15% нефти, с суммарным ВВП стран порядка 2,5 триллионов долларов (около 85% ВВП всех стран СНГ), промышленным потенциалом, равным 600 миллиардам долларов, и объемом продукции сельского хозяйства — 112 миллиардов долларов [6].

В совокупности пять стран занимают ведущие места в мире: по добыче нефти — 1-е место в мире; добыче газа — 2-е место, добыче угля — 6-е; выработке электроэнергии — 4-е место; по производству стали — 5-е место; производству минеральных удобрений — 2-е место; производству чугуна — 2-е место; по сбору зерновых и зернобобовых — 5-е место; 3-е место по производству картофеля и пшеницы; по производству молока — 3-е место, 4-е по производству мяса и т.д. В целом ЕАЭС занимает 6-е место в мире по объему промышленного производства (1). Конечно, понятно, что всеми этими показателями на 80—87% Евразийский экономический союз обязан России, тем не менее, несмотря на размеры и потенциал России, другие страны — члены ЕАЭС не менее важны как с экономической, так и геополитической точек зрения [8]. Важнейшее геостратегическое положение ЕАЭС делает объединение важнейшим транзитным транспортным узлом, соединяющим Европу и Азию. ЕАЭС занимает второе место в мире по протяженности железнодорожного полотна и пятое — по общей протяженности автомобильных дорог [1].

Кроме вышеперечисленных преимуществ Евразийский экономический союз обладает преимуществом, которым не обладает ни одно интеграционное объединение в мире, а именно общей историей и опытом ведения единого хозяйства в рамках одного государства. Поэтому во многом в начале 1990-х годов движущими силами развития евразийской интеграции стали единый промышленный, транспортный, энергетический комплексы. Отсутствие языкового барьера, общая история и понимание национальных культур, все это сейчас является важным фактором и одновременно движущей силой евразийских интеграционных процессов [2].

Таким образом, потенциал нового интеграционного объединения уникален. Вопрос теперь заключается в том, смогут ли пять стран найти точки соприкосновения в виде общих экономических, социальных, геополитических интересов для сохранения объединения и дальнейшего его развития, в том числе за счет присоединения новых стран постсоветского пространства. Работают ли в ЕАЭС эффекты от интеграции? Какое влияние интеграционные процессы оказывают на экономику и общество стран — членов этого объединения? И какова обратная связь? Каковы пути преодоления и решения проблем, стоящих перед странами — членами ЕАЭС?

Важное значение для устойчивости и положительного развития процессов интеграции представляет изучение социологических показателей (индикаторов), отражающих отношение населения к интеграционному объединению, в которое входит их государство. Наиболее объективными исследованиями в этой области занимается Центр интеграционных исследований (ЦИИ) Евразийского банка развития (ЕАБР), созданного в 2011 году. В настоящее время ЦИИ стал ведущим аналитическим центром по евразийской интеграционной проблематике, выпустил 45 докладов и более 60 аналитических работ для администраций президентов, министерств и ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия). Совместными усилиями ЦИИ ЕАБР и Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор» реализуется проект «Интеграционный барометр ЕАБР», действующий с 2012 года и ставящий целью мониторинговое изучение интеграционных предпочтений населения стран региона СНГ и стран ЕАЭС.

Согласно результатам исследования, проведенного в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР» (пятая волна измерений), как видно из рис. 1, отношение населения стран-членов к Евразийскому экономическому союзу пока можно оценить как позитивное. Однако динамика изменений скорее негативная. Так, в Казахстане доля населения, скорее положительно относящегося к евразийской интеграции, упала с 84% в 2014 году до 74% в 2015 году, в России за этот же период показатель снизился с 79% до 69%, в Белоруссии — с 68% до 63%.

В Киргизии в 2014 году лишь 50% населения положительно относились к евразийской интеграции, в 2015 году, после подписания договора о ЕАЭС, доля выросла до 86%, однако уже в 2016 году снизилась до 81%. Самый низкий показатель поддержки населением евразийской интеграции в Армении: в 2016 году он составлял всего 46%.

Результаты опроса, проведенного в 2017 году («Интеграционный барометр ЕАБР», шестая волна измерений), подтвердили существующую тенденцию: население пяти стран — членов ЕАЭС, участвовавших в исследовании, в целом относится к объединению положительно: средняя доля респондентов, поддерживающих объединение во всех странах, составляет 64%. Наивысший уровень поддержки ЕАЭС зафиксирован в государствах Центральной Азии — Кыргызстане (83%) и Казахстане (76%). За прошедший год значения показателя в этих странах практически не изменились. Высокий уровень поддержки характерен для России (68%). Ниже всего, как и в 2016 году, оценивают участие в евразийской экономической интеграции граждане Беларуси (56%) и Армении (51%), где примерно треть респондентов относятся к ЕАЭС безразлично: так ответили 33% граждан Беларуси (в 2016 году 28%) и 30% граждан Армении (33%) [8]. Нужно отметить, что наибольшее доверие к интеграции было выражено населением этих стран в 2014 году, т.е. в преддверии вступления сегодняшних государств-членов в ЕАЭС (рис. 1). Высокий уровень одобрения был обусловлен позитивными ожиданиями. Вместе с тем неблагоприятная внешняя обстановка, в условиях которой происходило становление нового интеграционного объединения, не позволяет реализоваться ожиданиям скорых выгод и положительных эффектов интеграции, что ведет и к снижению настроений общества.

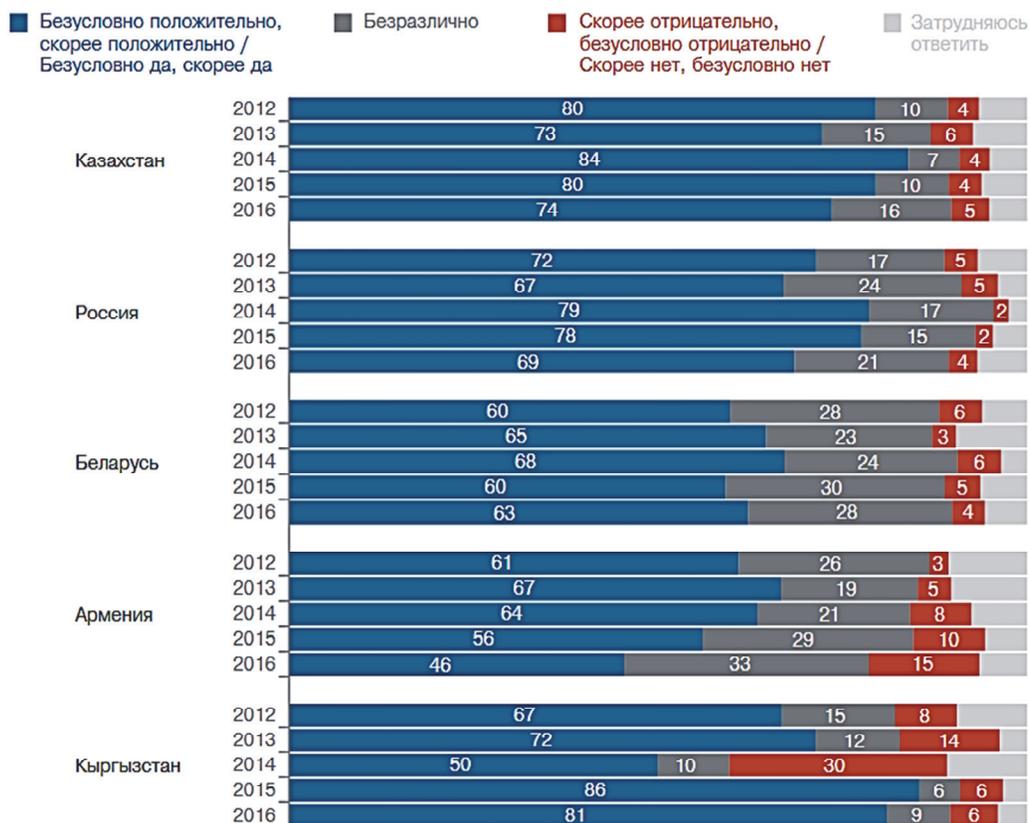

Рис. 1. Доля населения, поддерживающего идею интеграционного объединения (Распределение ответов на вопрос «Известно, что Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия объединились в Евразийский экономический союз (по сути — единый рынок пяти стран). Как Вы относитесь к этому решению?») [7]

Таблица 1

Показатели уровня и качества жизни населения стран ЕАЭС (2)

Показатель	ВВП на душу населения, %		Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума		Уровень безработицы		Место стран в индексе развития человеческого потенциала		Среднемесячная номинальная заработная плата	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016	2015	2016	2015	2016
ЕАЭС	100,00	100,00	16,72	—	5,7	5,7	—	—	—	—
Армения	56,48	65,07	30,00	—	18,5	18,3	85	84	359,0	393,0
Беларусь	94,03	96,91	5,10	—	Н.д.	5,8	50	52	413,0	361,0
Казахстан	165,79	150,70	2,70	2,6	5,0	5,0	56	56	568,0	416,0
Киргизия	17,03	19,03	32,50	—	7,6	—	120	139	209,0	207,0
Россия	166,67	168,22	13,30	13,5	5,6	5,5	50	49	561,0	549,0

Наряду с экономическими показателями, характеризующими общее состояние экономик и степень их интеграции, важное значение для устойчивости и положительного развития ЕАЭС имеет изучение социологических показателей, например, уровня и качества жизни населения стран ЕАЭС (табл. 1).

Как видно, состояние всех показателей уровня и качества жизни населения резко дифференцировано и выступает прямым доказательством существования угрозы базовым интересам экономической безопасности интеграционного объединения. Следует отметить, что ключевыми причинами экономических проблем стран, дифференциации их экономического развития вовсе не являются интеграционные процессы. Тем не менее, при увеличении разрыва между странами или ухудшении общей социально-экономической обстановки в странах-членах, может наступить то, что в Европейском Союзе назвали европессимизмом. Следовательно, дифференциация уровней социально-экономического развития стран и состояние показателей уровня и качества жизни требуют постоянного мониторинга и непрерывной работы по их улучшению, так как именно от них зависит состояние показателей «лояльности населения к интеграционному объединению» — как важнейшей составляющей целостности и притягательности интеграционного объединения для новых стран-членов.

Состояние евразийских интеграционных процессов через призму социологических факторов и показателей, интересов населения указывает на необходимость учета и поиска путей, направленных на формирование лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению, а также единению национальных интересов этих стран. Одним из таких путей выступает научно-техническое сотрудничество — компонент устойчивого экономического развития и модернизации экономик интеграционного объединения, способствующая улучшению условий и качества жизни граждан.

В то же время исследование, проводимое в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР» с целью выявления мнения граждан относительно приоритетных стран-партнеров для кооперации в области научно-технического сотрудничества, показало разнонаправленность отношений по этому вопросу. Гражданам стран ЕАЭС задавался вопрос: «С какими странами нашему государству или компаниям было бы полезно сотрудничать в области науки и техники — вести совместные исследования, обмениваться разработками, технологиями, научными идеями?». Возможность сотрудничества в научно-технической сфере получило одобрение большей частью населения рассматриваемых стран (кроме Армении). Важно отметить, что в России как партнере более всего заинтересовано население Беларуси (51%) и Кыргызстана (47%). Привлекательность России значительно выросла в общественном мнении Казахстана (41%). Однако показатель одобрения граждан России — самый низкий среди стран (13%) [8].

Таким образом, отсутствие единого научно-технического пространства становится важной проблемой, сдерживающей положительную динамику экономической интеграции. Поскольку «достижение консенсуса между государствами на основе эффективного сопряжения образовательных и научно-технических политик — залог успешного функционирования единых рынков товаров, услуг и капитала» [3], создание общего научно-технического и технологического пространства — необходимый элемент гуманитарного, информационного, промышленного, культурного сотрудничества и кооперации в рамках ЕАЭС.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Одной из первостепенных задач ЕАЭС является совместная инновационная модернизация производства, которая должна стать основой для реформирования экономик, послужить переходом к научно-техническому и технологическому сотрудничеству. В процессе совместной модернизации должно обеспечиваться формирование макроэкономических перспектив инновационного развития национальных экономик. Кроме того, следует учитывать, что решающим фактором экономического развития и повышения международной конкурентоспособности стран ЕАЭС должно являться наукоемкое и высокотехнологичное производство. Мировая практика показывает, что сегодня самыми развитыми и успешными в технологическом развитии являются страны, которые производят компьютеры, электронику, автомобили, суда, самолеты, двигатели, бытовую технику, вооружение, а также средства их производства. По оценке экспертов, страны — лидеры мировой экономики после финансового кризиса 2008—2009 годов направили около 80% выделенных на преодоление кризиса средств — около 1 трлн долларов — на развитие комплекса высокотехнологичных отраслей, темпы роста которого составляют в настоящее время около 30% в год и который к 2020 году выйдет на долговременное устойчивое развитие с годовым темпом роста в 20—25% и объемом инвестиций до 400 млрд долларов [9].

Изучение государственных документов (4), определяющих цели развития государств — членов ЕАЭС показало, что цели и задачи внутреннего развития государств практически совпадают. Все пять стран ставят перед собой задачу повышения международной конкурентоспособности, диверсификации производства, перехода на инновационный путь развития и т.д. При этом важно, что кроме целей и задач приблизительно на 70% совпадают отраслевые приоритетные направления развития (т.е. перечень отраслей, которые страны ЕАЭС выделили в качестве приоритетных для развития), пересекаются национальные промышленные комплексы по целевым экспортным рынкам сбыта, каковыми могут быть Индия, Китай и другие быстроразвивающиеся экономики мира [5]. Все это доказывает необходимость разработки и реализации общей стратегии экономического развития ЕАЭС. Она должна отвечать интересам всех стран-членов и не допускать создания дублирующих конкурирующих друг с другом предприятий. Кроме того, преимуществом общей политики должен стать доступ к финансовым, человеческим и другим видам ресурсов всех пяти стран.

Более практический характер носит Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ». Технологическая платформа — это объект инновационной инфраструктуры, который призван обеспечить интеграцию науки и бизнеса, сконцентрировать интеллектуальные и материальные ресурсы на приоритетных направлениях научно-технологического развития определенной отрасли. Мировой и российский опыт показывает, что технологические платформы создаются прежде всего для того, чтобы результаты научной деятельности вовлеченных ученых становились инновациями, т.е. внедрялись в производство.

В ЕАЭС первоначально было утверждено создание 11 технологических платформ:

1. Космические и геоинформационные технологии — продукты глобальной конкурентоспособности
2. Евразийская биомедицинская технологическая платформа
3. Евразийская суперкомпьютерная технологическая платформа
4. Фотоника
5. Евразийская светодиодная технологическая платформа
6. Технологии добычи и переработки твердых полезных ископаемых
7. Технологии экологического развития
8. ЕвразияБио
9. Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса — продукты здорового питания
10. Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа
11. Промышленные технологии «Легкая промышленность» (5).

В 2017 году перечень технологических платформ был дополнен двенадцатой платформой — «Технологии металлургии и новые материалы» (6).

Главными задачами евразийских технологических платформ в документе обозначены: определение потребности реального сектора экономики государств-членов в новых технологиях; поиск и содействие развитию приоритетных научно-технических проектов; налаживание сотрудничества государств-членов и поддержка совместных инициатив и совместных проектов; выявление барьеров, препятствующих научно-техническому развитию государств-членов, и выработка рекомендаций по их устранению; содействие совершенствованию документов по вопросам сотрудничества государств-членов в научно-технической и инновационной сферах; популяризация достижений научно-технического развития государств-членов, а также достижений в рамках евразийских технологических платформ; мониторинг результатов научно-технического и инновационного сотрудничества государств-членов. Принятие этого документа — важнейший шаг, который призван расширить научные, технические, кооперационные, гуманитарные связи стран — членов ЕАЭС.

Необходимо отметить, что родоначальником и создателем первых технологических платформ был Европейский Союз. Однако на момент создания первых технологических платформ Европейский Союз уже располагал развитой промышленностью, т.е. европейские технологические платформы — это объединения интеллектуальных и финансовых ресурсов ЕС и крупнейших европейских промышленных производителей. Важнейшей характеристикой этих платформ является то, что процесс их создания начинается по инициативе производителей и отраслевых объединений, которых в Евразийском экономическом союзе нет, исключая, конечно сферу энергетики. Поэтому, на наш взгляд, ЕАЭС требуется разработка общей стратегии государств, направленной на создание и развитие собственных производителей, создание условий для ускоренного развития инновационных прорывных отраслей, для вхождения стран ЕАЭС в шестой технологический уклад, что явля-

ется вопросом выживания. Опыт Республики Корея наглядно демонстрирует, как создание и реальное функционирование национальной инновационной системы (НИС) способствует росту конкурентоспособности страны и укреплению ее экономической безопасности [4]. В случае с ЕАЭС может быть разработана коллективная НИС, объединяющая инновационную деятельность всех стран-участниц.

Основой для достижения этих целей должны стать совместная индустриализация и инновационная модернизация воспроизводства; создание совместных предприятий и евразийских транснациональных корпораций, задачей которых должно стать вхождение в список ТОП-500 крупнейших корпораций и др. В настоящее время пять российских компаний, вошедших в рейтинг, представляют лишь две отрасли — добыча полезных ископаемых (ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «Роснефть») и банковская деятельность (ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ»). Еще одна немаловажная деталь: в 2000 году в рейтинг входили две российские и десять китайских корпораций. За пятнадцать лет Китаю удалось удесятерить количество ТНК, более того, три китайские корпорации вошли в десятку крупнейших, заняв 2, 3 и 4 место, тогда как количество российских ТНК за это же время увеличилось лишь на три (7).

Для реализации стратегии должны использоваться имеющиеся в ЕАЭС производственные мощности и кооперационные связи. Уникальность ЕАЭС заключается в том, что все страны были когда-то составными частями единого союзного промышленного комплекса. Следовательно, они имеют опыт совместной работы и кооперационные связи, которые, хотя были существенно разрушены, но, тем не менее, требуют проведения комплексной ревизии для выяснения потенциальных направлений возможного сотрудничества на базе формирования приоритетных евразийских технологических платформ.

Помимо уже имеющегося потенциала механизм реализации поставленных задач требует широкого спектра государственных инструментов поддержки — от субсидий и льготных кредитов до финансирования совместных научных работ, возможного заключения договоров на покупку будущей продукции и т.д. Выбранные лучшие предприятия должны получить поддержку ЕАЭС. Создание многонациональных транснациональных компаний должно стимулироваться в таких отраслях как: тяжелое машиностроение, авиастроение, вертолетостроение, железнодорожное машиностроение, энергетическое машиностроение, судостроение, космическая отрасль, черная и цветная металлургия, коксохимия и др., т.е. отраслях, которые потенциально способны вывести страны ЕАЭС на новый — шестой — технологический уклад, и сама технология изготовления конечного продукта которых состоит из большого количества (нередко сотен и даже тысяч) частей и компонентов, что будет способствовать развитию кооперации и разделению труда между странами.

Достижение поставленных цели и задач требует немалых финансовых вложений, а это в свою очередь диктует необходимость создания бюджета проектного финансирования ЕАЭС.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСОЛИДИРОВАННОГО БЮДЖЕТА ДЛЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ

Предложенные механизмы реализации стратегии ЕАЭС, направленной на инновационную модернизацию экономики на базе формирования приоритетных технологических платформ, как уже упоминалось, потребуют от интеграционного объединения значительных финансовых ресурсов. В настоящее время Евразийский экономический союз имеет бюджет, финансовые средства которого идут только на финансирование расходов двух его органов — Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭС. На 2017 год бюджет Евразийского экономического союза утвержден в размере 7609,1 млн рублей, из которых 7270,7 млн рублей идет на содержание ЕЭК и 338,4 млн руб. на содержание Суда. Доходная часть бюджета ЕАЭС формируется из взносов стран-членов, размер которых привязан к распределению таможенных пошлин (табл. 2). При подготовке бюджетных смет учитывается предельная штатная численность органов Союза, порядок оплаты труда и предоставления медицинского обслуживания, расходы на командировки, на выполнение научно-исследовательских работ, на проведение заседаний Высшего совета, Межправительственного совета и Совета Комиссии, на функционирование и развитие интегрированной информационной системы Союза. При этом в 2016 году из 7,7 млрд рублей на научные исследования выделялось 300 млн.

Таблица 2

Структура доходов бюджета Евразийского экономического союза (8)

Взносы	Год			
	2016		2017	
	млн руб.	%	млн руб.	%
Всего доходов:	7 734,627	100	7 609,1	100
Долевой взнос Республики Армения	85,8544	1,11	84,461	1,11
Долевой взнос Республики Беларусь	352,699	4,56	346,975	4,56
Долевой взнос Республики Казахстан	549,932	7,11	541,007	7,11
Долевой взнос Кыргызской Республики	146,958	1,90	144,573	1,90
Долевой взнос Российской Федерации	6 599,184	85,32	6 492,084	85,32

В целом для интеграционного объединения, находящегося на стадии экономического союза, наличие консолидированного бюджета просто необходимо. С одной стороны, это возможность финансирования совместных интеграционных проектов, с другой — элемент привлечения новых стран-членов, т.е. увеличение привлекательности интеграционного объединения для третьих стран и, следовательно, расширение сфер экономического влияния и повышение конкурентоспособности объединения. Для целей предложенной стратегии развития ЕАЭС и механизмов ее реализации, направленных на инновационную модернизацию экономики, необходим консолидированный бюджет, расходная часть которого будет состоять не только из административных расходов, но и проектных.

Доходная часть бюджета, которая должна быть значительно больше, чем существующая сегодня, с учетом проектного финансирования должна определяться и фиксироваться ежегодно. Если в настоящее время в ЕАЭС доходная часть формируется исходя из сметы административных расходов, то в условиях включения в бюджет статей проектного финансирования мы предлагаем установить размер доходной части равной 1% от совокупного ВВП стран ЕАЭС. По состоянию на 2016 год эта сумма равняется порядка 14,8 млрд долларов или 856 млрд рублей по текущему курсу. Формировать доходную часть предлагается за счет нескольких источников.

1. Таможенные пошлины. Процент отчислений каждой страны должен оговариваться и обсуждаться, тем не менее, наиболее бесконфликтный механизм, на наш взгляд, заключается в установлении одного для всех стран ЕАЭС фиксированного процента от собранных пошлин, например 50% пошлин целесообразно направлять в бюджет ЕАЭС и 50% в национальные бюджеты, или 75—25%. Размер процента может подлежать обсуждению ежегодно с учетом остатков неизрасходованных средств или конкретных объемов целевых программ.

2. Взносы стран-членов, устанавливаемых в процентном соотношении от валового национального продукта. Ставки, исходя из потребностей, должны определяться ежегодно.

3. Прочие поступления: взносы третьих стран в программы ЕАЭС; налоги с заработной платы сотрудников учреждений ЕАЭС; возврат неиспользованных средств по ранее выделенным грантам; защитные и компенсационные пошлины; штрафы, проценты и пени за неперечисление или неполное перечисление странами — участницами ЕАЭС в бюджет сумм распределенных ввозных таможенных пошлин; проценты за просрочку перечисления странами-участницами собственных ресурсов и иных доходов в бюджет ЕАЭС; пени за неуплату или неполную уплату ввозных таможенных пошлин и штрафы и пени за неуплату или неполную уплату специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин; штрафы и пени за нарушение антимонопольного законодательства; штрафы и пени по невыполненным договорным обязательствам и иные подобные платежи; штрафы, уплачиваемые странами — участницами ЕАЭС в случае невыполнения решения Суда ЕАЭС в связи с невыполнением обязательств по Договору о ЕАЭС; штрафы за нарушение положений нормативно-правовых актов бюджетной системы ЕАЭС; доходы от административной деятельности органов ЕАЭС; доходы по международным договорам, договорам сотрудничества, иным соглашениям, заключенным с ЕАЭС и т.д.

Что касается расходной части бюджета, то введенные в бюджет программные статьи расходов потребуют ежегодного мониторинга исполнения программ, но главное — чтобы все эти программы были частью общего многолетнего финансового плана, который предусматривает в том числе и непредвиденные расходы. При этом перечень и масштабы целевых программ будут расширяться, так как это

необходимо для реализации целей и задач Союза по обеспечению экономической безопасности. Очевидно, что при росте объемов бюджета ЕАЭС и программных расходов, потенциальном расширении состава ЕАЭС и существующей разнице в социально-экономическом уровне развития стран — членов ЕАЭС может возникнуть необходимость введения так называемых корректирующих механизмов, которые обеспечивают баланс между размерами получаемой страной финансовой помощи, выделяемой из бюджета ЕАЭС в рамках реализации целевых программ и размерами финансового участия страны в бюджете.

Одним из механизмов решения вопроса взаимодействия экономических и социальных интересов общества в рамках интеграционного объединения в целях сохранения и жизнедеятельности евразийского пространства должна стать общая стратегия государств, направленная на инновационную модернизацию экономики, на нахождение приоритетных точек роста в промышленности и формирование для их развития технологических платформ, на базе которых можно осуществлять: создание и поддержку собственных производителей, поиск и содействие приоритетным научно-техническим проектам, поддержку совместных инициатив и совместных проектов, налаживание научно-технического и технологического сотрудничества государств-членов и т.д. Предложенные меры в свою очередь будут стимулировать повышение квалификации производственных рабочих и ИТР и их востребованность, обеспечение притока высококвалифицированных кадров, улучшение жилищных и культурно-бытовых условий работников предприятий отрасли, условий их труда, удовлетворение социальных нужд, и как результат — повышение уровня и качества жизни населения. Для предложенной стратегии развития ЕАЭС необходим консолидированный бюджет, расходная часть которого будет состоять не только из административных расходов, но и проектных.

В заключение необходимо отметить, что от эффективной реализации этого комплекса мер, на наш взгляд, во многом зависит устойчивость и жизнеспособность ЕАЭС.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Экономический потенциал // Евразийская экономическая политика // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/ses.aspx>.
- (2) Составлено по: Евразийский экономический союз в цифрах 2017 г. // http://istmat.info/files/uploads/55983/evraziyskiy_ekonomicheskii_soyuz_v_cifrah_2017.pdf; <http://gtmarket.ru/news/state/2010/11/05/2719>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?view=chart>.
- (3) Источник: Интеграционный барометр ЕАБР (пятая волна измерений). СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. Заданный вопрос: «Известно, что Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия объединились в Евразийский экономический союз (по сути — единый рынок пяти стран). Как Вы относитесь к этому решению?».
- (4) **Россия:** Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // <http://base.garant.ru/194365>. **Беларусь:** Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на пери-

од до 2020 года // http://un.by/pdf/OON_sMall_Rus.pdf; Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь до 2020 года // http://etalonline.by/?type=text®num=P31000575#load_text_none_1. **Казахстан**: Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 года, Стратегия-2030 // <http://www.minplan.gov.kz/2020>; Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003—2015 годы // http://www.kazembassy.by/econom/industr_razvitiie.htm; Карта индустриализации Казахстана на 2010—2014 годы // <http://www.mining.kz/karta-industrializatsii-rk/item/153-karta-industrializatsii-kazakhstanana-na-2010-2014-gody>.

- (5) О формировании приоритетных евразийских технологических платформ (с изменениями на 17 мая 2017 года) // <http://docs.cntd.ru/document/456047406>.
- (6) О формировании приоритетных евразийских технологических платформ (с изменениями на 17 мая 2017 года) // <http://docs.cntd.ru/document/456047406>.
- (7) Официальный сайт делового журнала Fortune // <http://fortune.com/global500/2000/#>.
- (8) Составлено по: https://docs.eaeunion.org/sites/storage1/Lists/Documents/485eca68-85bf-4df6-9a70-c742fe9af64e/25b06c50-54b0-4bc0-a0ff-15e4500e79b7_%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%E2%84%96%20115%20%D0%BE%D1%82%2012%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202015%20%D0%B3.pdf.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Андропова И.В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. II. № 2.
- [2] Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского Экономического Союза // *Евразийская интеграция*. 2015. № 2.
- [3] Глазьев С.Ю. Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской экономической интеграции // <http://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhe-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integracii.html>.
- [4] Гусаков Н.П., Колотырина Е.А. Республика Корея: инновационная система как фактор экономической безопасности страны // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 5.
- [5] Гусаков Н.П., Коновалова Ю.А. Состояние и перспективы российско-индийского сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики // *Финансы и кредит*. 2017. Т. 23. № 5.
- [6] Зиядуллаев Н. Евразийскому экономическому союзу нужны нестандартные подходы // <http://interaffairs.ru/read.php?item=12057>.
- [7] Интеграционный барометр ЕАБР (шестая волна измерений). Доклад № 46. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017.
- [8] Медведева Т., Гринберг Р. Никаких либералов нет // <http://portal-kultura.ru/articles/ekonomika/126878-ruslan-grinberg-nikakikh-liberalov-net>.
- [9] Стицин А.Т. Новая индустриализация экономики и перспективы евразийской интеграции, реализации трансконтинентальных мегапроектов XXI века. М.: Проспект, 2016.

SCIENTIFIC-TECHNICAL COOPERATION WITHIN THE EAEU AS A KEY FACTOR OF THE LOYALTY OF THE PARTICIPATING COUNTRIES' POPULATION TO THE INTEGRATION AND OF ITS ATTRACTIVENESS FOR NEW MEMBERS*

I.V. Andronova¹, I.N. Belova¹,
M.V. Ganeeva², Yu.N. Moseykin¹

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

²Eurasian Economic Commission
Letnikovskaya St., 2, 1-2, Moscow, Russia, 115114
(e-mail: aiv1207@mail.ru; ibelova03@yandex.ru;
info@ecommission.org; econom@rudn.ru)

Abstract. In the future, the Eurasian Economic Union can become one of the most important actors of the global economy, a regional and even a global leader, if the Union ensures positive economic and social effects for every participating country. The main challenge of the economic development of the EAEU is the development and diversification of national industries: three of the EAEU countries out of five almost completely depend on the export of resources (Russia and Kazakhstan — energy resources, Kyrgyzstan — precious metals). The other challenges for all participating countries are as follows: low competitiveness of production; inadequate development of the transport infrastructure for the current needs of integration; the lack of trade and investment cooperation between different countries; the lack of budget for the program of projects' co-financing. The international experience proves that the higher the level of national economic development, the greater the share of high-tech industries in its economy, the more diversified its exports, and the greater opportunities the country has to maintain stable cooperation ties and division of labor with countries at different levels of industrial development. The successful realization of cooperation within the EAEU largely depends on the support of the population of participating countries. Despite the fact that according to sociological surveys the attitude of the population to the Eurasian Economic Union is rather positive there is a negative trend. The authors suggest the ways for the innovative modernization of the economies, which in turn will stimulate scientific-technological cooperation, enhance the level and quality of life, and contribute to the positive public perception of the integration, stability and viability of the EAEU and development of the Eurasian values' system.

Key words: scientific-technical cooperation; Eurasian Economic Union; integration; loyalty of the population; technological platform; budget of the EAEU

REFERENCES

- [1] Andronova I.V. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potentsial i ogranicheniya dlya regionalnogo i globalnogo liderstva [Eurasian Economic Union: Potential and limits for regional and global leadership]. *Vestnik Mezhdunarodnyh Organizacij*. 2016: 2(2) (In Russ.).
- [2] Butorina O.V., Zakharov A.V. O nauchnoj osnove Evrazijskogo Ekonomicheskogo Soyuzha [On the scientific basis of the Eurasian Economic Union]. *Evrazijskaya Integratsiya*. 2015: 2 (In Russ.).
- [3] Glaziev S.Yu. Obschee obrazovatelnoe prostranstvo EAES kak zalog uspeha evrazijskoj ekonomicheskoy integratsii [The common educational space of the EAEU as a key to the success of the Eurasian economic integration]. <http://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhee->

* © I.V. Andronova, I.N. Belova, M.V. Ganeeva, Yu.N. Moseykin, 2017.

obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integracii.html (In Russ.).

- [4] Gusakov N.P., Kolotyryna E.A. Respublika Koreya: innovatsionnaya sistema kak faktor ekonomicheskoy bezopasnosti strany [Republic of Korea: Innovation system as a factor of the economic security of the country]. *Aziya i Afrika Segodnya*. 2015: 5 (In Russ.).
- [5] Gusakov N.P., Konovalova Yu.A. Sostoyanie i perspektivy rossijsko-indijskogo sotrudnichestva v vysokotekhnologichnyh otraslyah ekonomiki [The state and prospects of the Russian-Indian cooperation in the high-tech industries]. *Finansy i Kredit*. 2017: 23 (5) (In Russ.).
- [6] Ziyadullaev N. Evrazijskomu ekonomicheskomu soyuzu nuzhny nestandartnye podhody [Eurasian Economic Union needs innovative approaches]. <http://interaffairs.ru/read.php?item=12057> (In Russ.).
- [7] Integratsionnyj barometr EABR (shestaja volna izmerenij) [Integration barometer of the EABR]. Doklad No. 46. Saint Petersburg: CII EABR; 2017 (In Russ.).
- [8] Medvedeva T., Grinberg R. Nikakih liberalov net [There were no liberals]. <http://portal-kultura.ru/articles/ekonomika/126878-ruslan-grinberg-nikakikh-liberalov-net> (In Russ.).
- [9] Spitsin A.T. *Novaya industrializatsiya ekonomiki i perspektivy evrazijskoj integratsii, realizatsii transkontinentalnyh megaproektov XXI veka* [New Industrialization of the Economy, and Prospects of the Eurasian Integration and Implementation of Transcontinental Mega-projects of the XXI Century]. Moscow: Prospekt; 2016 (In Russ.).

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И ЧЕХИИ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (Часть 1)*

Нарбут Н.П., Троцук И.В.

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

В статье представлены заключительные эмпирические результаты трехлетнего исследовательского проекта, который реализовывался сотрудниками кафедры социологии Российского университета дружбы народов совместно с зарубежными коллегами в целях сопоставительного анализа мировоззренческих приоритетов современной студенческой молодежи. Будучи ограничены объемами публикации, авторы разбили материал на две части: в первой части они сосредоточились на обозначении некоторых акцентов в ценностях, которые выступают в качестве ориентиров, задающих смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций. Полученные данные в силу неэквивалентности используемого в трех странах опросного инструментария не позволяют проводить широкие обобщения, однако показывают, что по ряду характеристик нынешняя российская молодежь больше похожа на своих чешских или казахстанских сверстников, чем на себя же десятилетней давности. Подобный вывод авторам позволил сделать анализ данных, проведенный согласно тематической структуре опросного инструментария. В частности, в статье представлены образовательные ценности студенчества (прагматично-инструментальное восприятие высшего образования), трудовые ценности (сложное переплетение оптимизма и пессимизма в оценке шансов на трудоустройство после окончания вуза и разное отношение к сочетанию учебы и работы в настоящий момент), особенности межличностного взаимодействия (высокий кредит доверия родителям, особенно в сложной жизненной ситуации, не зависит от самовосприятия и ширины круга личной ответственности), политические ценности (соотношение аполитичности и заинтересованности различается, как и уровень социального доверия, несмотря на схожесть оснований для национальной гордости), общие ценностные приоритеты (отношение к религии, трактовка жизненного успеха и необходимых для его достижения качеств, горизонты планирования) и проблемы (оценка своего поколения с точки зрения актуальных для него угроз).

Ключевые слова: студенчество; молодежь; ценностные ориентации; смысложизненные ценности; сравнительный анализ; опросный инструментарий.

* © Нарбут Н.П., Троцук И.В., 2017.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (РФФИ). Проект № 15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)».

На протяжении последнего десятилетия коллектив ученых Российского университета дружбы народов вместе со своими сербскими, чешскими, китайскими и казахстанскими коллегами проводит сопоставительные замеры, по сути, социального самочувствия молодежи постсоциалистических стран. Тематические акценты наших эмпирических проектов неоднократно менялись, но неизменными оставались два обстоятельства: во-первых, поддержка Российского гуманитарного научного фонда (сегодня — отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований); во-вторых, акцент на сравнительном подходе для выявления общего и особенного в мировосприятии студенчества наших стран. Мы прекрасно понимаем, что само понятие «сравнительные исследования» сложно назвать однозначным и устоявшимся в социологической традиции, и отчасти по этой причине оно редко выносится в название исследовательских проектов, а если и выносится, то в синонимических форматах (речь может идти о сопоставительном анализе, сравнительном подходе, кросскультурном исследовании и т.д.). О сложностях реализации сравнительной ориентации в международных проектах мы неоднократно писали (1) [см., напр.: 1—3; 5; 7; 9; 11; 12], а также достаточно подробно рассматривали отдельные, наиболее интересные для нас тематики в сопоставительном контексте (2), поэтому заключительные для нашего эмпирического проекта 2015—2017 годов публикации мы решили посвятить эмпирическим данным.

Ранее мы обозначили терминологические особенности сравнительных проектов (в частности, понятие «сравнительное исследование» оказалось шире, чем «кросскультурный проект», хотя корректная понятийная «маркировка» здесь до сих пор затруднена, поэтому при просмотре названий статей в социологических журналах иногда складывается впечатление, что авторы стараются не упоминать о сравнительном анализе), суммировали их методологические возможности и ограничения, обусловленные, в том числе, спецификой их исторического развития (скажем, объединяет разные варианты сопоставительного анализа то, что преимущественно он основывается на количественном подходе), систематизировали концептуальные и методические находки крупнейших сравнительных исследований ценностей, реконструировали основания многочисленных попыток структурировать сравнительные исследования (по объекту, предмету, количеству замеров, целям, методическим решениям и др.) и рассмотрели причины того удивительного обстоятельства, что, несмотря на свою длительную историю, сравнительные исследования все еще не могут избавиться от очевидных проблем или, по крайней мере, предложить понятные пошаговые инструкции по их преодолению (прежде всего, это проблема обеспечения эквивалентности — лингвистической, методологической, процедурной и пр., нередко вследствие банального человеческого фактора, т.е. неспособности исследовательских команд договориться или отказаться от свободы самовыражения в опросном инструментарии).

Проделанная за первые два года исследовательского проекта работа позволяет нам завершить его публикациями, представляющими эмпирические данные, которые были получены в 2016 году, но обработаны в 2017 году. Мы должны сразу

предупредить, что речь идет о презентации и описании данных, поскольку проводить более сложную аналитическую работу мы не могли по ряду причин. Во-первых, базовый инструментарий для оценки ценностных ориентаций студенческой молодежи был разработан нами еще в 2006 году, но к 2016 году несколько модифицирован, чтобы в большей мере соответствовать нынешним реалиям, поэтому мы лишь отчасти можем проводить сравнения нынешних и прежних московских студентов с точки зрения их мировоззренческих приоритетов. Во-вторых, несмотря на то, что российская команда переслала чешским и казахстанским коллегам, владеющим русским языком, итоговый вариант анкеты, который они могли изменять лишь с позиций лингвистической эквивалентности (перевод на чешский язык) и социальной релевантности (в вопросе про доверие социальным институтам их набор в каждом обществе неизбежно менялся), наши казахстанские коллеги сократили вопросник, а чешские коллеги и модифицировали его (исключив ряд вопросов, заменив некоторые вопросы вариантами, которые сочли более подходящими или стандартными, а также добавив несколько вопросов). В итоге мы имеем три не идентичных вопросника, поэтому проводим сопоставительный анализ не по всем тематическим блокам и вопросам анкеты. В-третьих, организационные возможности проектов, подобных нашему, определяют пределы обобщения полученных данных. Хотя в данной и следующей статье по итогам проекта мы будем говорить про столичное студенчество трех стран (для краткости — российские студенты, чешские и казахстанские), в Москве было опрошено 1000 студентов старших курсов разных вузов (выборка котирировалась только по профилям обучения — социально-гуманитарные специальности, технические и естественнонаучные), а в Праге и Астане были опрошены студенты только одного крупнейшего университета (400 студентов Карлова университета и 500 студентов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева).

Таким образом, речь не идет о широких обобщениях и сопоставлении мировоззренческих приоритетов российской, казахстанской и чешской молодежи — только об обозначении некоторых акцентов в ценностях, которые выступают в качестве ориентиров, задающих смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций. Поскольку в социологии принято разводить ценности (уровень общества) и ценностные ориентации (индивидуальный уровень преломления ценностей), то идентификация ценностных ориентаций в той или иной мере помогает увидеть существующий в обществе набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый молодыми поколениями в ходе социализации. Безусловно, при этом мы помним про известный «парадокс Лапьера», согласно которому индивиды далеко не всегда действуют согласно декларируемым ценностям, однако это не отменяет необходимости выявления этих ценностей, пусть в формате своеобразных эталонов, а не руководств к действию (вариантов преодоления «парадокса Лапьера» в социологических исследованиях было предложено немало, но они не являются предметом нашего рассмотрения [см., напр.: 4; 6; 8; 10]).

Итак, обратимся к полученным нами эмпирическим данным, чтобы попытаться ответить на несколько странный, но обоснованный вопрос, учитывая сколь ра-

дикально сегодняшнее российское общество отличается по своим социально-экономическим и политическим чертам от себя же десятилетней давности: в своих мировоззренческих приоритетах нынешние российские студенты больше похожи на себя же десять лет назад или же на своих нынешних чешских и казахстанских сверстников? Нужно отметить, что с казахстанскими коллегами это наш первый опыт исследовательского взаимодействия, тогда как с чешскими коллегами мы имеем давний опыт сотрудничества. Еще в 1999 году Социологическая лаборатория РУДН совместно с Карловым университетом провела разведывательное исследование ценностных ориентаций студенчества постсоветской России и Чехии, проверяя гипотезу, что молодежь двух стран легче и менее болезненно, чем старшие поколения, адаптировалась к требованиям нового общественного устройства, разделившись на три условные группы: часть ориентируется на западные модели; часть стремится сочетать ценности демократического рыночного общества с традиционными ценностями социалистического общежития; часть аполитична и погружена в устройство личной жизни и быта. Как показали результаты нашего исследования, между российским и чешским обществами не обнаружилось кардинальных различий, потому что многие проблемы и противоречия переходного периода были общими, но их проявления носили специфический «национальный» оттенок, усугубляемый несопоставимостью российского и чешского «кейсов» как по размерам, так и по внутренней дифференциации.

В 2002 году мы провели сравнительное социологическое исследование содержания патриотических представлений российской и чешской студенческой молодежи, а также обусловленных ими моделей жизненного самоопределения (хотя само понятие патриотизма оказалось неактуальным для Чехии, где следует говорить не о патриотизме, а о национальной идентичности, поскольку в Чехии понятие патриотизма сливается с этнической и территориальной проблематикой). Как показали результаты российского и чешского опросов, структура патриотизма у двух групп включала все три компонента — когнитивный, аффективный и конативный, причем не один из них не доминировал. Студенты проявили единодушные в оценках своих стран как «среднеразвитых», в приверженности их позитивному образу, в негативной оценке деятельности властных структур, в чувстве гордости за прошлое, в отсутствии обеспокоенности возможностью распада государства и установления военной диктатуры и т.д. Тем не менее, как и в случае с Казахстаном и в отличие от Китая (3), комплексный опросный инструментарий для реконструкции смысложизненных ценностей студенчества в Чехии не применялся, и в 2016 году мы впервые провели сравнительную оценку ценностных доминант студенческой молодежи трех стран.

Как показали результаты нашего опроса, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран имеет как общие черты, так и особенности. Рассмотрим основные блоки ценностных ориентаций, вопросы по которым были представлены в анкете (4).

Образовательные ценности. В качестве основной причины получения высшего образования московские студенты, как и десятилетие назад, называют жела-

ние стать квалифицированным специалистом (свыше 60%) и получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, хотя второй показатель снизился (с 67% до 53%), что можно объяснить более прагматичным отношением к образованию — оно должно превращать вчерашнего школьника в квалифицированного специалиста, а общая эрудированность — вещь полезная, но менее значимая (табл. 1). О росте прагматичности студентов в восприятии обучения говорит и то, что практически в два раза (с 6% до 11%) увеличилась доля тех, кто получает высшее образование, ориентируясь на запросы работодателя (существенное падение доли тех, кто воспринимает высшее образование как возможность получить отсрочку от армии вряд ли можно столь же легко объяснить, потому что этот показатель может быть результатом систематических смещений в долях опрошенных юношей и девушек — их соотношение не квотировалось, а рекомендовалось отслеживать в процессе отбора респондентов, в итоге оно составило 40% на 60%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Почему вы решили получить высшее образование?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Хочу получить знания, необходимые мне для дальнейшей жизни	67%	53%	57%	52%
Хочу стать квалифицированным специалистом	64%	61%	64%	51%
Мне нужен только диплом	17%	16%	13%	42%
На этом настаивали мои родители	13%	15%	10%	22%
В этом заинтересовано предприятие, на котором я работаю/собираюсь работать	6%	11%	9%	17%
Дома скучно сидеть	10%	12%	2%	10%
Обучение в вузе — прекрасная возможность удачно выйти замуж	5%	7%	2%	6%
Возможность получить отсрочку от армии	16%	6%	0,2%	10%

Распределение ответов казахстанских студентов оказалось практически идентичным, за исключением нескольких наименее значимых позиций, свидетельствующих о целерациональном отношении к высшему образованию: практически никто не пошел учиться из-за скуки (2% против каждого десятого московского респондента), чтобы выйти замуж или получить отсрочку от армии. Чешские студенты в своих оценках высшего образования продемонстрировали иную структуру мотивов: с одной стороны, у них те же два доминирующих мотива, что у российских и казахстанских студентов; с другой стороны, ненамного отстает от них формальный критерий получения диплома как такового (42%), и они чаще относятся к высшему образованию прагматично-формально (17% ориентируются на потенциального работодателя, каждый десятый хочет получить отсрочку от армии или борется со скукой, 6%, примерно столько же, как в российской выборке, планирует найти себе выгодную партию).

Если бы у студентов была возможность выбора, почти треть московских респондентов хотела бы учиться за границей, каждый второй не хочет менять место учебы, потому что ему нравится вуз, а 13% предпочли бы учиться в другом рос-

сийском вузе. Последний показатель незначительно снизился за десять лет и совпадает в московской и казахстанской выборках, однако первые два различаются: не треть, а 44% казахстанских студентов хотели бы учиться за границей, соответственно, не каждому второму, а 42% нравится учиться в нынешнем вузе. В этом вопросе мнение чешских студентов совпало с мнением их российских сверстников, но десятилетней давности: каждый пятый чешский респондент предпочел бы учиться в другом чешском вузе (каждый второй — там, где учится, а каждый третий — за границей).

Планирует продолжить обучение (магистратура, аспирантура, второе высшее) большинство российских студентов — этот показатель не изменился за десятилетие (каждый третий ограничится дипломом бакалавра). Практически каждый второй казахстанский и чешский студент собираются поступать в магистратуру (43% российских респондентов), каждый четвертый российский и казахстанский студент хотел бы получить второе высшее образование (лишь 8% чешских респондентов, что говорит о четком понимании целей нынешнего обучения). Ниже всего доля не собирающихся продолжить обучение после бакалавриата в Казахстане (каждый пятый против каждого третьего российского респондента; с чешскими данными сложно проводить сравнение, поскольку было изменено распределение закрытий по вопросам и, соответственно, суть ответов о планах продолжать обучение).

Трудовые ценности. Оценки шансов на трудоустройство после окончания вуза незначительно изменились у московских студентов за прошедшие десять лет, и можно констатировать некоторый рост оптимизма: как и прежде, каждый пятый предполагает, что ему придется долго искать рабочее место по специальности, но доля уверенных, что легко и быстро трудоустроятся по профессии возросла (с 29% до 38%) за счет сокращения доли настроенных на беспроблемное трудоустройство не по специальности (с 36% до 20%) (табл. 2). Наиболее пессимистично настроены чешские студенты (каждый четвертый полагает, что долго останется безработным, 34% против 22% в других выборках ориентированы на долгий поиск работы по специальности, лишь 16% против порядка 40% полагают, что легко и быстро найдут работу по специальности), а наиболее деятельно — российские студенты (16%, что в четыре раза больше аналогичных показателей в других выборках, уже нашли работу), и хотя доли трудоустроенных совпадают в казахстанском и чешском опросах, казахстанские респонденты настроены столь же оптимистично, как их российские сверстники.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свои шансы на трудоустройство после окончания вуза?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Думаю, что легко и быстро найду себе работу по специальности	38%	44%	16%
Мне придется долго искать себе рабочее место по специальности	22%	22%	34%
Думаю, что без проблем найду себе работу, но скорее всего не по специальности	20%	24%	22%
Полагаю, что долго останусь безработным	5%	7%	25%
Я уже нашел работу, где останусь и после окончания вуза	16%	4%	3%

На момент опроса работали (будучи ограничены размерами анкеты, мы не конкретизировали тип занятости — полная, частичная, подработки и пр.) 42% российских студентов, в основном не по профессии (28%) и на коммерческих предприятиях (69% трудоустроенных); основным критерием поиска работы была возможность ее совмещения с учебой (59%), тогда как работа по специальности и заработная плата — вторые по значимости позиции (по 28%) (табл. 3). Доля работающих казахстанских студентов существенно ниже (26%), преимущественно это тоже занятость не по специальности (16%) на коммерческих предприятиях (62%), и основные критерии поиска работы совпадают с российской выборкой, хотя связь работы со специальностью оказалась более значимой, чем заработная плата (в российском опросе респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, а в казахстанском и чешском — лишь один). Распределение ответов московских студентов оказалось ближе чешской выборке: также работают 42%, чаще не по специальности (36%) и в основном на коммерческих предприятиях (63%). Однако по критериям выбора места работы российская ситуация ближе казахстанской: студенты трех стран, в первую очередь, стремятся разумно совмещать работу и учебу, но связь со специальностью наименее значима для чешской студентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «По каким критериям Вы выбирали место работы?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Я искал(а) работу, связанную со своей специальностью	28%	31%	7%
Я искал(а) работу так, чтобы можно было совмещать работу	59%	48%	62%
Главным критерием была заработная плата	28%	19%	15%
Другое	2%	2%	16%

Главные требования к работе у московских студентов за десятилетие не изменились с точки зрения их условной иерархии (табл. 4): в лидерах высокая оплата труда и интересность в равной степени; на втором месте — гарантии карьерного роста и возможность самореализации; далее идет престиж работы и возможность новых знакомств, достаточно свободного времени, польза людям и небольшой стабильный доход. Несмотря на то, что, как и прежде, московские студенты достаточно консолидированно придерживаются прагматичных критериев поиска работы, они несколько утратили свои позиции (уменьшились доли ориентированных на высокий заработок, личный интерес, карьеру и новые знакомства) за счет роста интереса к «социальной эффективности» работы — ее пользе для людей. Наиболее устойчивыми оказались два требования — каждый третий ориентируется на престижность, каждый десятый — на близость к дому. Схожую структуру мотивов мы наблюдаем у казахстанских студентов, за исключением трех не самых значимых критериев: они в два раза реже упоминают свободное время и расширение круга знакомств, а местонахождение работы, соответствующей всем прочим критериям, для них не важно. Аналогична и структура мотивов чешских студентов, но здесь различия более значимы: во-первых, для них намного более важна профессиональная самореализация, поскольку требование к работе быть интересной — самое частотное (68%), а также социальное значение работы (то, что она должна

приносить пользу людям, отметил каждый третий) и близость к дому (каждый пятый). Социально-личностное значение и удобство оказались более важны для чешских студентов, чем для российских и казахстанских, причем не только в сравнительной перспективе, но и внутри ценностно-мотивационного комплекса применительно к выбору работы.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «В первую очередь, работа должна...»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Быть высокооплачиваемой	68%	55%	52%	47%
Быть в первую очередь интересной для меня	67%	59%	34%	68%
Гарантировать карьерный рост	55%	42%	35%	43%
Предоставлять свободу действий, возможность самореализации	43%	37%	40%	45%
Быть престижной	30%	28%	24%	27%
Предполагать возможность новых знакомств, расширения круга общения	28%	21%	13%	26%
Оставлять достаточно свободного времени	26%	25%	12%	32%
Приносить пользу людям	18%	27%	23%	34%
Приносить небольшой, но стабильный доход	15%	21%	25%	31%
Находиться близко к дому	12%	11%	2%	22%
Другое	1%	1%	—	5%

Межличностное взаимодействие. Большинство опрошенных выросло в полных семьях, хотя размеры «большинства» различаются по странам. Так, все время росли в семье с обоими родителями 62% московских и чешских респондентов (этот показатель за десятилетие снизился на 8%), но 84% казахстанских студентов. В настоящий момент казахстанские студенты живут преимущественно с друзьями, видимо, в общежитиях и снимая квартиру (46%), или с родителями и родственниками (37%), российские студенты — тоже (22% и 46% соответственно), а чешские студенты — в основном с родителями и родственниками (65%), намного реже с друзьями или с партнером/супругом (по 12%).

Свои отношения с родителями московские студенты характеризуют либо как полное взаимопонимание (36%), либо как теплые, дружеские (47%), и распределение ответов здесь совпадает с чешской выборкой (44% и 41%). Суммарный показатель крепких межпоколенных связей в казахстанском опросе выше — 98% против 81%, но преимущественно за счет утверждающих, что у них с родителями полное взаимопонимание (76%), тогда как каждый пятый характеризует свои отношения с родителями как скорее теплые и дружеские (вероятно, это свидетельство большей «традиционности» казахстанского общества по сравнению с российским, особенно с московской молодежью). Своих детей воспитывали бы примерно так же, как воспитывали их, 71% московских студентов — не приемлет модель родительской семьи каждый пятый. Вполне предсказуемо в свете распределения ответов на предыдущий вопрос аналогичные показатели казахстанской выборки составили 80% и 13%, а чешской — 58% и 23%.

В основном студенты утверждают, что обладают широким кругом общения, где выделяют несколько близких друзей (рис. 1). В целом распределение ответов на данный вопрос аналогично в трех выборках (с некоторыми колебаниями), за ис-

ключением чешских респондентов, 28% из которых признались, что у них нет друзей, потому что им никто не нужен, и это сократило долю тех, кто обладает широким кругом общения с несколькими верными друзьями (каждый второй против 65% московских респондентов и 77% казахстанских).

В тяжелые моменты жизни студенты обращаются за помощью и поддержкой прежде всего к родителям и друзьям, хотя кредит доверия этим группам различается. Наибольший кредит доверия — у чешских родителей (к ним в тяжелые моменты обратится 79%) и у казахстанского родственного круга (хотя частота упоминаний родителей и родственников здесь аналогична московской выборке, но существенно ниже ориентация на любимого человека и других людей вне семейного круга), тогда как чешские студенты, видимо, воспринимают любимого человека как близкого друга и потому частота упоминаний его/ее близка показателю друзей (42% и 52%).

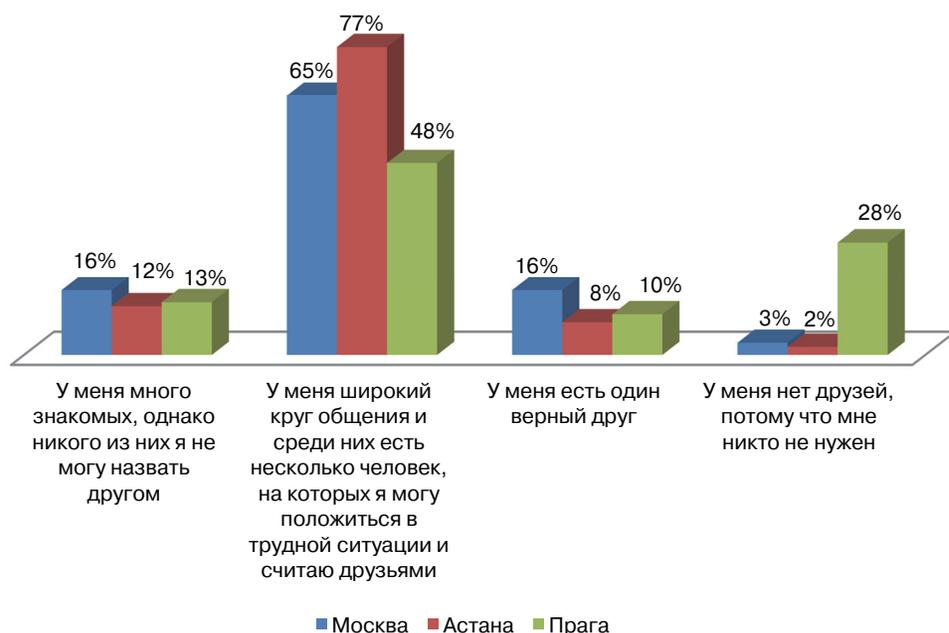

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «У Вас много друзей?»

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «К кому Вы обращаетесь за помощью в тяжелые моменты Вашей жизни?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
К родителям	66%	61%	67%	79%
К близким родственникам	21%	26%	24%	19%
К друзьям	61%	57%	44%	52%
К любимому человеку	32%	29%	9%	42%
К квалифицированному специалисту (например, к психологу)	3%	7%	1%	7%
К священнику/духовнику/ религиозному наставнику	3%	5%	4%	2%
Переживаю трудные периоды в одиночку	22%	17%	15%	23%
Другое	2%	1%	1%	1%

В официальном или гражданском браке в 2006 году состояли 12% московских студентов, к 2016 году — 16%: это выше казахстанского показателя в 9% и схоже с чешской выборкой, однако из 16% чешских студентов 15% живут в гражданском браке. Главное условие официального брака — финансовая независимость, способность обеспечить себя и семью: так считает треть московских студентов, другая треть пока не задумывалась о браке (табл. 6). 17% студентов откладывают регистрацию брака на окончание вуза — факт получения диплома, видимо, рассматривается как первый шаг во взрослую жизнь, в том числе предполагающую официального супруга. За десять лет выросла доля тех, кто считает, что нужно не только закончить обучение, но и устроиться на работу, прежде чем оформлять отношения (с 7% до 16%). Ответы на этот вопрос практически совпали в российской и казахстанской выборках, за исключением более низкой доли во второй тех, кто пока не задумывался об официальном браке, что, видимо, можно объяснить большей «традиционностью» казахстанского общества, где принятие подобных решений не является личной прерогативой и потому обсуждается семейным кругом. Предсказуемо главное условие заключение брака у чешских студентов — также финансовая независимость, с российскими студентами их объединяет и частота игнорирования этого вопроса, однако доли откладывающих официальное заключение брака до окончания вуза и трудоустройства здесь ниже за счет большей доли тех, кто не видит необходимости в официальном оформлении отношений (13% против 3% в московской и 5% в казахстанской выборках).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Когда вы планируете официально оформить Ваши отношения?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Как только закончу вуз	15%	17%	17%	10%
Когда устроюсь на работу	7%	16%	17%	11%
Когда стану финансово независим(а) настолько, что смогу обеспечить семью	36%	32%	36%	34%
Никогда — не вижу необходимости официально оформить наши отношения	4%	3%	5%	13%
Пока еще не задумывался над этим	31%	27%	21%	31%

Модальное значение желаемого числа детей совпадает у российских и чешских студентов — двое, хотя чаще эту цифру называют последние (каждый второй против каждого третьего), а у казахстанских — трое (табл. 7). Для чешских студентов характерна бóльшая определенность в планировании родительства: практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей, доминирует ориентация на двухдетную семью или — намного реже — на однодетную, каждый десятый заявил о нежелании иметь детей. Российские и казахстанские респонденты чаще затрудняются назвать желаемое число детей (видимо, собираясь принять решение в зависимости от социально-экономической ситуации и возможностей семьи), но в целом казахстанские студенты представляют будущую семью как трехдетную или даже многодетную (68%), тогда как российские студенты ориентируются на формулу «двое детей плюс-минус один».

Распределение ответов на вопрос «Сколько детей Вы хотели бы иметь?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва 2016	Астана	Прага
Одного	10%	14%	5%	17%
Двух	41%	33%	14%	55%
Трех	13%	17%	39%	9%
Больше трех	9%	9%	29%	3%
Пока не знаю	22%	21%	16%	5%
Не хочу иметь детей	4%	6%	1%	11%

Как показывает рисунок 2, в трактовке личной ответственности чешские студенты отличаются от российских и казахстанских сверстников высокой степенью индивидуализма: 96% заявили, что, прежде всего, несут ответственность за себя, каждый второй признает таковую по отношению к семье и близким, каждый пятый — по отношению к друзьям, и фактически здесь круг личной ответственности замыкается. Респонденты в Москве и Астане оказались солидарны в том, что основная зона их личной ответственности — семья и близкие: для казахстанских студентов она приоритетнее, а московские студенты чаще признают личную ответственность за друзей и за себя.

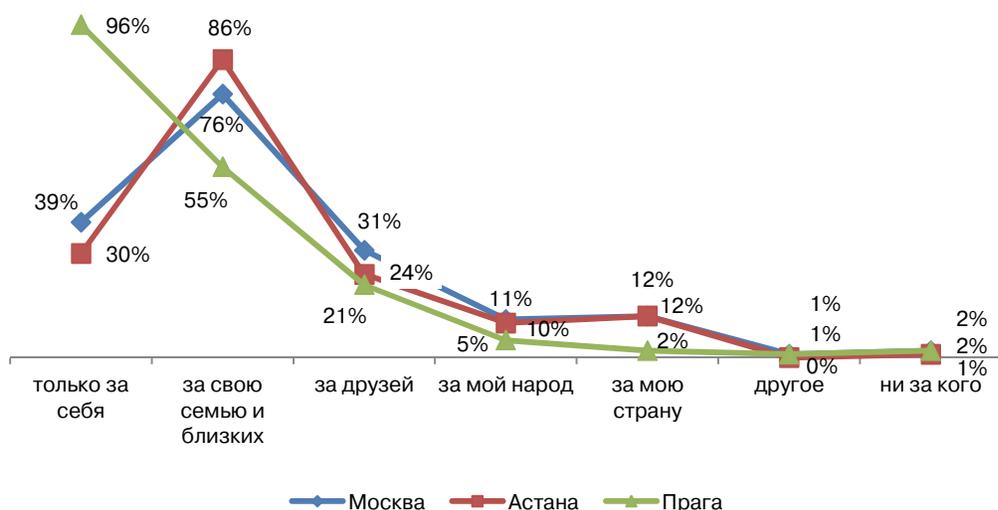

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?»

Политические ценности. В той или иной мере интересуется политическими вопросами большинство московских студентов, этот показатель не изменился за десятилетие (табл. 8); каждый десятый категорически отказывается от включения политической проблематики в сферу своих интересов. Аналогичное распределение ответов наблюдается в чешской и казахстанской выборках, но позиции внутри блока политически заинтересованных и несколько различаются: в Астане

студенты чаще выбирают более социально одобряемый вариант постоянного отслеживания политических событий в стране и мире, а Москве и Праге студенты предпочитают говорить скорее о равнодушии к политической повестке дня.

В качестве причины незаинтересованности в политической составляющей современной жизни российские студенты называют, прежде всего, недостаток свободного времени, вторые по частоте упоминаний — бессмысленность отслеживания политических событий, видимо, в силу невозможности влиять на происходящее, и убеждение, что политика — грязное дело (их назвал каждый четвертый), причем за десять лет возросла частота упоминания собственной незрелости как оправдания аполитичности (с 5% до 12%) (табл. 9). Схожие оправдания политической незаинтересованности мы видим в казахстанской выборке, за исключением того, что студенты чаще ссылаются на бессмысленность политики, чем на отсутствие свободного времени, поэтому по обоснованию аполитичности российские и чешские студенты оказались более близки, причем десять лет назад московские студенты столь же редко ссылались на свою незрелость как причину аполитичности.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Вы интересуетесь политикой?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Да, я всегда стараюсь быть в курсе политических событий в стране и мире	21%	21%	45%	20%
По мере необходимости: не особенно рвусь быть в курсе всего, но не могу сказать, что равнодушен(а)	49%	44%	33%	49%
Нет, это не мое — если я и узнаю о чем-то, то только случайно	21%	24%	15%	27%
Вообще не интересуюсь политикой и даже не хочу слышать об этом	9%	12%	7%	4%

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Если Вы не проявляете интереса к политическим событиям в стране и мире, аргументируйте свою позицию»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Мне еще рано интересоваться политикой	5%	12%	14%	4%
Не вижу в этом никакого смысла	27%	24%	38%	29%
Политика — грязное дело	21%	25%	19%	21%
У меня просто не хватает времени отслеживать политические события	42%	35%	26%	34%
Другое	5%	4%	3%	13%

Всегда в выборах участвует лишь 27% московских респондентов (52% казахстанских и 37% чешских, т.е. российская молодежь наиболее пассивна). Важные голосования несколько спасают ситуацию — в них участвует 43% московских респондентов (34% казахстанских и 48% чешских), т.е. в итоге никогда не голосующих, будучи уверены, что их голосование ничего не меняет и ни на что не влияет, — соответственно, 29%, 15% и 14%. В то же время чуть меньше трети (28%)

московских студентов, каждый третий казахстанский и лишь 17% чешских респондентов полагают, что ситуация в стране оказывает существенное воздействие на реализацию их жизненных планов — противоположного мнения придерживается, соответственно, каждый четвертый, третий и пятый опрошенный (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	24%	30%	21%
Может повлиять, но крайне незначительно	35%	24%	46%
Будет оказывать значительное влияние	22%	22%	13%
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	6%	13%	4%
Затрудняюсь ответить	14%	12%	16%

В российскую анкету был включен вопрос «Каким политическим партиям/движениям/силам Вы симпатизируете?», призванный не столько идентифицировать политические предпочтения молодежи (что вряд ли имеет смысл, учитывая уровень ее аполитичности), сколько оценить уровень ее социальной конформности, для чего в список ответов был введен вариант «симпатизирую партиям, находящимся сейчас у власти». Этот вариант оказался наиболее частотным (38%), но наряду с вариантом «не симпатизирую никаким» (31%). Остальные предпочтения распределились так: либерально-демократическим партиям симпатизируют 17%, социал-демократическим — 16%, национал-патриотическим — 10%, коммунистическим — 7%, центристским, религиозным, предпринимательским — примерно по 4%. Схожее распределение ответов наблюдается в казахстанской выборке, но здесь больше сторонников партий власти (51%), что сократило долю не симпатизирующих никаким партиям (18%), а остальные предпочтения схожи: либерально-демократическим партиям симпатизирует — 18%, национал-патриотическим — 11%, социал-демократическим — 8%, коммунистическим — 7%, предпринимательским — 5% и т.д. Провести аналогичную суммирование по чешским данным невозможно, поскольку в анкете были перечислены аббревиатуры названий чешских партий, и распределить их по идеологическим группам по аналогии с российской анкетой не получится без серьезного политологического анализа чешских реалий. Каждый пятый чешский респондент не симпатизирует никаким политическим партиям/движениям, но отсутствие симпатий в данном случае, учитывая, что остальные респонденты отметили конкретные партии, видимо, говорит не об аполитичности и отсутствии интереса, а именно о несимпатичности перечисленных политических акторов.

В целом московские студенты более взвешено оценивают сближение со странами Запада, видя в нем и хорошее и плохое (48% против 35% казахстанских респондентов), тогда как казахстанские студенты чаще видят в нем больше пользы, чем вреда (50% против 33%) (чешские коллеги не включили вопрос в анкету, видимо, считая, что он не имеет смысла в интегрированной в европейское общество Чехии).

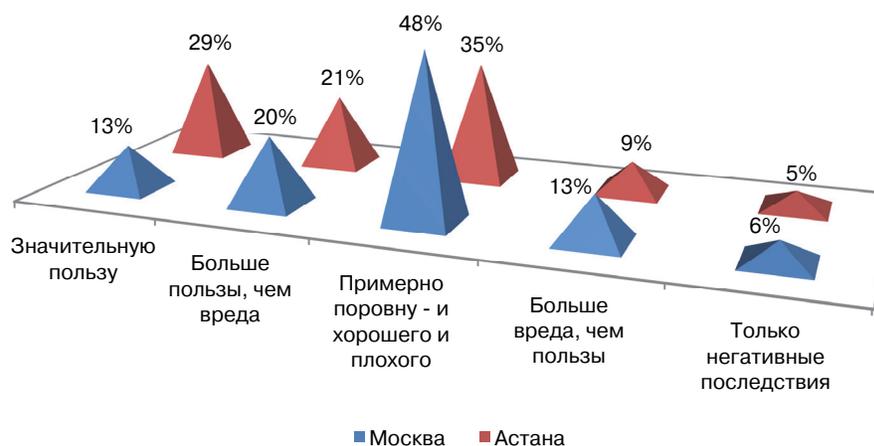

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Сближение со странами Запада принесло нашей стране»

Как граждане студенты консолидированно гордятся историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями (табл. 11). Казахские студенты явно выше оценивают деятельность нынешних социальных и государственных институтов, поскольку, в отличие от российских сверстников, добавляют к предметам гордости национальную армию и положение страны на мировой арене, и все прочие показатели национальной гордости, которые набрали у российских респондентов менее 45%, здесь превышают 60%. Уровень социального недовольства деятельностью государственных органов оказался самым высоким в Чехии — 77% не находят здесь поводов для гордости. В целом по данному вопросу ответы чешских студентов ближе российским (за исключением высокой оценки соблюдения в стране гражданских прав и свобод, а также гордости за систему образования, уровень жизни населения и армию — по этим показателям они схожи с казахской выборкой), а социальное самочувствие казахских студентов наиболее позитивно, учитывая, в каком обществе, предоставляющем массу поводов для гордости, они живут.

Распределение ответов в российской выборке показало рост практически всех показателей: например, в два раза увеличилась доля гордящихся положением страны на международной арене, видимо, вследствие громких политических и военных кампаний российского руководства за рубежом, по остальным параметрам национальной гордости рост существенно меньше. Эти данные уже были нами рассмотрены (5), поэтому мы сосредоточимся на межстрановых сопоставлениях. Также нужно упомянуть, что в российской и казахской анкетах использовался набор дихотомических шкал, а в чешской анкете — шкала из трех градаций («да, горжусь», «в основном да, горжусь» и «нет, не всегда»), поэтому мы фактически не имеем права проводить сравнительный анализ (использовался разный инструментарий), но все же представили данные чешского опроса, суммировав варианты «да» и «в основном да».

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Историей страны	90%	95%	94%
Природными богатствами	86%	87%	94%
Культурным наследием	85%	90%	94%
Спортивными достижениями	77%	85%	95%
Армией	57%	77%	78%
Положением страны на мировой арене	56%	82%	51%
Развитием науки и техники	53%	64%	85%
Системой образования	45%	64%	79%
Соблюдением прав и свобод человека	45%	66%	70%
Деятельностью государственных органов	42%	60%	23%
Состоянием социальной сферы	39%	68%	42%
Состоянием экономики страны	34%	67%	45%
Уровнем жизни населения	34%	63%	65%

Соответственно, уровень доверия социальным институтам в Казахстане превышает аналогичные показатели по России (но не так значительно, как можно было бы предположить, судя по предметам национальной гордости), а они, в свою очередь, существенно выше, чем в Чехии, за исключением нескольких институтов охраны правопорядка и гражданского общества (табл. 12). Подчеркнем, что уровень социального доверия российского студенчества, судя по нашим данным, за последнее десятилетие серьезно вырос, но эти данные уже были представлены в наших публикациях (6). В таблице приведены не все параметры оценки уровня социального доверия, а лишь однозначно совпадающие в трех анкетах и позволяющие проводить сопоставления. В целом, судя по ответам чешских респондентов, молодые поколения в большей мере надеются и доверяют институтам гражданского общества (но не средствам массовой информации), а не государственным структурам (но верят в эффективность разделения властей) и рыночным институтам (банкам, но не крупном бизнесу).

Таблица 12

В какой мере Вы доверяете/не доверяете:

Полностью доверяю + скорее доверяю	Москва	Астана	Прага
Президенту	63%	69%	9%
Правительству	57%	59%	18%
Церкви (религии)	52%	59%	16%
Судам	51%	49%	57%
Армии	47%	55%	56%
Государственной Думе (Парламенту)	46%	58%	18%
Полиции и правоохранительным органам	45%	45%	48%
Банкам	44%	51%	50%
Общественным организациям	42%	51%	58%
Крупному бизнесу	40%	55%	29%
Международным неправительственным организациям	37%	47%	52%
Политическим партиям	34%	49%	17%
Средствам массовой информации	32%	45%	26%

Чешские коллеги исключили из анкеты набор суждений для оценки социального самочувствия, который мог бы отчасти объяснить неровное распределение уровня доверия по разным институциям, и мы можем сопоставлять по приведен-

ным далее суждениям ответы только российского и казахстанского студенчества (суммированы варианты «полностью согласен» и «скорее согласен»). Чаще всего российские студенты соглашались с тем, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к проблемам других (62%), каждый второй полагает, что в стране без взятки невозможно решить ни одну проблему и что цель всегда оправдывает средства, каждый третий — что большинство молодежи в стране чувствует себя потерянными поколением, и родители не понимают своих детей и чем живет молодежь. Реже всего российские респонденты выражали согласие с тем, что спокойная совесть важнее любой прибыли, что главное в жизни — честь и достоинство, что нынешняя молодежь не испытывает проблем с адаптацией к жизни в современном обществе и находит общий язык со старшим поколением, а мир не без добрых людей (менее 17%). Казахские респонденты отчасти солидарны с российскими сверстниками: они согласны, что большинство людей замкнулось на собственных проблемах и безразлично к окружающим (75%) и цель оправдывает средства (66%), каждый второй убежден, что в стране невозможно решить ни одну проблему без взятки, молодежь чувствует себя потерянными поколением, а родители не понимают своих детей, однако каждый третий убежден, что молодежь вполне адаптировалась к современной жизни и находит общий язык со старшим поколением, спокойная совесть важнее любой прибыли, мир не без добрых людей, а главное в жизни — честь и достоинство.

Несмотря на существенные различия в социальном самочувствии и оценках возможности определять течение собственной жизни, студенческая молодежь трех стран выразила схожее отношение к выбору горизонта планирования — лишь каждый пятый вообще не строит планы. Однако горизонты планирования различаются: российские и чешские студенты чаще строят планы только на ближайшую перспективу (45% и 54%), а не на самую отдаленную (30% и 26%), тогда как казахские студенты предпочитают просчитывать свои действия на отдаленную перспективу (57%), а не ближайшее будущее (23%).

Общие ценностные приоритеты и проблемы (7). Верующими себя считают 81% московских респондентов (15% не относят себя ни к какому вероисповеданию, доминирует православие — 75%), 92% казахских (вариант про вероисповедание был исключен, доминирует ислам — 92%) и только 24% чешских (христианство — 59%). Высокие показатели религиозности не означают вовлеченности, о чем свидетельствует частота посещений религиозных учреждений: регулярно (практически каждую неделю или 2—3 раза в месяц) их посещает лишь каждый четвертый верующий российский респондент (26% не посещает вообще), но каждый второй казахский (7% не посещает) и 41% чешских (13%). Среди причин обращения к религии для российских студентов наиболее значима ее способность очищать душу, облегчать душевные страдания и предоставлять морально-нравственную опору в жизни, хотя за прошедшее десятилетие последние два компонента несколько утратили значение — покаяние оказалось на первом месте по частоте упоминаний, к лидерам причин обращения к религии приблизилась ее трактовка как пути к спасению души и к вечной жизни. Как и прежде, лишь каждый третий видит в ней смысл жизни, 13% — шанс стать частью сообщества близких по духу людей, менее 10% — способ ухода от реальности (табл. 13). Рас-

пределение ответов российских студентов в целом ближе казахстанской выборке, чем чешской, хотя казахстанские студенты подчеркивают в религии морально-нравственный аспект и реже упоминают ее способность даровать смысл жизни, спасение души и облегчение страданий. Чешские студенты более консолидированно отметили большее количество вариантов как неотъемлемые черты религиозного мировоззрения, причем каждый третий обозначил возможность обретения близкого круга людей, но в то же время 17% считают ее ложным утешением и способом ухода от реальности.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, люди находят/ищут в религии?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Морально-нравственную опору жизни	52%	44%	48%	57%
Облегчение душевных переживаний, страданий	51%	42%	28%	58%
Очищение души, покаяние	50%	51%	41%	52%
Спасение души, путь к вечной жизни	32%	38%	30%	44%
Смысл жизни	27%	30%	16%	51%
Чувство общности с близкими по духу людьми	14%	13%	9%	32%
Ничего — лишь ложное утешение и уход от реальности	10%	8%	2%	17%
Затрудняюсь ответить	10%	8%	6%	—
Другое	3%	1%	1%	8%

Основные проблемы молодежи несколько по-разному видятся студентам трех стран (табл. 14). Ключевые проблемы молодых поколений, по мнению московских студентов, как и десятилетие назад, составляют наркомания (хотя уровень озабоченности ею снизился, что, видимо, говорит о более позитивном восприятии собственного поколения и о нынешнем медийном позиционировании данной проблемы как одной из, а не главной для молодых поколений) и алкоголизм (в меньшей степени курение), сопровождаемые морально-нравственной деградацией общества (преступность потеряла свои позиции, сегодня ее отмечает не каждый третий, а 18%). Далее идет блок объективных факторов, таковые детерминирующие: высокий уровень безработицы и нехватка материальных средств, коррупция власти и отсутствие поддержки со стороны государства, недоступность образования, обуславливающая и одновременно вытекающая из перечисленных причин экономическая, гражданско-правовая ситуация и межпоколенческое непонимание. За прошедшее десятилетие несколько снизился уровень озабоченности отсутствием поддержки со стороны государства: с одной стороны, она объективно возросла, судя по количеству молодежных программ и проектов, с другой стороны, учитывая медийное освещение и реальные объемы финансирования этих программ и проектов, снижение озабоченности выглядит несущественным. В то же время студенты стали чаще упоминать в качестве проблем своего поколения ограниченные возможности досуга (21% против 12%, что, учитывая нынешний спектр возможных занятий, свидетельствует о снижении их экономической доступности) и политическую ситуацию в стране и мире (сегодня ее называет каждый десятый против 4% десятилетие назад, что объяснимо в свете активных действий российского руководства на международной арене в последние годы).

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Наркомания	76%	56%	37%	76%
Алкоголизм	60%	55%	32%	1%
Морально-нравственная деградация общества	48%	45%	23%	—
Курение	38%	44%	41%	1%
Преступность	31%	18%	4%	—
Проблемы со здоровьем	28%	30%	24%	3%
Безработица	25%	28%	41%	4%
Нехватка материальных средств	25%	21%	12%	13%
Отсутствие поддержки со стороны государства	24%	17%	7%	5%
Коррупция власти	19%	17%	34%	15%
Недоступность образования	16%	17%	7%	—
Экономическая ситуация в стране	14%	15%	13%	—
Нарушение гражданских прав и свобод	13%	11%	7%	4%
Ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	12%	21%	8%	10%
Отсутствие взаимопонимания с родителями	12%	18%	3%	11%
Политическая ситуация в стране и в мире	4%	10%	5%	10%

Учитывая предметы национальной гордости казахстанских респондентов, предсказуемо общий уровень их озабоченности перечисленными проблемами оказался ниже российских показателей за исключением курения и проблем со здоровьем (аналогичный уровень), а также безработицы и коррупции власти (более высокий уровень). В целом казахстанские студенты считают, что главные проблемы молодежи сегодня — это, во-первых, безработица и коррупция власти (41% и 34%), задающие негативный объективный контекст жизни молодежи; во-вторых, ее девиантные практики — наркомания (37%), алкоголизм (32%) и курение (41%). Такие проблемы, как преступность, отсутствие поддержки со стороны государства и нарушения гражданских прав и свобод, недоступность образования и ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями и политическая ситуация в стране и в мире, казахстанские респонденты актуальными не считают.

Чешские коллеги сократили список закрытий в данном вопросе, ограничившись вариантами, которые, видимо, имеют смысл для чешского общества, и распределение ответов подтвердило наличие у чешской молодежи устойчивого образа собственного поколения с однозначными оценочными акцентами: доминирует одна проблема — наркомания (76%), следующими с огромным отрывом (их назвал примерно каждый десятый) идут нехватка материальных средств, ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями, коррупция власти и политическая ситуация в стране и в мире (учитывая указанный выше низкий уровень доверия чешских студентов социальным институтам, видимо, их неэффективность и соответствующие последствия студенты не считают проблемой именно своего поколения). Также чешские студенты демонстрируют меньший «патернализм» по сравнению с российскими и казахстанскими сверстниками, поскольку реже называют в качестве проблем своего поколения объективные факторы (в частности, уровень безработицы), коррупция власти для них (как и для россий-

ских студентов) менее значима, чем для казахстанских, а отсутствие поддержки со стороны государства, наоборот, столь же незначимо.

Блок вопросов о трактовке жизненного успеха чешские и казахстанские коллеги сократили, ограничившись лишь критериями профессионального успеха, поэтому по двум вопросам данного блока мы можем сделать выводы лишь о некоторых изменениях в представлениях московского студенчества (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «С чем Вы, в первую очередь, ассоциируете понятие “успех”?»

Если в 2006 году приоритетным критерием жизненного успеха для студентов был материальный достаток (61%), второе место делили творческая самореализация, карьерные достижения и семейное благополучие (их назвал каждый второй), а каждый третий назвал общественную признанию и славу, то спустя десятилетие не изменилась лишь позиция общественного признания. Сегодня для студентов успех — это набор достижений, в котором одинаково значимы материальный достаток и творческая самореализация (их назвал каждый второй), а на втором месте стоят карьерные достижения и семейное благополучие (по 39%), т.е. очевидна более лично ориентированная трактовка успеха как достижение свободы — материальной и самовыражения.

Тем не менее, смысложизненные ценности российских студентов за десятилетие не изменились. Как и прежде, в вопросе, где респондентам предлагалось про ранжировать по степени значимости десять понятий, студенты продемонстрировали редкое единодушие: главные жизненные приоритеты опрошенных — семья (немного ухудшила свои позиции — на первое место ее поставили 62% против 71% в 2006 году, но вместе со вторым своим рангом она также набрала 80%) и здоровье (разброс мест здесь больше, но у каждого второго оно вошло в тройку лидеров); срединную позицию на «шкале значимости» заняли образование, работа и друзья, незначительно отстает материальный достаток и свободное время; на последних позициях оказались политика, общественная деятельность и религия. Казахстанские коллеги не включили вопрос с ранговой шкалой в анкету. Судя по чешским данным, структура смысложизненных ценностей у молодежи двух

стран совпадает с точки зрения итоговой иерархии, хотя разброс мест в чешской выборке больше: лидирует также семья (входит в первую тройку у большинства опрошенных), на втором месте (входят в пятерку) здоровье и друзья, на третьем — образование и работа, далее идут свободное время и материальный достаток, на последнем месте — религия.

Судя по рисунку 5, смена акцентов в трактовке жизненного успеха не изменила представлений московских студентов о том, какие личностные качества позволяют человеку успеха достичь. В первую очередь, это набор таких позитивных качеств, как трудолюбие, коммуникабельность, целеустремленность и талант (за исключением трудолюбия все прочие качества немного потеряли в частоте упоминаний). Вторую группу наиболее значимых качеств, набравших свыше 20%, составили более разнородные с точки зрения возможных оценок черты (могут быть как положительными, так и отрицательными) — честолюбие и расчетливость, оптимизм и честность, упрямство и изворотливость, исполнительность, умение идти напролом в достижении цели и манипулировать окружающими. За прошедшее десятилетие из этой группы выпала способность идти на компромисс (14% против 24% в 2006 году), что согласуется с приведенными выше данными о важности самореализации. Реже всего студенты, как и прежде, называют негативные качества — коварство, цинизм, жадность и беспринципность, хотя в эту группу попала и щедрость.

В выборе оснований успешной профессиональной карьеры студенты трех стран выразили удивительное единодушие в том смысле, что важным считают буквально всё (табл. 15). Тем не менее, очевидны несколько различий: чешские респонденты верят, в первую очередь, в личные качества — трудолюбие, знания, коммуникабельность и владение иностранным языком, но этот набор хорошо бы подкрепить связями и знакомствами, о чем они говорят чаще российских и казахстанских сверстников, что не соответствует стереотипам о «западной» модели карьерного пути. Менее значимы для чешских студентов диплом престижного вуза, удача и поддержка родителей, друзей и близких, т.е., видимо, под связями и знакомствами выше подразумеваются профессиональные контакты, что объясняет частоту выбора данного варианта. Различия между казахстанскими и российскими студентами по данному вопросу незначительны, за исключением того, что первые чаще упоминают владение иностранным языком, а вторые чаще полагаются на диплом престижного вуза.

В будущее молодежь смотрит с надеждой и оптимизмом (каждый второй российский студент, 70% казахстанских респондентов), реже спокойно, без особых надежд и иллюзий (39% российских студентов, каждый пятый казахстанский респондент), но каждый десятый российский студент — с тревогой и неуверенностью (7% в казахстанской выборке). Результаты чешского опроса противоположны: треть смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, 37% — спокойно, но без особых надежд и иллюзий, а 27% — с тревогой и неуверенностью. Треть российских студентов считает себя оптимистами (40% казахстанских респондентов, но 27% чешских), треть — реалистами (39% и 33%), каждый четвертый (28% чешских респондентов) ориентируется по ситуации.

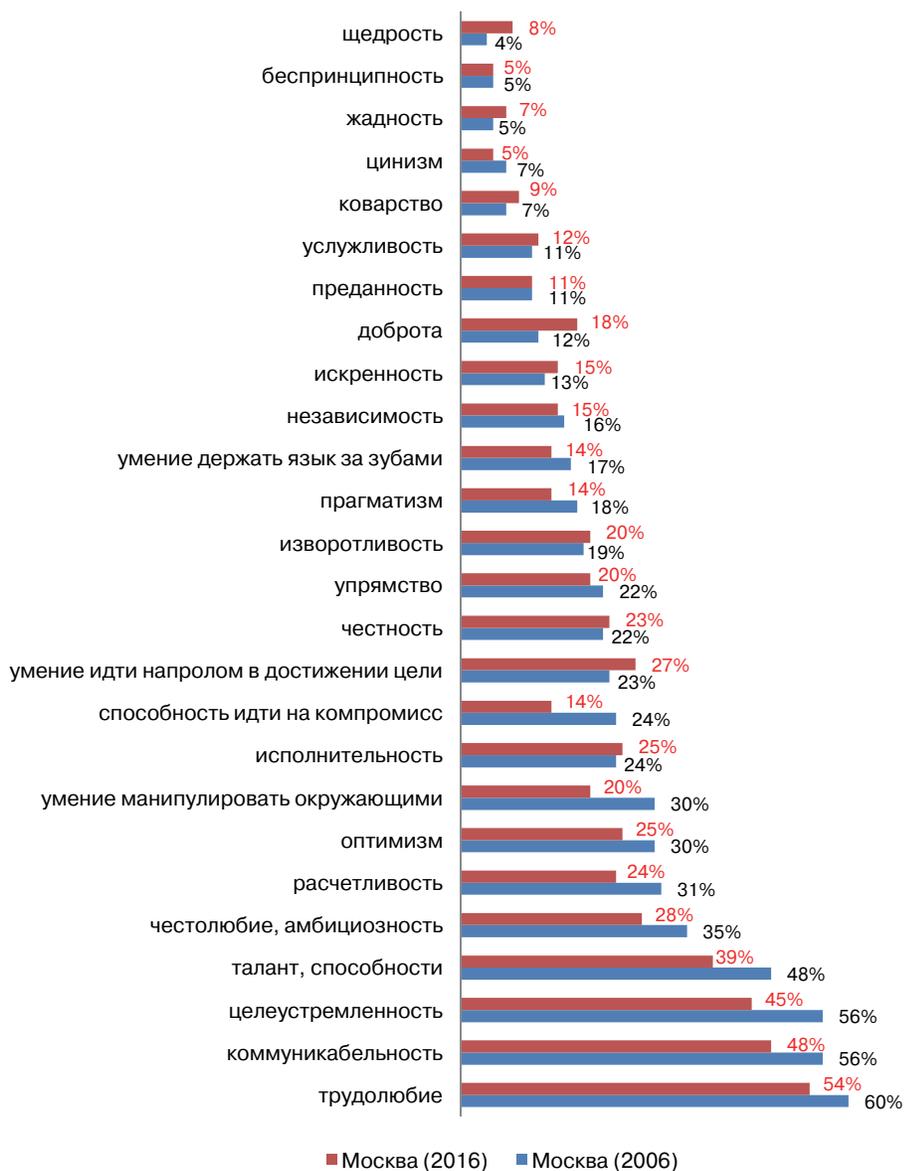

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вам кажется, какие личностные качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?»

Таблица 15

На Ваш взгляд, что сегодня определяет успешную профессиональную карьеру?

Полностью согласен + скорее согласен	Москва	Астана	Прага
Собственные знания и умения	86%	81%	85%
Коммуникабельность, способность легко находить общий язык	84%	86%	87%
Трудолюбие, готовность много работать ради достижения цели	83%	78%	85%
Знание иностранного языка(ов)	77%	86%	93%
Наличие связей, знакомств	75%	75%	89%
Поддержка родителей, друзей и близких	71%	76%	51%
Удача, везение, случай	66%	61%	61%
Наличие диплома престижного вуза	62%	76%	67%

Таким образом, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран по многим основаниям столь же поразительно схожа, сколь неожиданно различается по ряду приоритетов. Так, нынешние студенты прагматично относятся к высшему образованию — как путевке во взрослую жизнь (в том числе благодаря формальному одипломливанию), причем российских студентов устраивает их вуз, а их чешские и казахстанские сверстники предпочли бы иное образовательное учреждение, желательно за границей, но большинство не ограничится дипломом бакалавра. В целом чешские студенты более пессимистично настроены по целому ряду вопросов, например, оценивая свои шансы на легкое и быстрое трудоустройство по специальности, но пессимизм можно объяснить тем, что они предъявляют к трудоустройству более высокие требования в плане личностной самореализации и социальной значимости работы. Вероятно, ряд отличий чешских студентов можно объяснить устойчивой для научной и публицистической литературы отсылкой к западному характеру чешского общества. Российское общество, видимо, занимает некую промежуточную позицию, потому что по одним вопросам похоже на чешское общество, а по другим — скорее на казахстанское. Скажем, по параметру устойчивости межпоколенных связей и опоры на семейно-родственный круг казахстанские студенты продемонстрировали больший «традиционализм»; чешские студенты чаще признаются в отсутствии друзей и восприятии этой ситуации как нормальной, но кредит доверия родителям в сложной жизненной ситуации у них столь же беспрецедентен. Для чешских студентов характерна большая консолидированность и определенность в выборе вариантов ответов: среди них практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей и доминирует ориентация на двухдетную семью; они отличаются высоким декларируемым индивидуализмом в определении масштабов личной ответственности, что объясняется не только характерным для западного общества индивидуализмом и опорой на собственные силы, но и высоким уровнем недовольства и недоверия государственным институтам и меньшими патерналистскими ожиданиями. У чешских респондентов в несколько раз выше (хотя речь идет о незначительных долях) наполнение градаций «другое» и, наоборот, в несколько раз меньше — варианта «затрудняюсь ответить», более консолидированы мнения по многим вопросам, что говорит о большей определенности жизненной ситуации с точки зрения восприятия реалий и собственной в них позиции в контексте ценностных предпочтений. Казахстанские студенты отличаются более высокими показателями конформности и социального оптимизма, что объясняется высоким уровнем доверия базовым социальным институтам, которое, в свою очередь, основывается на высокой оценке (гордости) не только прошлых достижений страны, но и ее настоящего во всех сферах жизнедеятельности общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4; Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.*

- (2) См., напр.: *Trotsuk I.V.* Sociological study of the images of the neighboring countries: Russian student youth stereotypes, and their contextual frames // Сборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. 2016. № XLVI.
- (3) См., напр.: *Троцук И.В.* Студенческая молодежь постсоциалистических стран: сравнительный анализ ценностных ориентаций // *China Youth Today*. 2008. № 12 (на кит. яз.); *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенчества России и КНР: региональные различия // *China Youth Today*. 2010. № 5 (на кит. яз.); *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китайской Народной Республики // Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества. М., 2012. С. 481—503.
- (4) Мы тезисно приводим выводы по результатам опроса, будучи ограничены объемом публикации, и понимаем, что с данными нужно продолжать работать дальше.
- (5) См., напр.: *Trotsuk I.V.* Some 'indicators' to 'measure' patriotism in the contemporary world // Социолошки преглед (Serbian Sociological review). 2017. Vol. LI. No. 3.
- (6) См., напр.: *Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
- (7) В этот блок собраны вопросы, которые важны для понимания ценностных доминант молодежного самосознания, но плохо поддаются тематической группировке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Андреевкова А.В.* Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3.
- [2] *Гегер А.Э.* Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1.
- [3] *Емельяненко Т.В.* Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: 4М. 1997. № 9.
- [4] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.
- [5] *Руднев М.Г.* Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. № 37.
- [6] Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.
- [7] *Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J.* Measurement equivalence in cross-national research // *Annual Review of Sociology*. 2014. № 40.
- [8] *Inglehart R.* Changing values among western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31.
- [9] *Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M.* The Moscow School of quantitative cross-cultural research // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 37. № 5.
- [10] *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York, 1973.
- [11] *Scheuch E.K.* Society as context in cross-cultural comparisons // *Social Science Information*. 1967. Vol. 6. No. 7.
- [12] *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25 / Ed. by M. Zanna. New York, 1992.
- [13] *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. № 5.

**THE SOCIAL WELL-BEING
OF THE POST-SOCIALIST COUNTRIES' YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA, KAZAKHSTAN
AND CZECH REPUBLIC):
COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS
(Part 1)***

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

Abstract. The article presents the results of a three-year study conducted by the Sociology Chair of the RUDN University in cooperation with foreign colleagues to compare the worldview priorities of the today's student youth. Due to the article size limitations the authors divided the data into two parts: in the first part, they focus on the identification of the values that serve as reference points specifying the social action limits and criteria for assessing events and situations. The data does not allow for broad generalizations due to the non-equivalence of the questionnaires used in three countries, but points to a number of characteristics that make the Russian youth look more similar to their Czech or Kazakhstan peers than to themselves a decade ago. Such a conclusion is based on the analysis conducted according to the thematic structure of the questionnaire. Thus, the article presents the educational values of students (pragmatic-instrumental perception of the higher education), labor values (a mixture of optimism and pessimism when assessing chances to find a job after graduation, and different attitudes to the combination of study and work), interpersonal interaction features (a high credit of trust in parents, especially in a difficult situation, does not depend on the self-perception and the circle of personal responsibility), political values (the ratio of the lack of political activity and interest in politics, and the level of social trust differ despite the same leaders of national pride), general value priorities (attitudes towards religion, interpretations of the life success and qualities necessary for achieving it, the horizons of planning) and problems (assessing one's generation in terms of actual threats).

Key words: students; youth; value orientations; fundamental life values; comparative analysis; survey questionnaire

REFERENCES

- [1] Andreenkova A.V. Mezhsranovye sravnitelnye issledovaniya v socialnyh naukah: metodologiya, etapy razvitija, sovremennoe sostojanie [Cross-country comparative analysis in social sciences: Methodology, development, and the current state]. *Mir Rossii*. 2011: 3 (In Russ.).
- [2] Geger A.E. Vyjavlenie individualnyh i gruppovyh tsennostej v gruppe molodezhi: relevantnye metodicheskie reshenija [Identification of personal and group values among the youth: Relevant methodological solutions]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2010: 1 (In Russ.).
- [3] Emeljanenko T.V. Metody mezhskulturnyh issledovanij tsennostej [Methods of cross-cultural study of values]. *Sociologija: 4M*. 1997: 9 (In Russ.).

* © N.P. Narbut, I.V. Trotsuk, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (Russian Foundation for Basic Research). The project No.15-03-00573 “The social well-being of the youth in post-socialist countries: Comparative analysis (on the example of Russia, Kazakhstan, China, Serbia and Czech Republic)”.

- [4] Inglehart R. Postmodern: menjajushhiesja tsennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: Changing values and changing societies]. *Politicheskie Issledovanija*. 1997: 4 (In Russ.).
- [5] Rudnev M.G. Invariantnost izmerenija bazovyh tsennostej po metodike Schwartza sredi ruskojazychnogo naselenija chetyreh stran [The invariant measurement of the basic values of the Russian-speaking population of four countries based on the Schwartz method]. *Sociologija: 4M*. 2013: 37 (In Russ.).
- [6] Samoreguljatsija i prognozirovanie socialnogo povedenija lichnosti: Dispozitsionnaja kontsepcija [Self-Regulation and Prediction of Person's Social Behavior: Dispositional Theory]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [7] Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research. *Annual Review of Sociology*. 2014: 40.
- [8] Inglehart R. Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008: 31.
- [9] Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M. The Moscow School of quantitative cross-cultural research. *Cross-Cultural Research*. 2003: 37 (5).
- [10] Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York; 1973.
- [11] Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons. *Social Science Information*. 1967: 6 (7).
- [12] Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. Ed. by M. Zanna. New York; 1992.
- [13] Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001: 32 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-156-165

RECOMMENDATIONS FOR INTERVIEWERS CONDUCTING SOCIOLOGICAL SURVEYS: THE USE OF THE PSYCHOTYPES THEORY AND ANALYSIS OF RESPONDENTS' NONVERBAL REACTIONS*

Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, S.V. Zakharova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: puzanova_zhv@rudn.university, larina_ti@rudn.university,
rundmc13@yandex.ru)

Abstract. The quality of sociological data is the problem that cannot lose relevance in the works of methodologists and practicing sociologists for decades. Procedures and techniques for the improvement of the quality of information for all type of survey methods are developing. The purpose of the article is to inform the interviewers conducting semi-structured or unstructured interviews of the recommendations developed on the basis of the theory of psychotypes (by V.V. Ponomarenko). This technology will allow to improve the quality of sociological data. Identification of the psychotype of the respondent and his emotional reactions to different sensitive topics during the interview are the basis of this technology. Emotional reactions can be traced by nonverbal cues (facial expressions, gestures and poses) and interpreted by the technology of the analysis of nonverbal reactions developed and approved earlier. During the multi-stage experiment, the reactions significant in the course of interview were traced and analyzed — irritation, surprise, sadness, contempt, joy, fear, disgust, stress/discomfort, doubt/indecision, manifestations of mental processes. At the first phase, representatives of 'ideal types' of each psychotype were selected by an abridged psychological test and external diagnostics based on sensitive topics. As a result, the recommendations for a semi-structured interview were formulated. To use this technique, it is necessary to test an interviewee before the interview by the abridged psychological technique (in case there are doubts after the visual diagnostics). According to the psychotype the interviewer pays attention to the sensitive topics of the interview, and during the interview can reformulate the open-ended questions to reduce the sensitivity of significant topics for each respondent.

Key words: interview; quality of sociological information; theory of psychotypes; nonverbal reactions; emotions; sensitive topics

While conducting a semi-structured or an unstructured interview a number of opportunities for improving the reliability of the data arise for an interviewer due to reduction of a number of non-respondents and errors in questionnaires. Pithiness and depth of the obtained data are also certain to increase. However, a problem of the representativeness of sociological data, labor input, expenditure, probability of the systematic errors connected to the interviewer's bias arises at the same time.

The quality of the information obtained during the interview depends in many respects on nature of communication, on closeness of interpersonal contact and mutual understanding of the sides. The accuracy of the data in this case directly depends on

* © Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, S.V. Zakharova, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Grant № 16-33-00053 (Project "The technology of analysis of respondents' nonverbal reactions in sociological surveys").

the quality of the tools developed for the particular research. These, in turn, should meet the following requirements [1]: relevance is “reasons for applicability of the measuring instrument to the measured characteristic”; validity is the situation of “full accordance of cognitive model with the structure of social phenomenon or process under research”; reliability is “the probability of a deviation of the value attributed to an object from its true characteristic”; accuracy is “the amount of gradation of a variable, which can be changed depending on research problems”; stability is “the reproducibility of results in case of repeated samplings”. If a tool does not satisfy one of the above-mentioned criteria, it needs to be corrected especially at the design stage or after a pilot study.

It is necessary to emphasize that shifts in the data obtained during a sociological interview are directly caused by the respondents' insincere answers, which, in turn, can be caused by various reasons: from the respondent's incompetence in the matter to the emotional discomfort arising as a reaction of the interviewee to incorrectly formulated questions [2]. The respondent's ability to the correct understanding of the questions and his readiness to give an authentic and intelligible answer is also defined by a series of competence-based, psychological and communicative characteristics of this individual. All these factors can lead to considerable bias of the obtained data, which, in turn, leads to errors during the processing and analysis of the research results. In order to reduce the quantity of such situations the interviewer must create a communicative space, overcome psychological barriers, decrease the respondent's protective reactions and identify their genuine opinions, attitudes, notions, values and so forth [3].

From our point of view, identification of an interviewee's psychotype allows to consider his distinctive features and to apply this information to improve the quality of the obtained data. Features of psychotyping have not been used in sociology due to bulkiness of psychological techniques and procedures and, actually, lack of expediency. However, the science is progressing and new techniques appear, giving researchers a chance to schematize and simplify the diagnosing process. Therefore, for example, the “7 radicals” technique has recently appeared. It allows for rather schematic but quick identification of mental and psychological "orientation", predisposition of the personality in accordance with the offered typology including several main types (‘radicals’). The key fact for the interviewer is that each of them has its own features of communication which can be used to create a constructive dialogue with the respondent. On the other hand, this concept is rather versatile and can be used in many social sciences, including sociology.

The author of the technique is V.V. Ponomarenko [4] who believes that the psychotype identified through external characteristics of the person contributes to the understanding of his internal features. This theory focuses on the character of the person, or the individual style of their behavior in social environment, which is formed due to selective assimilation, according to the congenital opportunities, and realization of behavioral stereotypes. The character consists of a set of behavioral patterns, which are seen as homogeneous independent groups of identities (radicals). In other words, the same internal conditions are in the base of each type [4]. The advantage of this theory is the fact that it helps quickly identify the psychotype of a person though observation of the respondent's behavior, their external characteristics (for example, clothes, jewelry, etc.). Respectively, it is possible to divide all people (even if they are very unlike at first

sight) into certain groups ('psychotype' and 'radical' are synonymous terms within this article, as the sociologist's task is to establish the main, basic radical which determines the whole psychotype). This gives a chance to develop specific recommendations for interviewers on communication with respondents of each psychotype.

The following main psychotypes are defined in the typology of "7 radicals": Hysteroid, Epileptoid, Paranoyal, Emotive, Schizoid, Hyperthim and Alarming. Each of them is presented by the author of the technique according to the following algorithm [4].

- ◆ General characteristic: internal conditions, which are the cornerstone origins of the radical and its major social importance.

- ◆ The representative's appearance, which includes their constitution, facial expression and gesticulation, which are specific for each radical.

- ◆ Qualities of behavior.

- ◆ Tasks: which set of tasks is feasible for the concrete radical and which of them are impossible to complete.

- ◆ Features of communication: description of the most effective system of interaction with the representative of the specific radical and demonstration of mistakes, which can be made during communication with each radical.

We will give some examples of the description of the main characteristics of radicals.

"Hysteroid": they tend, first of all, to the self-presentation, the main thing for them is to be in the focus of attention, they are inclined to shocking. The speech is melodious, they are very artistic. They like put on fashionably, preferring bright colors. Differ in egoism, are inclined to scandals, skillfully lie, fine manipulators. People at whom this psychotype prevails realize themselves in show business and on television more often.

"Paranoyal": the behavior tendency is to achieve real result of converting activity, they are very purposeful people. The speech is convincing. They are often consider, that the end justifies the means, it is peculiar "revolutionaries", who can throw all forces on realization of the purpose, which they consider important, so other spheres of life, other people suffer because of it. They are also inclined to blackmail. People of this psychotype perfectly realize themselves in policy and as top managers.

"Epileptoid": people who live on a certain order, hate when it is broken. They seek for creation of accurately structured space for life and work in which unforeseen information streams (excess objects and uncontrollable people) are excluded. The speech is distinct. They are constrained, but irritable. These are conservatives, moralizers, but very reliable people. Tend to justice. The man of this psychotype is an officer, the teacher, the doctor.

"Schizoid": People, who create something essentially new. They are inclined to destruction settled technologies of behavior (activity, communications) and to search of original, essentially new; speech is muffled. "Shizoid" is nonplastic, badly feels space, he is not coordinated. This is the person formula. Appearance is often inaccurate because these people sometimes just forget about themselves in the course of considering of the next idea. The thinking is original, but inconsistent. In any sphere of life is an idea man. Intellectuals. Badly feels another. Are inclined to express difficult and vastly simple mentals. He is drawn towards theoretical researches and calculations. They realize themselves in science.

“Hyperthim”: behavior tendency is tendency to elimination of conventions and objectively optional bans in the sphere of communication, to expansion and democratization of a circle of contacts. They have a fluent speech, a loud voice, physical mobility (they are almost not capable to sit long in place). These are very active people to whom it is vital to stay in contact with someone, communication is very important for them, They are frequent the main man in any company. However, they differ in superficiality and lack of attachment to something and to someone. They are recklessly courageous, aren't able to keep foreign secrets. “Hyperthim” is not empathic, but sympathetic. Professions are connected with advertizing, marketing.

“Emotive”: always strive for beauty and harmony, for altruism (an example of the person with the dominating emotive-radical — Mother Teresa). In clothes they are prefer muffled tone, have a low melodious voice, without sharp differences. They are capable not only understand, but also to accept any person in ways what he is. They are unprecedentedly kind. They are often realized in the sphere of charity, theater and art in general.

“Alarming”: the main tendency of people with this psychotype is fear. They all live after the principle “dangerously” and “as if what it happened”. There are no expressed external manifestations. This type seldom meets in a “pure” look, but is very often added to others.

In order to estimate the possibilities of using “7 radicals” technique in sociology, an experiment consisting of several stages was performed. At the first stage, respondents with most expressive radicals were selected as “clean” psychotypes, as the latter does not actually exist in real life. Each person represents a “mixture” of manifestations of different radicals with domination of one or two of them. At the second stage, features of nonverbal behavior of various “clean” psychotypes were traced. We assumed, that emotional manifestations will vary in different experimental groups. As a result, the main aim was to develop recommendations, which will help the interviewer during their work with respondents belonging to different psychotypes easily identified by interviewers.

So, at the first stage the test of Leongard-Shmishek created by Shmishek on the basis of Leongard's classification (he defined his own types taking into account features of character and temperament [5]) was used in order to decrease subjectivity while identifying the psychotype of the respondent. These types formed the basis of the “7 radicals” technique which simplified psychological classification and made it more available for universal using. The test of Shmishek still allows to identify the concrete psychotype, but according to Leongard and our own beliefs this test is used as an additional tool of assessment on an equal basis with external diagnostics where the verbal contact is also included.

In January 2016, we surveyed 100 respondents according to the Leongard-Shmishek questionnaire. The test is rather extensive and consists of 88 questions. Therefore the sub aim of the testing was to reduce the questionnaire through selection of the most sensible and reliable questions. This will give a further chance to use it in the form of a short questionnaire for a respondent before interviewing. Another aim was to reduce the testing time so that not to waste the respondent's time during a real interview, but increase the reliability of the obtained data. As a result, the test was reduced to 21 questions, which had gained the highest coefficients when answered by representatives of “clean” types of each radical.

The following stage was a semi-structured sensitive interviewing of representatives of “clean” psychotypes in order to identify the behavioral features significant in the context of obtaining sociological data. Sensitive topics were chosen due to the fact, that a respondent shows nonverbal reactions most clearly while discussing these topics (even when they seem to try to hide them). We demonstrated that in other works (for example, see [2; 6]). It is worth mentioning that only a semi-structured interview was conducted during the research as it sets some formal criteria while giving the interviewer some degree of freedom in providing formulations to respondents (that was important in our experiment). The second stage was aiming at: 1) identifying the dominating emotions and reactions of respondents of different psychotypes during the sensitive interview; 2) revealing topics which are sensitive for each psychotype. When achieved, this aim will allow “to soften” this topic for the specific respondent in advance.

The semi-structured interview was conducted according to the guide including the following blocks of questions: respondent’s interests and hobbies; questions concerning political aspects; intimate questions; respondent’s daily routine; respondent’s private life; questions related to moral values; questions about income. In total 50 interviews with representatives of “clean” psychotypes were conducted and recorded on video. Subsequently nonverbal manifestations of 28 respondents were analyzed by the means of the nonverbal reactions analysis [6]. This technology includes: a) a coding scheme of a respondent’s nonverbal reactions; b) nonverbal characteristics of a respondent’s probable emotional reactions; c) the description of the emotions influencing quality of sociological information. In total seven basic emotions, and also three unemotional reactions (stress/discomfort, doubt/indecision, mental processes), which were significant in the context of sociological research, are involved in the technology.

1662 nonverbal manifestations (80% — facial expression, 18% — gestures, 2% — poses) were identified during the interviews; these manifestations compose 432 emotions and non-emotional reactions in total. Such reactions as stress/discomfort (19%) were the most widespread, whereas fun/joy/laughter (1,6%) were the rarest during the interviews. It is explained by the fact that we deal with the situation of the “sociological” interview during which defense mechanisms are not broken down and lie detection techniques are not applied.

Alarming and **Epileptoid** respondents became the most active in demonstration of nonverbal manifestations during the semi-structured interview. Respondents of these psychotypes showed the biggest number of emotions (68 emotions and non-emotional reactions) whereas **Hysteroids** showed the smallest number of emotions.

Representatives of all psychotypes also demonstrated facial expression manifestations. However, this type of nonverbal reactions was shown most often by **Epileptoids** (16,4%). Their most typical manifestation was that of *sadness and irritation*.

Along with **Epileptoids** facial expression manifestations were also typical for representatives of **Alarming** psychotype (15,99% of manifestations). All psychotypes equally demonstrated specific posture (7) while **Alarming** respondents used gestures slightly more often than **Epileptoids** (53 and 44 manifestations respectively).

Respondents of **Alarming** psychotype showed *mental processes* (26% of all emotional reactions of this psychotype) clearly and more often than others as well as displaying *stress and discomfort* (20% of manifestations).

Respondents of **Schizoid** psychotype are the most reserved in demonstrating non-verbal manifestations according to the results of this research. They displayed facial expressions (165 manifestations) and gesticulated (8,2% of manifestations) less often than the others and did not react a lot while changing posture during the interview (9,7%). **Schizoids** most often showed *surprise* (35%).

Paranoyals did not change their posture when reacting to the questions but gesticulated slightly more often than **Schizoids** (10,5% of manifestations). **Paranoyals** most often displayed manifestations of stress/discomfort (36% of manifestations) during the interview. They did not demonstrate neither joy/fun, nor fear.

Hysteroids used gesticulation most often in comparison with other psychotypes (19% of manifestations). **Hysteroids** showed all emotions and reactions, however irritation (21,6%), mental processes, and stress/discomfort were shown most often (19,6% for each emotional reaction).

Hyperthims differ about how they changed poses as reactions to the questions slightly more often than other psychotypes (25,8% of manifestations). Hyperthims manifested *indecision/doubt* (more than one third) most often with this indicator exceeding several times manifestations of other psychotypes. Hyperthims in the same way as Hysteroids showed all emotions.

Emotive respondents mainly used facial expressions (80% of manifestations) and gestures (19% of manifestations) as reaction to the questions. *Irritation* (28% of manifestations) turned out to be the most widespread reaction among Emotives in the context of this research. They displayed neither disgust, nor joy as reactions to the questions.

Table 1 presents the number of nonverbal manifestations displayed by different psychotypes from the most to the least frequent:

Table 1

The number of emotional reactions of psychotypes fixed in semi-structured interview

Number of nonverbal manifestations from the total manifestations	Psychotypes	Facial expression	Gestures	Poses	Emotions	Grade of psychotype by the number of emotional manifestations
16,5%	Alarming	214	53	7	68	1,5
16,2%	Epileptoid	219	44	7	68	1,5
15,2%	Hysteroid	192	56	4	51	7
14,9%	Emotive	198	47	2	60	5
13,1%	Hyperthim	173	38	8	64	4
12,5%	Paranoyal	177	31	0	66	3
11,6%	Schizoid	165	24	3	55	6

According to Table 1, representatives of **Schizoid** psychotype in the situation of sensitive semi-structured interview show nonverbal manifestations more seldom than the others. However, **Hysteroids** showed the smallest number of emotions along with other psychotypes despite the large number of nonverbal manifestations. Representatives of Alarming and Epileptoid psychotypes became the most active in demonstrating of various nonverbal manifestations (including emotions).

Table 2 shows that stress/discomfort occupies the first place among other reactions. Fun/joy is on the last place among the displayed reactions.

Table 3 shows emotions demonstrated as reactions of representatives of various psychotypes to sensitive questions.

In our opinion, blocks 2, 3, 5, 6 are the most significant as they are more sensitive (Table 4). Therefore, the interviewer needs to pay attention to respondent's reactions to these questions. Some recommendations for the interviewers working with sensitive topics are offered below.

Table 2

Rating of emotions displayed during the semi-structured interview

Rang	Number of nonverbal manifestations	Emotion or non-emotional reactions	Psychotype which displayed the emotion most often
1	19,4%	Stress, discomfort	Paranoyal
2	17,6%	Mental processes	Alarming
3	17,1%	Irritation	Emotive
4,5	11,8%	Sadness	Epileptoid
4,5	11,8%	Indecision/doubt	Hyperthim
6	10,2%	Surprise	Schizoid
7	4,9%	Contempt	Hyperthim
8	3,8%	Fear	Alarming
9	1,8%	Disgust	Epileptoid
10	1,6%	Fun/joy	Hysteroid

Table 3

Emotions and non-emotional reactions shown most often by representatives of various psychotypes during the interview

Psychotype	Emotion
Hysteroid	Irritation
Paranoyal	Stress, discomfort
Hyperthim	Indecision/doubt
Schizoid	Surprise
Emotive	Irritation
Epileptoid	Irritation, Sadness
Alarming	Mental processes

Table 4

Emotional reactions of various psychotypes depending on the question topic

Reactions* to various blocks of questions	Psychotype						
	Hysteroid	Paranoyal	Hyperthim	Schizoid	Emotive	Epileptoid	Alarming
Block 1 (respondent's interests and hobbies): Q. 1—4	10	9	9	8	7 и 8	7 и 8	8
Block 2 (political questions): Q. 5—8	3	9	10	2	3	8 (7 и 9)	8 и 9
Block 3 (intimate questions): Q. 11, 12, 23	—	9	10	3	3 и 9	9	6
Block 4 (respondent's daily routine): Q. 13—15	8 (9)	9	8	2	3	9	8
Block 5 (respondent's private life): Q. 18—22	—	7	—	2	8	3	9
Block 6 (questions related to moral values): Q. 9, 10, 24	9	9 и 3	3,7,10	8 и 2	3 и 9	7	7
Block 7 (Questions about income): Q. 16—17	—	—	10	—	3	10	9

* interpretation of emotion's coding: 1 — fun/joy; 2 — surprise; 3 — irritation; 4 — contempt; 5 — disgust; 6 — fear; 7 — sadness; 8 — mental processes; 9 — stress/discomfort; 10 — indecision/doubt; «—» — the general for most of respondents emotion isn't revealed; (number) — close to an specified indicator.

It is necessary to approach the **Hysteroid** psychotype most carefully when asking them questions about politics as this topic causes their irritation while questions related to moral values trigger stress/discomfort. Therefore, it is advisable not to discuss these topics directly, but to try using various polling techniques and methods, which soften wording of the question (for example, projective questions in the first case and abstraction — in the second).

Paranoyals react to intimate questions with sadness and irritation and to questions related to moral values with stress/discomfort. Perhaps, the former is connected with respondent's subjective experiences as well as with their marital status and relations with the partner. Therefore first of all it is necessary to clarify this moment and to continue discussing this topic or to digress to more positive aspects of the interview and return to intimate questions later, depending on the respondent's reaction. The interviewer needs to try to stimulate the respondent to express their own feelings and actions while discussing moral topics by using projective techniques. It is necessary to specify, that questions about sexual minorities have triggered irritation, which can be related to the respondent's religious views or cultural background. The interviewer needs to distance themselves from the respondent by posing impersonal questions or using routinization in the topics, which cause stress / discomfort.

Hyperthims demonstrated ambiguous reaction including irritation and doubt/indecision while answering the block of questions related to moral values. As in the case of Paranoyals it is necessary to take into account cultural and religious background of the respondent while asking them questions about sexual minorities and try to find out his reaction to this topic with precaution. In our opinion, indirect questions could be a good solution as the respondent chooses statements he agrees with. After that, in case of a negative reaction, the interviewer may distance themselves from the respondent using one of the existing techniques. At the same time, representatives of Hyperthim psychotype discuss their daily routine neutrally and these questions cause only manifestations of mental processes.

Representatives of **Schizoid** psychotype can show inadequate reaction to the occurring situation, therefore any question can be surprising for them. The interviewer should not pay special attention to this fact, because it is not a significant indicator. It is worth mentioning, that intimate questions trigger their irritation. It is caused by the fact that they are reserved by nature and therefore the interviewer should not try to find out too many personal details of their life. It is important to try to avoid discussing this topic or to transfer the discussion from the respondent to another character or a fictional situation (by using distancing, routinization, projective questions).

Emotives treat the sensitive questions with irritation; therefore, it is necessary to try using various polling techniques in order to choose the most effective way of discussing different topics. In our opinion, questions concerning the respondent's immediate circle can be the most useful for finding out the respondent's attitude to this or that phenomenon without asking direct questions. In addition, impersonal forms of questions may work out as well as the respondent will not think that discussion focuses on them.

Personal questions trigger irritation within **Epileptoids**, therefore, it is necessary to distance from the respondent by using impersonal forms of questions. Intimate questions cause stress/discomfort, so the interviewer also needs to distance themselves from a concrete situation and use projective questions during this discussion. Questions related to moral values cause sadness, and that is why it is important to lead the discussion in a positive context and use indirect questions so that the respondent could express their position themselves.

Intimate questions trigger fear within **Alarming** psychotype. Perhaps it is caused by the fact, that they are timid by nature and afraid to share something that other people should not know. We would like to specify that the fear was identified in the answer to a projective question about sexual minorities. It seems logical to say that this emotion is caused by the idea of sudden changes in their life. Thus, it is advisable not to use this type of questions during communication with representatives of Alarming psychotype. Questions related to moral values trigger sadness, so the interviewer needs to use indirect questions while discussing this topic in order to find out the respondent's point of view.

The approach described in this article might seem a mere glass bead game but the authors are convinced that psychodiagnostic testing of a respondent is capable to affect the quality of the obtained data. This statement is valid not only for the interview (semi-structured or unstructured), but for various forms of group discussions, focus groups, etc. It is necessary to add that representatives of all psychotypes benefit from appropriate conditions while being interviewed so that respondents feel more comfortable and are not disturbed by external factors which may cause their negative emotional reactions preventing the obtaining of qualitative sociological information.

REFERENCES

- [1] Batygin G.S. *Leksii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniy* [Lectures on Methodology of Sociological Research]. Moscow: RUDN; 2008 (In Russ).
- [2] Larina T.I. *Povyshenie kachestva oprosnogo instrumentariya na osnove analiza neverbalnykh reaksii respondentov* [Improvement of the quality of survey questionnaire on the basis of respondents' nonverbal reactions]: Dissertation. Moscow; 2015 (In Russ).
- [3] Zhuravleva I.V. Osobennosti interview kak raznovidnosti metoda oprosa [Features of an interview as survey method]. Andreenkov V.G., Maslova O.M. (Eds.). *Metody sbora informatsii v sotsiologicheskikh issledovaniyakh*. Moscow: Nauka; 1990 (In Russ).
- [4] Ponomarenko V.V. *Prakticheskaja karakterologija* [Practical Characterology]. Rostov-na-Donu: Feniks; 2006 (In Russ).
- [5] Leongard K. *Aktsentuirovannye lichnosti* [Personality Accentuation]. Kiev: Vysshaya shkola; 1981 (In Russ).
- [6] Puzanova Zh.V., Larina T.I. *Vozmozhnost analiza neverbalnykh reaksij respondentov na oprosnyy instrumentariy v pilotazhnykh issledovaniyakh* [Technology of the analysis of respondents' nonverbal reactions to sociological tools in pilot research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017: 2 (In Russ).

РЕКОМЕНДАЦИИ ИНТЕРВЬЮЕРАМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ПСИХОТИПОВ И АНАЛИЗА НЕВЕРБАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ РЕСПОНДЕНТОВ*

Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина, С.В. Захарова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

(e-mail: puzanova_zhv@rudn.university,
larina_ti@rudn.university, rundmc13@yandex.ru)

Качество социологических данных — проблема, не теряющая актуальности в работах методологов и практикующих социологов на протяжении многих десятилетий. Для каждого вида социологического опроса разработаны и продолжают создаваться методики повышения качества данных. Цель статьи — ознакомить с рекомендациями для интервьюеров, использующих полуструктурированное или свободное интервью, разработанное на основе теории психотипов (В.В. Пономаренко). Представленная технология работы с использованием этой методики будет способствовать повышению качества социологической информации. В ее основу положены знания о психотипе респондента и его эмоциональных реакциях на чувствительные тематики, демонстрируемые во время интервью. Эмоциональные реакции хорошо прослеживаются на основе невербальных проявлений (мимических, пластических и поз), для анализа которых использована технология анализа невербальных реакций, разработанная и апробированная ранее. В ходе многоэтапного эксперимента отслеживались и анализировались реакции, которые значимы в процессе интервьюирования — раздражение, удивление, печаль, презрение, радость, страх, отвращение, стресс/дискомфорт, сомнения/нерешительность, проявления мыслительных процессов. На первом этапе при помощи сокращенного психологического теста и внешней диагностики были отобраны представители «идеальных типов» каждого психотипа, с которыми было проведено интервью на чувствительные темы. На заключительном этапе была реализован анализ доминирующих реакций, в том числе в зависимости психотипа респондента, и сделаны соответствующие выводы — рекомендации по проведению полуструктурированного интервью. Для реализации предложенной техники необходимо перед началом интервью протестировать интервьюируемого по сокращенной психологической методике (если возникли сомнения в ходе визуальной диагностики). В зависимости от психотипа нужно обратить внимание на вопросы по чувствительной тематике, и в случае необходимости по ходу интервью переформулировать вопросы открытого типа так, чтобы снизить чувствительность значимых тем для каждого интервьюируемого.

Ключевые слова: интервью; качество социологической информации; теория психотипов; невербальные реакции; эмоции; чувствительные темы

* © Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Захарова С.В., 2017.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 16-33-00053 (проект «Технология анализа невербальных реакций респондентов в социологических исследованиях»).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-166-177

СПЕЦИФИКА МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ*

Т.В. Науменко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
ГСП-1, Ленинские горы, Москва, 119991, Россия
(e-mail: t-naumenko@yandex.ru)

Статья посвящена теме, обладающей непреходящей актуальностью — благотворительности. Автор отмечает, что в России благотворительная деятельность в своем развитии пока еще не достигла зрелых форм, поэтому для наиболее полной реализации благотворительной деятельностью своих социально значимых целей необходимо совершенствовать систему маркетинговых коммуникаций. В статье подробно анализируются формы маркетинга в зависимости от маркетинговой среды, показана важность волонтерской активности, рассматриваются все составляющие маркетинговой деятельности, обосновывается необходимость применения в маркетинге благотворительных организаций всего комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций, отмечена специфика реализации экономических и социальных целей благотворительными фондами и неценовая суть благотворительности, показана тесная связь благотворительной деятельности с институциональной средой общества, а также необходимость формирования новых формальных и неформальных институтов, регулирующих благотворительную деятельность и влияющих на развитие новой системы ценностей в массовом сознании. На всем протяжении статьи автор неоднократно подчеркивает, что маркетинг благотворительных организаций представляет собой совокупность взаимосвязанных мер и методов, направленных одновременно и на удовлетворение потребностей потребителей их услуг, и на получение внешней поддержки. Все направления и подсистемы маркетинга благотворительных организаций не просто тесно взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Например, тесное сотрудничество со средствами массовой информации способствует формированию позитивного имиджа благотворительной организации, необходимого не только для улучшения ее репутации в глазах общественности, но и для привлечения поддержки — не только государственной, но и частной, включая различные корпорации.

Ключевые слова: благотворительная организация; благотворительная деятельность; волонтерство; маркетинг; пиар; реклама; институциональная среда; массовое сознание, ценности

Понятие благотворительности относится к разряду тех редких понятий, которые не имеют негативной коннотации. Социально-философский аспект этого понятия глубок и многогранен, его социологические аспекты охватывают буквально все сферы современного общества, как и сама благотворительная деятельность, присутствующая, уместная, почетная и желанная во все эпохи непростой и многообразной истории человечества. Благотворительность — то, что возвышает не толь-

* © Т.В. Науменко, 2017.

ко общество над миром природы, но человека над человеком. Кто может быть привлекательнее для окружающих, чем тот, кто творит благо? Только тот, кто творит это благо бескорыстно и безвозмездно. Каким бы сильным и защищенным ни было общество, по пути какого бы устойчивого развития оно ни шло, в нем всегда есть место благотворительности как высшей формы развития духовности и критерия нравственного развития.

Развитие рыночной экономики в России в последние два десятилетия способствовало формированию новых форм ведения хозяйства и взаимодействия производителей и потребителей, новых механизмов управления организацией и реализации продукта. Особую роль в таких условиях начинает играть некоммерческий сектор, который вплоть до конца 1980-х годов практически отсутствовал в нашей стране. Занимая важное место в гражданском обществе и современном рыночном пространстве, некоммерческие организации способствуют реализации тех намерений граждан, которые не связаны с обязательным получением прибыли, решению важнейших проблем социума, актуализации его первостепенных задач, прежде всего за счет благотворительной деятельности.

Следует заметить, что в современной России достаточно долгое время благотворительная деятельность и ее роль в жизни общества, к сожалению, не являлись объектом должного внимания. Это касается как нормативно-правовой базы, так и комплексных академических исследований различных аспектов благотворительной деятельности. Принятие в 1995 году Федерального закона № 135 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» зафиксировало основные принципы понимания и функционирования благотворительной среды. Принятие в 2006 году поправок к этому закону, а также одобрение в 2009 году правительством «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» свидетельствуют о том, что интерес законодателей к вопросам регулирования и стимулирования благотворительной деятельности начал возрастать.

Актуальность в контексте организации работы благотворительных организаций приобретает методология менеджмента и маркетинга. Российская некоммерческая деятельность, в том числе благотворительная, проблеме собственного менеджмента и маркетинга серьезного внимания практически не уделяла, и только переход на рыночные отношения заставил большинство благотворительных структур осознать всю важность механизмов организации благотворительной деятельности, которая многократно повышает ее эффективность и результативность. Изменению тактики некоммерческих организаций способствовали и сокращение прямого финансирования из бюджета, и своего рода конкуренция, и смена имиджа некоммерческой деятельности. В сложившихся условиях данные организации перестали быть некими замкнутыми системами, функционирующими для достижения своих целей при помощи средств государства. Важнейшей их стратегией стала ориентация на потребителя и благополучателя, на удовлетворение его потребностей, к исследованию которых и обратились благотворительные организации: активизировалась работа со специфическими группами целевых потребителей, которая требовала серьезной диверсификации деятельности; задача по про-

движению некоммерческих услуг приобрела большую значимость, как и задача привлечения внимания общественности к важнейшим проблемам благополучателей, а также к поиску негосударственного финансирования благотворительных проектов.

Маркетинг представляет собой одно из важнейших направлений менеджмента благотворительных фондов, поскольку позволяет решить ряд существенных для них задач. Маркетинговая деятельность призвана добиться общественной и государственной поддержки работы благотворительных фондов по достижению культурных, социальных, просветительских и научных целей. Маркетинг благотворительных фондов может быть направлен на нескольких целевых объектов в зависимости от задач инициаторов маркетинговой деятельности. Так, например, поэтапная и планомерная работа со средствами массовой информации, специалистами и экспертами в конкретных областях призвана содействовать созданию репутации и имиджа фонда для оправдания его некоммерческой деятельности. Маркетинговая деятельность, направленная на работу со спонсорами, попечителями и благотворителями, необходима для привлечения дополнительных или удержания уже существующих источников финансирования и может рассматриваться как часть фандрайзинга. Объекты маркетинговой деятельности благотворительных организаций тесно взаимосвязаны, поскольку создание имиджа и позитивной репутации фонда напрямую определяется необходимостью привлечения вкладчиков. Таким образом, маркетинг благотворительных организаций представляет собой совокупность взаимосвязанных мер и методов, направленных на удовлетворение потребностей потребителей и получение внешней поддержки.

Российские благотворительные фонды долгое время не пользовались поддержкой населения. Это было связано с представлениями подавляющей части граждан о некоммерческой среде как возможном механизме осуществления незаконных финансовых операций. Сегодня благотворительные организации имеют широкие возможности для осуществления маркетинговой деятельности и устранения информационной неопределенности, формирования позитивного имиджа в глазах населения и создания серьезной альтернативы государственному финансированию социально значимых проектов.

В экономической и социологической литературе при анализе маркетинговой деятельности активно используется понятие маркетинговой среды — это совокупность элементов, формирующих и обуславливающих возможности организации по овладению конкретным потребительским рынком [7. С. 48].

Маркетинговая среда благотворительных фондов может быть рассмотрена на макро- и микроуровне.

Маркетинговая макросреда благотворительных организаций включает в себя факторы, которые формируют условия хозяйственной деятельности организации [4. С. 58]. Одним из таких факторов, оказывающих значительное влияние на работу благотворительных фондов, является политико-правовая среда. В России большинство некоммерческих организаций подведомственны государству и, соответственно, их организационно-правовую форму задает соответствующее учреждение.

По закону от 7 июля 1995 года «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и закону от 8 декабря 1995 года «О некоммерческих организациях» учреждения владеют имуществом на праве оперативного управления и не отвечают им по своим обязательствам, т.е. инстанцией, осуществляющей выплаты, является учредитель-собственник, который финансирует деятельность учреждений в том или ином объеме. Однако если по отношению к некоммерческой сфере происходит изменение курса правительства, то последствия могут быть весьма тяжелыми, ибо некоммерческие организации представляют собой консервативные структуры, которые не могут произвести быструю реорганизацию, основанную на нововведениях, поэтому в России итогом перехода к рыночным отношениям и сокращения государственных субсидий в некоммерческой сфере стал глубокий финансовый кризис, поставивший многие некоммерческие организации на грань выживания. Таким образом, вся институциональная среда — как политическая, так и экономическая — оказывает значительное влияние на деятельность всех некоммерческих организаций, в том числе благотворительных фондов.

Для маркетинговой макросреды, в рамках которой осуществляют свою деятельность все благотворительные фонды, экономическая среда представляет собой один из важнейших факторов формирования и функционирования. К примеру, в последнюю четверть века в России наблюдается дефицит как частных, так и государственных средств, направляемых в благотворительные фонды. Исходя из этого, маркетинговая деятельность благотворительных организаций ориентирована на поиск источников финансирования не только среди крупных представителей отечественного бизнеса, но и за рубежом.

Маркетинговая микросреда в благотворительной сфере представляет собой факторы, которые имеют непосредственное отношение к самой благотворительной организации и ее возможностями по обслуживанию своей клиентуры [3. С. 67]. Маркетинговую микросреду условно подразделяют на внутреннюю и внешнюю — сферу деятельности фонда, позволяющую ему реализовать свои маркетинговые проекты. Маркетинговая микросреда — это партнеры, попечители, благотворители, спонсоры, добровольцы, конкуренты, средства массовой информации, а также вся общественность, на которую направлена маркетинговая деятельность. Маркетинговая внешняя микросреда представляет собой всю совокупность факторов, способствующих формированию имиджа и репутации фонда.

Внутренняя маркетинговая микросреда благотворительных организаций и фондов создается посредством объединения материальных, кадровых и управленческих ресурсов, оптимизирующих маркетинговую деятельность внутри организации. К примеру, крупные благотворительные фонды — как зарубежные, так и отечественные — предпочитают иметь в своей структуре специальные отделы, занимающиеся разработкой и реализацией маркетинговой политики организации. Как правило, это отделы развития и (или) маркетинга, отделы связей с общественностью, а также подразделения, отвечающие за имиджмейкинг. Отделы развития, как правило, занимаются маркетинговыми исследованиями запросов по-

требителей, а также организуют работы по привлечению благотворительных и спонсорских средств как от юридических лиц, так и от граждан. Отделы по связям с общественностью и имиджмейкинга создают позитивный имидж благотворительной организации, что необходимо для повышения доверия к ней, а также для формирования в обществе ценностей, привлекающих внимание к благотворительной деятельности. Это немаловажная задача, так как определенную группу в трудовых ресурсах благотворительных фондов составляют добровольцы (волонтеры).

В России институт волонтерства недостаточно развит, хотя за последнюю четверть века динамика привлечения некоммерческими организациями добровольцев заметно улучшилась, и в этом важную роль играют правильно выстроенные маркетинговые стратегии, особенно связи с общественностью и имиджмейкинг. Тем не менее, волонтерство как институт гражданского общества в процессе производства общественных благ еще не прижилось в России настолько, чтобы оказывать существенное влияние на экономические, политические и культурные процессы. Показателем чрезвычайной важности волонтерства и благотворительности является тот факт, что эта проблема была поднята в средствах массовой информации Президентом России В.В. Путиным, 5 декабря 2017 года, обратившим внимание на то, что этот день является международным днем волонтера — в 1985 году по предложению Генеральной Ассамблеи ООН получил официальное название и международный статус.

Весьма показательную картину демонстрируют результаты некоторых исследований. Среди подавляющего числа волонтеров, принимающих в России участие в работе благотворительных организаций культурной и музейной направленности, доминируют граждане от 14 до 25 лет, что связано с активностью данной группы, отсутствием (либо затруднениями в получении) постоянной занятости и т.п. Сопоставление данных показателей с аналогичными в США демонстрирует существенные различия в возрастной и социальной структуре волонтерства. Основную часть (59%) добровольцев в США составляют граждане в возрасте от 36 до 50 лет, а наименьшую часть (18,4%) — школьники и студенты от 14 до 25 лет. Что касается профессиональной стратификации данных категорий, то в США наиболее активными группами выступают работники образовательной сферы (48%), частные преподаватели, репетиторы (14%), а также студенты и аспиранты (21%). Это результаты исследований организации волонтерской деятельности благотворительных фондов культурной и музейной направленности, поэтому можно предположить, что при анализе волонтерства у фондов другой тематической направленности показатели могут быть иными [6; 8; 13. Р. 68]. Однако в целом можно констатировать, что в России институт волонтерства находится лишь на стадии формирования, и процесс этот очень длительный, так как связан с институциональной средой страны. Необходима не только выработка и принятие новых формальных механизмов по совершенствованию законодательной базы и системы менеджмента и маркетинга в организации трудовых отношений в процессе волонтерской деятельности, но и создание неформальных институтов, формиру-

ющих новые ценности в массовом сознании, способствующих повышению авторитета добровольческой работы в глазах населения и созданию позитивного имиджа не только той или иной благотворительной организации, но феномена самой благотворительности.

Для достижения этих целей необходимо усовершенствование всей маркетинговой деятельности как вида интегрированных маркетинговых коммуникаций. Маркетинговая деятельность благотворительных фондов не сводится только к определению целевой аудитории и к исследованию макро- и микросреды, она направлена и на формирование всей маркетинговой стратегии, являющейся тем инструментом, с помощью которого благотворительная организация имеет возможность эффективного управления своей деятельностью в условиях рыночной экономики. Известный классический комплекс маркетинга состоит из четырех инструментов — товар (Product), цена (Price), место продаж и каналы распределения (Place), продвижение (Promotion). Специфика деятельности благотворительных фондов предполагает включение в маркетинговый комплекс дополнительных инструментов в виде процесса (Process), людей (People) и материальной среды (Physical evidence) [13].

Первый термин «продукт» (Product) представляет собой важнейшую составляющую любой деятельности, воплощает в себе реализацию его конечной цели. В деятельности благотворительных организаций продуктом являются услуги, работы, проекты и программы — любая организационно-деятельностная активность, имеющая своей целью реализацию уставных задач организации. Цена (Price): в связи с тем, что основной смысл благотворительных организаций заключается в оказании безвозмездных услуг, цена как элемент комплекса маркетинга большого значения не имеет. Каналы распределения (Place), или место реализации, — это способы распределения всех видов оказываемой благотворительными организациями помощи. Сюда также относятся различные — как собственные, так и независимые — проекты распределения. В том случае, когда благотворительная организация выступает в качестве заказчика, а права на оказание услуг передает другим лицам либо организациям (внешние исполнители), мы имеем дело с независимыми каналами распределения благ. В этом случае за благотворительной организацией сохраняется право контроля за качеством услуг, оказываемых по ее поручению. Независимые каналы распределения чаще всего используются благотворительными фондами. Благотворительные организации придают продвижению продукта (Promotion) очень серьезное значение: именно промоушн способствует непосредственному росту позитивности имиджа организации, позволяет обществу узнать о деятельности организации с лучшей стороны и способствует ее быстрой узнаваемости.

В процессе продвижения собственного продукта благотворительными фондами проявляются все системообразующие компоненты данного комплекса, характерные как для некоммерческих, так и для коммерческих организаций: это деятельность по стимулированию сбыта, прямой маркетинг, пиар (связи с общественностью) и реклама. Коммерческие организации в этом случае движимы целью

получения прибыли, а благотворительные организации решают свои уставные социальные и экономические задачи за счет привлечения при помощи рекламы дополнительных благополучателей, благотворителей, меценатов и спонсоров. Социальные задачи в данном случае заключаются в решении значимых для общества проблем, в то время как к экономическим задачам можно отнести привлечение и поиск денежных ресурсов и материальных благ, необходимых для осуществления уставной деятельности. Из анализа практической деятельности благотворительных организаций следует, что именно экономические задачи решаются ими посредством рекламы, прямого маркетинга и стимулирования сбыта. Пиар и все виды имиджмейкинга ориентированы не столько на решение экономических задач, сколько на реализацию социальных задач. Однако четко разграничить эти элементы интегрированных маркетинговых коммуникаций практически невозможно: и реклама, и прямой маркетинг оказывают большое влияние на решение социальных вопросов, а улучшение связей с общественностью и позитивизация имиджа помогает не только решать социальные задачи, но и улучшать экономические показатели. Такое взаимодействие и взаимопроникновение маркетинговых инструментов, направленных на решение задач любой организации, говорит о чрезвычайной важности всего комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций, включая пиар, рекламу, брендинг, имиджмейкинг и прямой маркетинг. Весь этот комплекс способствует наиболее продуктивному управлению благотворительной деятельностью.

Однако следует заметить, что, например, традиционная реклама для благотворительных фондов играет несравнимо меньшую роль, чем в коммерческом секторе. Этот факт имеет чисто экономическое происхождение — покупка места и времени в средствах массовой информации или в наружной рекламе для бюджета благотворительной организации сопряжена с недопустимо высокими издержками, что не позволяет благотворительным организациям в полном объеме использовать потенциал этого маркетингового инструмента [12]. Поэтому наряду с традиционной официально оплаченной рекламой благотворительные фонды активно используют социальную рекламу, а также популяризацию (или пропаганду), выступающую одним из важнейших элементов пиара (связей с общественностью) и имиджмейкинга, для которых главная цель — не просто распространение информации о продукте, а формирование определенного его имиджа, способствующего привлечению массового внимания. Пропаганда, в отличие рекламы, основывается не на коммерческом, а на редакторском месте и времени, в силу чего издержки на ее приобретение намного ниже, при этом массовое сознание к пропаганде относится с большим доверием, чем к рекламе, и вызвано это тем, что пропаганда в виде пиара не производит впечатления откровенного навязывания продукта, а, используя разные техники психологического воздействия, влияет на массовое сознание путем изменения системы ценностей в направлении, необходимом для формирования поведенческих установок и на последующее принятие решений, необходимых для достижения благотворительными организациями социально-значимых целей.

Прямой маркетинг и стимулирование сбыта — важнейшие инструменты фандрайзинга (сбора средств), потому что решают не утрачивающие своей актуальности финансовые задачи: без привлечения денежных средств в благотворительные фонды осуществление их деятельности невозможно. Прямой маркетинг в благотворительности, как и в коммерческой сфере, применяет такие методы, как личные продажи, карудфандинг (продажи по интернету), телемаркетинг (маркетинг с использованием телекоммуникаций — телефона, факса), рассылки по почте, распространение листовок и т.д.

Пропаганда и популяризация своей деятельности и благотворительности как таковой реализуются благотворительными организациями тоже разнообразными способами. В первую очередь, это привлечение медийного внимания к проблемам благотворительных организаций — участие средств массовой информации необходимо не только в качестве информационных партнеров, размещающих информационные материалы в разных изданиях, на радио и в телепередачах. Роль массовой коммуникации намного более важна, поскольку она осуществляет популяризационное и пропагандистское воздействие на массовую аудиторию посредством косвенного информационного влияния на массовое сознание, основываясь на знании психологических особенностей аудитории — это могут быть, например, телепередачи о жизни детей-сирот, о тяжелой участи одиноких стариков и т.д. Такие передачи имеют большой эффект, потому что, во-первых, не выглядят навязыванием той или иной позиции, а, во-вторых, посредством создаваемых образов воздействуют на эмоциональную сферу личности, которая является наиболее гибкой и больше поддается воздействию, нежели рациональное осмысление той же информации.

Другой способ пропаганды и популяризации благотворительности — участие в тематических выставках и организация разных мероприятий (events), которые по причине своей эффективности, наряду с выставками, завоевывают все большую популярность среди методов, используемых благотворительными фондами. Регулярная организация мероприятий событийного характера (например, детский праздник, юбилейный вечер, экскурсия по памятным местам, праздничный концерт и др.) позволяет считать такого рода деятельность самостоятельным инструментом в реализации коммуникативной политики благотворительных организаций [1. С. 5]. Однако осуществление пропаганды посредством событийных мероприятий имеет определенные недостатки. В отличие от пропаганды с привлечением средств массовой информации, специальные мероприятия имеют довольно высокие издержки, что делает этот метод слишком дорогостоящим и труднодоступным для большинства благотворительных организаций.

Все виды маркетинговой деятельности любой благотворительной организации направлены на решение ее уставных задач и охватывают все взаимодействующие и взаимосвязанные элементы, составляющие систему деятельности организации. Сюда, прежде всего, включены субъекты, оказывающие финансовую поддержку — спонсоры, дарители, попечители, государственные институции и различные государственные и частные фонды, т.е. все, кто оказывает содействие благотворительной организации в получении внешней поддержки. При этом

существует и другая подсистема в обеспечения благотворительной деятельности — в нее входят все инстанции, формирующие и поддерживающие имидж и репутацию благотворительной организации: прежде всего исполнители, благополучатели, а также средства массовой информации, принимающие участие в формировании тех или иных поведенческих установок в массовом сознании.

Рисунок 1 показывает зависимость благотворительной организации от вышеперечисленных участников, включенных в систему ее деятельности; связи с ним ей необходимы, во-первых, для обоснования и подтверждения собственной социальной миссии, во-вторых, для формирования и поддержки позитивного имиджа, и, в-третьих, для улучшения культуры и отношения массового сознания к благотворительности.

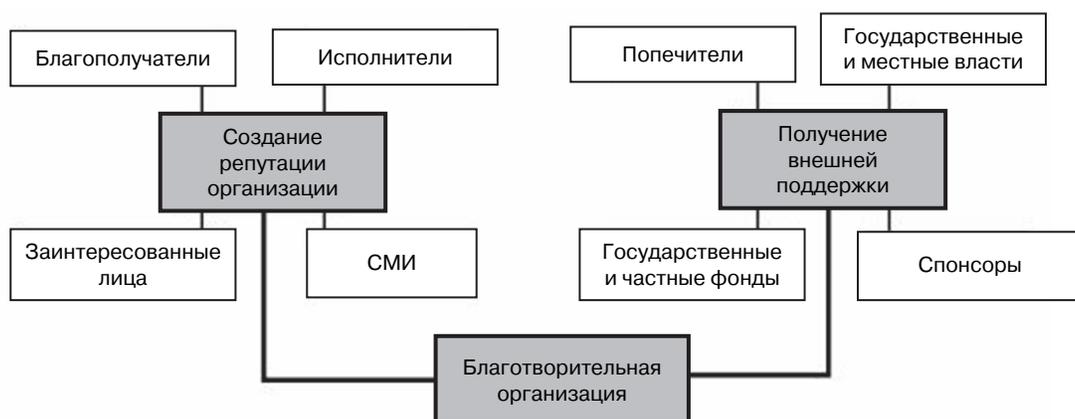

Рис. 1. Направления маркетинга благотворительной организации

Отношения благотворительной организации с попечителями, спонсорами, разными фондами, государственными и местными властями направлены на получение денежной, материальной и организационной поддержки и выделяются в отдельное направление маркетинга [11].

Таким образом, абсолютно все направления и подсистемы маркетинга благотворительных организаций не просто тесно взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Так, тесное сотрудничество со средствами массовой информации способствует формированию позитивного имиджа, необходимого не только для улучшения репутации в глазах общественности, но и для привлечения разной поддержки — не только государственной, но и частной, включая различные корпорации. Маркетинговая деятельность благотворительных организаций представляет собой совокупность тесно связанных между собой мер, главной задачей которых является получение внешней поддержки, необходимой для осуществления благотворительных акций [11].

Подводя итог, сделаем несколько заключительных выводов. Во-первых, среди некоммерческих организаций благотворительная деятельность имеет свои особенности, заключающиеся в специфике ее уставных целей, направленных на безвоз-

безвозмездное оказание помощи благополучателям. Во-вторых, спектр методов, направленных на повышение эффективности решения проблем, представляющихся социально значимыми в конкретной стране в конкретный исторический период, посредством благотворительной деятельности, требует расширения и дополнения методами маркетинга. В-третьих, благотворительные организации, занимающиеся производством общественного блага в виде безвозмездной помощи благополучателям, нуждаются не только в государственной поддержке, но и в укреплении позитивного имиджа благотворительности и волонтерства. В-четвертых, все меры, направленные на получение внешней поддержки, в том числе на привлечение внешних источников финансирования, составляют один из краеугольных камней маркетингового комплекса благотворительных фондов и организаций, который зависит от макро- и микро-маркетинговой среды. Несмотря на официально некоммерческую сущность экономической деятельности, благотворительные фонды могут использовать классический комплекс маркетинга, но учитывающий целевую и функциональную специфику данных организаций, при которой ценовые показатели не играют определяющей роли, в отличие от пиара и пропаганды, формирующих ценностные установки, способствующие успешному решению благотворительными организациями их социально-экономических задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бирюков М.И.* Понятие событийного маркетинга // Прогнозирование экономической конъюнктуры в системах маркетинга. Ульяновск, 2000.
- [2] *Дубгорин А.А., Гуцин М.О.* Проблема благотворительности в Российской Федерации // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 11.
- [3] *Котлер Ф.* Маркетинг. Менеджмент. Анализ, планирование, внедрение, контроль. СПб., 1998.
- [4] *Маркова В.Д.* Маркетинг услуг. М., 1996.
- [5] *Марченко Ю.А., Салимова Г.А.* Роль благотворительности в России // Экономика и социум. 2014. № 2—5.
- [6] Отношение к благотворительности в России. Обзор материалов исследования / Ред. Н. Шувалова. М., 2006.
- [7] *Песоцкая Е.В.* Маркетинг услуг. СПб., 2000.
- [8] Россия в цифрах. М., 2010.
- [9] *Сидорина Т.Ю.* Феномен благотворительности и моральное самосознание // Вопросы философии. 2011. № 2.
- [10] *Толмачева И.А.* Биологическая, этическая и рационально-эгоистическая природа благотворительности как основа институциональных моделей отечественной благотворительности // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 6.
- [11] *Шекова Е.Л.* Особенности маркетинга благотворительных организаций // <http://dis.ru/library/523/25825>.
- [12] *Шекова Е.Л.* Социальная реклама: основные понятия // Маркетинг в России и за рубежом. 2003. № 5.
- [13] *Kotler N., Kotler P.* Museum Strategy and Marketing: Designing Missions, Building Audiences, Generating Revenue and Resources. San Francisco, 1998.

FEATURES OF THE MARKETING ACTIVITIES OF CHARITY ORGANIZATIONS*

T.V. Naumenko

Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: t-naumenko@yandex.ru)

Abstract. The article considers the always-actual issue of charity. The author notes that in Russia the charity has not reached its mature forms, therefore, for the realization of its socially significant goals the charity organizations need to improve the system of their marketing communications. The article considers the forms of marketing depending on the marketing context; shows the importance of volunteer activities; summarizes all components of marketing; explains the need to use the whole complex of integrated marketing communications by charity organizations; points to the specific economic and social goals of charity organizations and the non-price essence of charity; reveals the close connection of charity with the institutional context of society and the need to develop new formal and informal institutions to regulate charity activities and contribute to the development of a new system of values in the mass consciousness. Throughout the article, the author repeatedly emphasizes that the marketing of charity organizations is a set of interrelated measures and methods aimed at both meeting the needs of consumers and receiving external support. All directions and subsystems of marketing of charity organizations are not only closely interrelated but also interdependent. For example, close cooperation with the media contributes to the formation of a positive image of a charity organization, which is necessary not only to improve its social reputation but also to get financial support of the state and commercial organizations including different corporations.

Key words: charity organization; charity; volunteering; marketing; PR; advertising; institutional context; mass consciousness; values

REFERENCES

- [1] Birikov M.I. Ponjatie sobytijnogo marketinga [The concept of event marketing]. *Prognozirovaniye ekonomicheskoy kon'junkturny v sistemah marketinga*. Uljanovsk; 2000 (In Russ.).
- [2] Dubgorin A.A., Guschin M.O. Problema blagotvoritelnosti v Rossijskoj Federatsii [The problem of charity in the Russian Federation]. *Bjulleten Meditsinskih Internet-Konferentij*. 2014: 4 (11) (In Russ.).
- [3] Kotler P. *Marketing. Menedzhment. Analiz, planirovanie, vnedrenie, control* [Marketing. Management. Analysis, Planning, Implementation, Control]. Saint Petersburg; 1998 (In Russ.).
- [4] Markova V.D. *Marketing uslug* [Marketing of Services]. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [5] Marchenko Ju.A., Salimova G.A. Rol blagotvoritelnosti v Rossii [The role of charity in Russia]. *Ekonomika i Socium*. 2014: 2—5 (In Russ.).
- [6] *Otnoshenie k blagotvoritelnosti v Rossii. Obzor materialov issledovaniya* [Attitude to Charity in Russia. A Review of Research Findings]. Red. N. Shuvalova. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [7] Pesotskayja E.V. *Marketing uslug* [Marketing of Services]. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [8] *Rossija v tsifrah* [Russia in Figures]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [9] Sidorina T.Ju. Fenomen blagotvoritelnosti i moralnoe samosoznanie [The phenomenon of charity and moral self-consciousness]. *Voprosy Filosofii*. 2011: 2 (In Russ.).

* © T.V. Naumenko, 2017.

- [10] Tolmacheva I.A. Biologičeskaja, etičeskaja i ratsionalno-egoističeskaja priroda blagotvoritelnosti kak osnova institutsionalnyh modelej otechestvennoj blagotvoritelnosti [Biological, ethical, and rational-egoistic nature of charity as a basis of the institutional model of Russian charity]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2013: 6 (In Russ.).
- [11] Shekova E.L. Osobennosti marketinga blagotvoritelnyh organizatsij [Features of the charity organizations' marketing]. <http://dis.ru/library/523/25825> (In Russ.).
- [12] Shekova E.L. Socialnaja reklama: osnovnye ponjatija [Social advertising: Basic concepts]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2003: 5 (In Russ.).
- [13] Kotler N., Kotler P. *Museum Strategy and Marketing: Designing Missions, Building Audiences, Generating Revenue and Resources*. San Francisco; 1998.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-178-183

СЕРБСКИЙ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ЗАМЕТКИ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ*

**Рецензия на книгу: Шувакович У. Сербия в эпоху перемен.
Москва: Изд-во РУДН, 2016. 162 с.**

Рецензируемая работа представляет собой краткое изложение результатов многолетних «политико-социологических» (определение автора) исследовательских поисков замечательного сербского ученого и видного общественного деятеля Уроша Шуваковича. Небольшой объем книги, учитывая ее значительный временной охват, является одновременно и ее достоинством, и ограничением. С одной стороны, лаконичное хронологически выстроенное и концептуально насыщенное описание жизни сербского общества позволяет даже самому неподготовленному (в этом предметном поле) читателю четко увидеть основные особенности и вехи сербской истории последних десятилетий. С другой стороны, автор явно предполагает, что его читатель вполне компетентен в проблематике постсоциалистического транзита в целом и его российской версии в частности, а потому как будто ведет с аудиторией сложный диалог, интонационно-стилистически пытаясь убедить читателя, что ни в первом (аналитическая категоризация транзита), ни во втором (оценки факторов, хода, результатов и последствий страновых версий переходного периода) случаях недопустима однозначность суждений и непоколебимость интерпретаций.

Несколько противоречива и авторская характеристика книги как политико-социологического исследования, поскольку это определение столь же точное, сколь и недостаточное: как читатель легко сможет убедиться, автор книги — поразительно эрудированный и неравнодушный человек, прекрасно понимающий реалии современного глобализирующегося мира далеко не только в рамках политико-социологической оптики и дискурса, и при этом жестко оценивающий последствия неолиберальной капиталистической поступи глобализма по тому географическому пространству, которое принято называть постсоциалистическим. Эрудированность автора определяется широким междисциплинарным разбросом его интересов: первоначально они ограничивались использованием опросных (тестовых) методик

* © Нарбут Н.П., Троцук И.В., 2017.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (РФФИ). Проект № 15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)».

в изучении политических представлений, затем переключились на роль политических партий в социальном целеполагании; сначала автор связывал свою карьеру с географико-социологическим поприщем, но уже более десяти лет работает на философском факультете Университета Приштины, размещенном в Косовской Митровице, где был заведующим кафедрой социологии, а с 2012 года — заместителем декана по научно-исследовательской и издательской деятельности.

Неудивительно, что монография была опубликована в издательстве Российского университета дружбы народов: кафедра социологии РУДН сотрудничает с У. Шуваковичем уже более десяти лет, пытаясь зафиксировать сложнейшие для понимания и ускользающие от однозначных дефиниций и тем более оценок результаты и последствия многочисленных трансформаций и реформ последних десятилетий в молодежном мировоззрении России и Сербии в сравнительном контексте. В основном подготовленные в рамках российско-сербского сотрудничества (неоднократно поддержанного Российским гуманитарным научным фондом) публикации носят «эмпирический» характер, представляя читателю тематически сгруппированные данные социологических опросов (скажем, о патриотическом настрое или социальном доверии) и осторожные попытки интерпретировать их в сопоставительной перспективе. Рецензируемая монография совершенно иная по содержательному наполнению: в ней представлены результаты полутора десятилетий исследовательской работы автора и пятилетней оценки разнообразных и противоречивых аспектов сербского постсоциалистического транзита в рамках научного проекта «Косово и Метохия между национальной идентичностью и евроинтеграцией» (2011—2016). Кроме того, монография не характерна для российского научного дискурса — она очень эмоциональна, но при этом насыщена историческими фактами и сопровождается внушительным библиографическим аппаратом, их подтверждающим в констативном и оценочном отношениях, поскольку автор стремится реконструировать контуры теоретико-методологического подхода к изучению постсоциалистического периода на огромном географическом пространстве на примере «кейса» Сербии.

Со структурно-содержательной точки зрения книга выстроена безупречно. В предисловии автор обозначает три причины, почему сербский опыт транзита может быть интересен для российского научного (и не только) сообщества, несмотря на то, что размеры, возможности и геополитический статус двух стран различны: это схожая судьба распада прежде монолитных социалистических государств, которые унаследовали множество проблем своих исторических предшественников и испытывают схожее внешнее давление нехарактерных для себя ценностных ориентиров.

В первой главе автор обозначает собственные методологические принципы в изучении переходного периода, основным из которых является «беспощадная критика» — средство противостояния доминирующей сегодня в общественном сознании «догматической апологетике» транзита как такового и как рефрена глобализации. Казалось бы: уже несколько десятилетий ведутся бесконечные дискуссии о сути, итогах и последствиях разнообразных видов социального транзита, в том числе с опорой на объемные эмпирические данные из разных географических и времен-

ных точек. Однако автор упреждает возможную критику своей работы как очередной попытки артикулировать очевидное, отмечая отсутствие в данном предметном поле однозначных дефиниций (транзита, трансформации, глобализации и транзитивного общества), наличие здесь двух интерпретативных уровней, замысловато переплетающихся в разных концептуальных построениях (теоретического и идеологического) и объективные различия социальных условий перехода в разных странах (скажем, в России и бывших советских республиках, Германской Демократической Республике, Центральной Европе или Юго-Западных Балканах). Кроме того, в научном сообществе нет единодушия и относительно методов изучения хода и результатов постсоциалистического перехода, за исключением признания необходимости сочетать статистические и социологические данные в сравнительном контексте.

Хотя формально Сербия появляется в содержании книги только в названии четвертой главы (из пяти), свои методологические и категориальные поиски автор также сопровождает конкретным эмпирическим и историческим материалом из жизни сербского общества. Завершает первую главу утверждение о невозможности отдельной дисциплины — социологии транзита (или переходного общества), хотя подобные попытки известны и в российской науке, поскольку переходный период — определенный контекст существования общественных явлений, а не их новое качество, поэтому транзит вполне укладывается в тематическую рубрику «социальная динамика» в рамках общей социологии.

Вторая глава книги посвящена проработке категориального аппарата анализа транзита как комплексного социального изменения: автор апеллирует к широкому кругу источников, включая энциклопедические и словарные издания, чтобы максимально детально и полно очертить поле семантических значений слова «транзит». В главе показана хронологическая эволюция данного понятия в его расширительной трактовке (перехода) — как оно использовалось в концептуальных построениях разных десятилетий, меняя свои содержательные акценты. В одни десятилетия они смещались к критике конкретного (классового) социального порядка, в другие — подчеркивали возможности изменения общественной системы, причем в противоположных направлениях, отражая радикально разные трактовки политических режимов (например, демократии) и/или социально-экономических систем (в частности, отношений собственности). В последнем случае автор ссылается на классический марксизм и уверенно использует марксистскую терминологию применительно к недавним историческим реалиям, например, негативно оценивая ход (в «серой» нормативно-правовой зоне) и результаты приватизации, но при этом не менее критически отзываясь и о той системе этатистского социализма, который приватизация разрушала в рамках перехода к рыночной экономике. Крайне негативно автор отзывається о транзите как некритическом принятии западной общественной модели бывшей партийной номенклатурой, что определило общую траекторию постсоциалистического перехода — в формат периферийных капиталистических обществ.

Далее автор прodelывает аналогичную работу с понятием «глобализация», отталкиваясь от разведения двух ее трактовок: в широком смысле глобализация

выступает как исторически устойчивая форма разнообразных попыток объединения людей; в более узком смысле это нарастающая в последние полстолетия взаимозависимость современных обществ (мондиализация), обусловленная научно-техническим и технологическим прогрессом, общественно-политическими изменениями и амбициям транснациональных корпораций, которым стало тесно на национальных рынках. Противостоит этому движению глокализация, которую автор интерпретирует как многообразные попытки отдельных социальных систем/групп/обществ сохранить свое своеобразие, в том числе модифицируя под себя то глобальное влияние, которому они объективно не способны противостоять. Возможный кризис глобализации, ссылаясь на работы как сербских, так и западных ученых, автор связывает с невозможностью сдержать и/или смягчить процессы стандартизации (если трактовать глобализацию как совокупность этих процессов во всех сферах жизни). Следует подчеркнуть, что здесь, как и в целом в книге, приводится множество подтверждающих высказывания автора цитат и конкретных примеров из самых разных географических и временных точек.

В третьей главе общая логика и реалии переходного периода рассмотрены в очень удачном формате: сначала автор приводит утверждения выдающихся теоретиков (скажем, С. Хантингтона и Э. Гидденса о сути и достоинстве транзита как политической демократизации), а затем показывает, насколько они соответствуют разным постсоциалистическим обществам (например, в Польше, Югославии и Украине), очень подробно и преимущественно констативно (хотя выдержать безэмоциональную отстраненность автору удается не всегда) перечисляя конкретные события, которые свидетельствуют о степени достижения «модельных» теоретических параметров транзита (реально или формально общества, например, стали демократическими). Несмотря на очень личное восприятие событий прошедших десятилетий, автор сохраняет научную нейтральность и не ищет виноватых, а обозначает внутренние и внешние истоки проблем и противоречий. Скажем, в Сербии грабительский характер приватизации (аналогичный эпитет применяют и в российском обществе) автор объясняет целым рядом внешних и внутренних для страны факторов: и выбранной моделью добровольной «инсайдерской» приватизации, и санкциями ООН, и сохранением социалистической директорской верхушкой своего влияния в экономике (на позициях «компрадорской или национальной буржуазии»).

Во второй части главы представлены статистические данные и экспертные оценки, на основе которых автор называет общие и особенные черты переходных обществ, но опять же в основном опираясь на примеры из сербской действительности. В частности, отмечается высокий уровень безработицы, формирование «серого» рынка труда и расширение масштабов и видов «нестандартной/неформальной занятости» (прекаризация), появление «многомерной бедности» и новых факторов неопределенности (экономических, социальных и мотивационных), усложнение и расширение коррупционных практик, использование средств массовой информации не для информирования и образовательной системы не для обучения, а для навязывания населению определенной идеологической версии действительности. По итогам сопоставительного анализа разных данных автор приходит к не-

утешительному выводу, что переходный период во многих странах постсоциалистического транзита привел только к видимости политической демократии и беззащитно лишил население многих социально-экономических прав (на труд — безопасный и постоянный, медицинское и пенсионное обеспечение и пр.).

На внушительном теоретико-методологическом и фактуальном фундаменте первых трех глав книги в четвертой и пятой главах автор реконструирует особенности переходного периода в Югославии и Сербии. Безусловно, в ряде вопросов он (как и все мы, будучи пленниками этноцентризма) преувеличивает значение своей страны в глобальных процессах, однако в целом объективно оценивает ситуацию в сербском обществе. В частности, автор подчеркивает свое принципиальное несогласие с теми, кто считает сербский транзит уникальным: он аналогичен другим странам переходного типа, но отягощен целым рядом особых обстоятельств, в которых стране пришлось осуществлять транзит (военные действия, распад Югославии, санкции ООН, этнотеррористическое насилие и т.д.) — они описаны в главе с точки зрения своих исторических предпосылок, логики развития и нынешней ситуации. Этими описаниями автор стремится обосновать два своих постулата: во-первых, что нет и не может быть никаких универсальных решений (глобальных рекомендаций для всех стран) в экономической, социальной или культурной сфере; во-вторых, нет и не может быть единственного виноватого в сложных этно-религиозно-территориальных конфликтах, особенно если они принимают форму вооруженного противостояния, какими бы красивыми словами происходящее ни называли внешние стороны.

И, наконец, завершает книгу подведение итогов постсоциалистического транзита в Сербии, которые автор суммирует очень емко-лаконично — периферийный (и даже неокOLONиальный) статус страны. Опираясь на статистические данные, автор соглашается с теми, кто пессимистично оценивает переходный период в жизни сербского общества как время потерь (политического суверенитета, территориальной целостности, экономической стабильности, уверенности в завтрашнем дне и пр.), но подчеркивает, что, даже зная о них заранее, Сербия не смогла избежать транзита (страна не обладает геополитическими и социально-экономическими ресурсами Китая или географической способностью Кубы дистанцироваться от происходящего). Здесь автор дает жесткие оценки, которые применительно к российскому обществу отечественные исследователи если и высказывают, то все же кулуарно, а не в научных публикациях, предпочитая в академическом дискурсе использовать нейтральные категории. В этом, несомненно, проявляется специфика карьерного и жизненного пути У. Шуваковича, который представляет собой сложное сочетание научно-исследовательской работы и активной общественной деятельности с опорой на ее результаты.

В заключение хочется подчеркнуть, что монография не является примером легкого чтения уже хотя бы потому, что написана автором, который хорошо знает русский язык, но все же часто воспроизводит сербскую семантическую и стилистическую манеру письма, непривычную российскому читателю. Кроме того, по ряду содержательных вопросов с автором трудно согласиться: многие его оценки раз-

деляешь, с какими-то соглашаешься частично (с сутью, но не с оценочной артикуляцией) — все это превращает чтение скорее не в приятную водную прогулку на пруду в городском парке, а в плавание в открытом море, которое неизбежно и неоднократно сменит штиль на бурные волны. Однако это ни в коем случае не отменяет важности прочтения книги, чтобы понять, как «видит» ситуацию в Сербии (и за ее пределами) включенный в нее наблюдатель, причем настоящий интеллигент и грамотный исследователь, у которого болит душа за судьбу своей маленькой страны в огромном глобализирующемся мире. В этом смысле книга прекрасно иллюстрирует характерную особенность метода длительного включенного наблюдения, если его проводит предельно недистанцированный от реалий исследователь — неизбежную эмоционально-биографическую нюансировку любой аналитической модели.

Нарбут Н.П., Троцук И.В.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-178-183

**SERBIAN POST-SOCIALIST TRANSITION:
NOTES OF THE PARTICIPANT OBSERVER**

Review of the Book: Šuvaković U. (2016)

***Serbia under the Transition*. Moscow: Izd-vo RUDN.
162 p. (In Russ.)**

НАШИ АВТОРЫ

Андропова Инна Витальевна — доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: aiv1207@mail.ru).

Белова Ирина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ibelova03@yandex.ru).

Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (e-mail: bela46@mail.ru).

Ганеева Марина Вилевна — заместитель директора департамента финансов Евразийской экономической комиссии (e-mail: info@eecommission.org).

Горшков Михаил Константинович — доктор философских наук, академик Российской академии наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: m_gorshkov@isras.ru).

ДиФрейн Джон — почетный профессор кафедры исследований детства, юности и семьи Университета Небраски-Линкольна (e-mail: jdefrain1@unl.edu).

Захарова Светлана Валерьевна — магистрант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: rundmc13@yandex.ru).

Крамар Алексей Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: ecoved@gmail.com).

Ключарев Григорий Артурович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, главный редактор журнала «Социологические исследования» (e-mail: kliucharevga@mail.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina_ti@rudn.university).

Мерль Штефан — доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета (e-mail: smerl@uni-bielefeld.de).

Мосейкин Юрий Никитович — доктор экономических наук, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: econom@rudn.ru).

Мысливец Николай Леонтьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин, заместитель декана факультета довузовской подготовки Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (e-mail: n.myslivets@gmail.com).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut_np@rudn.university).

Науменко Тамара Васильевна — доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: t-naumenko@yandex.ru).

Неверов Александр Викторович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: neverov_av@rudn.university).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova_zhv@rudn.university).

Радкевич Константин Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: radkevich@rambler.ru).

Романов Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (e-mail: oromanov@inbox.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тюрина Ирина Олеговна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: irina1-tiourina@yandex.ru).

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: schabaga@gmail.com).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 26 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 200—250 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 26 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 200—250 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address.

The decision as to publication is made within three months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.